

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2019 Том 19 № 1

В номере: КНР — США: конкуренция или сотрудничество

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1
<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Научный журнал
Издается с 2001 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61203 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор <i>А.В. Шабазга,</i> доктор философских наук, профессор, РУДН, Россия ir@rudn.ru	Заместитель главного редактора <i>Д.А. Дегтерев,</i> кандидат экономических наук, доцент, РУДН, Россия degtere-da@rudn.ru	Заместитель главного редактора <i>К.П. Курyleв,</i> доктор исторических наук, доцент, РУДН, Россия kurylev-kp@rudn.ru	Ответственный секретарь <i>О.С. Чикризова,</i> кандидат исторических наук старший преподаватель, РУДН, Россия chikrizova-os@rudn.ru
--	--	--	--

Научные редакторы: кандидат политических наук Е.Н. Грачиков (политика), кандидат экономических наук Е.Ф. Черненко (экономика), кандидат исторических наук О.С. Чикризова (история)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бажанов Евгений Петрович, доктор исторических наук, директор Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Ларионова Марина Владимировна, доктор политических наук, директор Центра исследований международных институтов РАНХиГС, профессор Департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ

Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, руководитель Центра изучения стран Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока»

Сапронова Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России

Хейфец Виктор Лазаревич, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге

Фитуни Леонид Леонидович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, заместитель директора Института Африки РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований

Адилханулы Нурлан Адилханович, кандидат политических наук, проректор Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылайхана, Казахстан

Агрян Ваагн Робертович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой факультета международных отношений Ереванского государственного университета, Армения

Акинер Ширин, профессор Школы восточных и африканских исследований Лондонского университета, Великобритания

Ван Гуанчжэнь, доктор исторических наук, профессор Школы истории и культуры Шаньдунского университета, Китай

Гутьеррес Дель Сид Ана Тереза, профессор международных отношений Столичного автономного университета, Мексика

Кёхлер Ханс, профессор философии Университета Инсбрука, Австрия

Моргунова Оксана, доктор философии, Центр по изучению России, Центральной и Восточной Европы Университета Глазго, Великобритания

Такахаси Мотоки, профессор Высшей школы исследований в области международного сотрудничества Университета Кобе, президент Японского общества по международному развитию, Япония

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 выпуска в год.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям «История», «Политические науки», «Экономика».

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>), базу данных Erih Plus (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>), EBSCO.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu и Mendeley.

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Официальный сайт журнала: <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

Цель и тематика

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения» — ведущий российский научный журнал, созданный в 2001 г. По своему содержанию это классический журнал по международным отношениям с особым акцентом на сотрудничество со странами СНГ, странами «глобального Юга» (Азии, Африки, Латинской Америки), а также на международное образовательное сотрудничество и историю международных отношений. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских исследований по политическим наукам, истории и экономике. Журнал распространяется по подписке, а также рассылается в ведущие вузы РФ по международным отношениям и институты РАН. Электронный дайджест рассылается в ведущие зарубежные исследовательские центры.

Каждый из номеров имеет определенную тематическую направленность, которая задается заранее (не менее чем за 1 год). Статьи по тематике номера составляют его ядро. При этом публикуются статьи и по другим темам, в частности в постоянных рубриках журнала, к которым относятся «История международных отношений», «Прикладной анализ», «Политические портреты», «Международное образовательное сотрудничество». Журнал приветствует публикацию рецензий. В каждом номере в рубрике «Научные школы» размещаются академические интервью с ведущими исследователями-международниками, работающими в одной сфере, но в разных странах. Приветствуются также статьи на английском языке и статьи с выраженной исследовательской методологией, методами прикладного анализа международных отношений.

Тематический портфель на 2019 г. следующий:

№ 3 2019	Энергетическое сотрудничество и международные транспортные проекты в развивающихся странах	До 15 мая 2019 г.
№ 4 2019	«Исламский фактор» в мировой политике	До 15 августа 2019 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

Редактор И.Л. Панкратова

Компьютерная верстка Е.П. Довголевская

Адрес редакции

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Почтовый адрес редакции

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.university

Подписано в печать 25.03.2019. Выход в свет 29.03.2019.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Тираж 500 экз. Заказ № 7. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,
тел. (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2019

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS

2019 VOLUME 19 No. 1

In this issue: China — USA: Coo-petition (Cooperation + Competition)

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Founded in 2001

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Professor Dr. Andrey Shabaga
RUDN University, Russia
ir@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

PhD Denis Degterev
RUDN University, Russia
degterev-da@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Doctor Konstantin Kurylev
RUDN University, Russia
kurylev-kp@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Olga Chikrizova
RUDN University, Russia
chikrizova-os@rudn.ru

Scientific Editors: PhD E.N. Grachikov (Politics), PhD E.F. Chernenko (Economics), PhD O.S. Chikrizova (History)

EDITORIAL BOARD

Bazhanov Eugene Petrovich, Doctor, Director of Institute of Contemporary International Studies, Diplomatic Academy, MFA of Russia

Larionova Marina Vladimirovna, Doctor, Head of the Center for International Institutions Research of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, professor of the Department of World Economy of the Faculty of World Economy and World Politics of the HSE

Mosyakov Dmitry Valentinovich, Doctor, Head of Department of Southeast Asia, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Portyakov Vladimir Yakovlevich, Doctor, Editor-in-chief of Far Eastern Affairs Journal (Russia)

Sapronova Marina Anatolievna, Doctor, Professor of the Department of Oriental Studies of MGIMO University, MFA of Russia

Heifetz Victor Lazarevich, Doctor, Professor of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, representative in St. Petersburg of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences

Fituni Leonid Leonidovich, Doctor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Global and International Studies

Adilhanuly Nurlan Adilkhanovich, PhD, Prorector of the Kazakh University of International Relations and World Languages named Abylaikhan, Kazakhstan

Aglyan Vahagn Robertovich, PhD, Head of the Department of International Relations of Yerevan State University, Armenia

Akiner Shirin, Professor of School of Oriental and African Studies (SOAS), University of London, UK

Wang Guangzhen, Doctor, Professor of the School of History and Culture in Shandong University, China

Gutierrez Del Cid Ana Teresa, Professor of International Relations at Metropolitan Autonomous University, Mexico

Kochler Hans, Professor of Philosophy at the University of Innsbruck, Austria

Morgunova Oksana, PhD, Centre for Russian, Central and East European Studies, University of Glasgow, UK

Takahashi Motoki, Professor, Graduate School of International Cooperation Studies, Kobe University, President of Japan Society for International Development, Japan

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, Erih Plus database (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>), EBSCO.

Accessible at Academia.Edu and Mendeley.

Aims and Scope

Vestnik RUDN. International Relations is a leading Russian scientific journal, established in 2001 by Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), which holds a top position in terms of student's body internationalization across the CIS and the BRICS (students represent more than 150 countries of the world).

This is a classic journal on international studies with a special emphasis on cooperation with the CIS countries as well as with the Global South (Asia, Africa, Latin America), international educational cooperation and history of international relations. The journal is distributed by subscription and also on demand to leading Russian IR experts. Electronic digest is sent to the world's leading IR research centers.

The journal is international in topic coverage, editorial board and pull of authors. Being included in the international academic discourse, the journal regularly publishes articles of world recognized experts in international and regional studies from Russia, Europe, Asia and the USA. On the other hand, the edition introduces papers by promising researchers from Asia, Africa and Latin America to present their local (national, regional) vision of world that allow to elaborate a balanced approach to facing global challenges.

Each of the issues has, but is not limited to a particular thematic focus, which is set in advance (at least 1 year). Articles on the thematic focus make up the "core" of issue. At the same time other topics are also covered. Constant rubrics include "History of International Relations", "Applied Analysis", "Political Portraits", "International academic cooperation". The journal welcomes the publication of reviews. Academic interviews with leading researchers on international affairs, working in one area, but in different countries are allocated in every issue in the rubric "Research Schools".

Upcoming issues of the Vestnik RUDN for 2019 will deal with the following issues:

# 3 2019	International Energy Cooperation and Transport Mega-projects in Developing Countries	By May 15, 2019
# 4 2019	The Role of Islam in World Politics	By August 15, 2019

Vestnik RUDN. International Relations is inviting prospective contributors. Both languages are welcome for articles — English and Russian. For more information on the thematic focus of the upcoming issues of the Bulletin and on the rules of submitting manuscripts, visit <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

Editor I.L. Pankratova

Computer design E.P. Dvoglevskaya

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

Postal Address of the Editorial Board:

Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198
Ph. +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

© Peoples' Friendship University of Russia, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ:

КНР — США: конкуренция или сотрудничество

- Suisheng Zhao, Guo Dan.** A New Cold War? Causes and Future of the Emerging US—China Rivalry (Суйшэн Чжао, Го Дань. Новая холодная война? Причины и перспективы зарождающегося американо-китайского соперничества) 9
- Лексютина Я.В.** Роль Китая в стратегии «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» Д. Трампа 22
- Виноградов А.О., Салицкий А.И., Семенова Н.К.** Американо-китайская экономическая конфронтация: идеология, хронология, значение 35
- Яковлев П.П.** США и КНР в Латинской Америке: контуры конкуренции 47

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

- Саква Р.** Постъевропейский мир, или Что нас ожидает после инволюции Европы? Монизм и отношения с Россией. Часть 2 59

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

- Cheng Guo, Chen Lu, Degterev D.A., Zhao Jielin.** Implications of «One Belt, One Road» Strategy for China and Eurasia (Чэн Го, Чэнь Лу, Дегтерев Д.А., Чжао Цзелинь. Значение стратегии «Один пояс, один путь» для Китая и Евразии) 77
- Игнатов А.А.** Саммит БРИКС в Йоханнесбурге: больше новых механизмов и меньше конкретных решений 89

ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ

- Yessimova A.B., Panarin S.A.** Western Europe through the Eyes of Students of Kazakhstan Universities: Countries' Images and Driving Force for their Formation (Есимова А.Б., Панарин С.А. Западная Европа глазами студентов казахстанских вузов: образы стран и движущая сила их формирования) 100

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

- Жилина Л.В.** Японское университетское сообщество в международном окружении: маневры или курс на снижение? 119
- Асмятуллин Р.Р.** Стратегии зарубежных университетов на образовательном рынке АСЕАН 130

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

- Мартыненко С.Е., Трусова А.А., Черняев М.С.** Пинг-понговая дипломатия: влияние на установление китайско-американских отношений 139

РЕЦЕНЗИИ

- Никулин М.А.** Рецензия на монографии: Brands H. American Grand Strategy in the Age of Trump. Brookings Institution Press, 2018. 244 p.; Kang C.D. American Grand Strategy and East Asian Security in the XXI Century. Cambridge University Press, 2017. 224 p. 148
- Цвык А.В.** Рецензия на монографию: The Belt & Road Initiative in the Global Arena. Chinese and European Perspectives / Ed. by Yu Cheng, Lilei Song, Lihe Huang. Palgrave Macmillan, 2018. 266 p. 151

Мокрецкий А.Ч. Рецензия на монографию: Danner L.K. China's Grand Strategy. Contradictory Foreign Policy? USA: Florida International University, Palgrave Macmillan, 2018. 219 p.	154
Стрельцов Д.В. Рецензия на монографию: Akimoto D. The Abe Doctrine. Japan's Proactive Pacifism and Security Strategy. Singapore: Palgrave Macmillan, 2018. 246 p.	157
Грачиков Е.Н. Рецензия на монографию: Zhang Shuhua. Eluosi zhi lu 30 nian: guojia gaige yu zhidu xuanze [The Logic of Big Powers' Institutional Transition: 30 Years from Soviet Union to New Russia]. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe [Chinese Social Sciences Press], 2018. 370 p.	160
Куклин Н.С. Рецензия на монографию: Shekhar V. Indonesia's Foreign Policy and Grand Strategy in the 21st Century. London: Routledge, 2018. 243 p.	162
Филиппов В.М. Рецензия на монографию: Mittelman J.H. Implausible Dream. The World-Class University and Repurposing Higher Education. Princeton: Princeton University Press, 2018. 262 p.	165

CONTENTS

THEMATIC DOSSIER:

China — USA: Co-opetition (Cooperation + Competition)

- Suisheng Zhao, Guo Dan.** A New Cold War? Causes and Future of the Emerging US—China Rivalry 9
- Leksyutina Ya.V.** China in D. Trump’s Free and Open Indo-Pacific Strategy 22
- Vinogradov A.O., Salitsky A.I., Semenova N.K.** US—China Economic Confrontation: Ideology, Chronology, Meaning 35
- Yakovlev P.P.** USA and China in Latin America: Contours of Competition 47

PEACE AND SECURITY

- Sakwa R.** Beyond the Involution of Europe? Monism and Relations with Russia. Part 2 59

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

- Cheng Guo, Chen Lu, Degterev D.A., Zhao Jieli.** Implications of «One Belt, One Road» Strategy for China and Eurasia 77
- Ignatov A.A.** BRICS Summit in Johannesburg: More Instruments and Fewer Decisions 89

APPLIED ANALYSIS

- Yessimova A.B., Panarin S.A.** Western Europe through the Eyes of Students of Kazakhstan Universities: Countries’ Images and Driving Force for their Formation 100

INTERNATIONAL EDUCATIONAL COOPERATION

- Zhilina L.V.** Japanese Universities’ Community in International Environment: Maneuvers or Heading Down? 119
- Asmyatullin R.R.** Strategies of Foreign Universities on the ASEAN Educational Market 130

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

- Martynenko S.E., Trusova A.A., Cherniaev M.S.** Ping-Pong Diplomacy: Impact on the Establishment of Sino—US Relations 139

REVIEWS

- Nikulin M.A.** Book Review: Brands H. (2018). American Grand Strategy in the Age of Trump. Brookings Institution Press, 244 p.; Kang C.D. (2017). American Grand Strategy and East Asian Security in the XXI Century. Cambridge University Press, 224 p. 148
- Tsvyk A.V.** Book Review: Yu Cheng, Lilei Song & Lihe Huang (Eds.). (2018). The Belt & Road Initiative in the Global Arena. Chinese and European Perspectives. Palgrave Macmillan, 266 p. 151

Mokretskii A.Ch. Book Review: Danner, L.K. (2018). China's Grand Strategy. Contradictory Foreign Policy? USA: Florida International University, Palgrave Macmillan, 219 p.	154
Streltsov D.V. Book Review: Akimoto, D. (2018). The Abe Doctrine. Japan's Proactive Pacifism and Security Strategy. Singapore: Palgrave Macmillan, 246 p.	157
Grachikov E.N. Book Review: Zhang Shuhua. (2018). Eluosi zhi lu 30 nian: guojia gaige yu zhidu xuanze [The Logic of Big Powers' Institutional Transition: 30 Years from Soviet Union to New Russia]. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe [Chinese Social Sciences Press], 370 p.	160
Kuklin N.S. Book Review: Shekhar, V. (2018). Indonesia's Foreign Policy and Grand Strategy in the 21st Century. London: Routledge, 243 p.	162
Filippov V.M. Book Review: Mittelman, J.H. (2018). Implausible Dream. The World-Class University and Repurposing Higher Education. Princeton: Princeton University Press, 262 p.	165

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: КНР — США: конкуренция или сотрудничество

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-9-21

A New Cold War? Causes and Future of the Emerging US—China Rivalry

Suisheng Zhao

University of Denver, Denver, USA

Guo Dan

Party School of the Central Committee of C.P.C
(Chinese Academy of Governance), Beijing, PRC

Abstract. The Trump Administration declared China a strategic competitor and a revisionist power. It escalated a trade war to a full-frontal clash with China. Some experts qualified it as a new Cold War between the US and China.

Both countries are undergoing dramatic transformation. Their destinations will determine the course and outcome of the emerging US—China rivalry. This article argues that while engagement is now defined by competitive interests, the profound interdependence continues underpinning the bilateral relationship. Although there is no precedent to guide economic and geostrategic competition between the two largest and deeply intertwined economies and heavily militarized superpowers, the US and China must find some balance of interests with each other and avoid violent confrontation that serves neither's interest. This level of engagement requires vision and flexibility. With strong economic interdependence, the existence of an international institutional order, limited ideological confrontation, and nuclear second-strike capability, leaders of two countries have no choice but find ways to manage their competition and continue further engagement with each other.

Authors conclude that the stronger China grows, the harder it gets for Washington to force it back down. Driving PRC into a corner is the way to make China even tougher. So it could cause more severe consequences for both countries.

Key words: US—China relations, trade war, reciprocity, international order, competition, engagement, interdependence

As the perception that China took advantage of the US open economy while sheltering its own markets behind protectionist barriers rankle many Americans, the candidates across the American political spectrum in 2016 Presidential campaign unanimously treated China as a rival. Making castigating China a staple of his presidential campaign, Donald Trump's China-bashing helped his election victory. Under the Trump presidency, rivalry with China has become the organizing principle of the American foreign policy. Republicans and Democrats disagree on almost everything but one area where they agree upon is that America must change its policy toward China. These developments have raised the questions about if the US—China relationship has slipped into a potentially violent confrontation or even a new Cold War.

The article argues that the shifting mode in the US has come due to the challenges from the forces

in both countries. Facing a China for what it is, not the country the US wished it to be, the US has focused on advancing its economic and security interests rather than American ideals and balancing China's rise rather than assisting China's modernization. While the US encouraged almost unrestricted ties with China to promote cooperation in the past, the US has attempted to stop China from taking advantage of the US open society and economy to advance China's interests at America's expense. Reciprocity is the key word in the emerging rivalry. But the profound interdependence continues underpinning the relationship. Neither containment nor disengagement is a viable option. It is still in the US interest to encourage China's reforms and foster a prosperous and secured China acting as a responsible stakeholder in the international system although it is up to the Chinese to decide if it is in their interests to do so.

Causes for the Emerging Rivalry

The US—China relationship has always been defined by a mix of cooperative and competitive interests since normalization in the 1970s. While the leaders in both countries had tried to define competition by shared interests of cooperation in the past, competitive interests have prevailed to define the relationship and US—China rivalry has emerged and intensified in recent because of the challenges to the relationship from the forces in both China and the US [Pillsbury 2015].

The global financial crisis in 2009 was a turning point. Shrugging off the crisis and rebounding quickly, Chinese leaders started openly blaming “inappropriate macroeconomic policies” of Western countries and “their unsustainable model of development”¹. Showing disillusion over the liberal model of modernization, Beijing has enthusiastically promoted a China model of state-capitalism to compete with market-driven capitalism. Proposing “four confidences”: i.e., confidence in the theory of “socialism with Chinese characteristics”, China’s current path, current political system, and culture, President Xi declared that China’s system offered a new option for other countries and nations who want to speed up their development while preserving their independence.

Beijing’s confidence came from its massive economic growth in the past three decades, which has made it a great power by a host of measures, such as aggregated GDP size, industrial production, exports, foreign aid, size of urban areas, military strength, and diplomatic activity. Hu Angang at Beijing’s Tsinghua University became known for his argument that China’s national strength had surpassed that of the US on all fronts in 2014: including economic power, technology and in overall competitiveness and strength [Hu, Zhen, Gao 2015].

Brewing the nationalist pride, President Xi has rallied Chinese people to the promise of greater wealth, power, and global clout. Strengthening the position of state-owned enterprises (SOE) to help Chinese firms develop advanced technologies in key sectors, China has maintained a range of restrictions

on foreign firms. As one Chinese commentator admitted, “China effectively negotiated into the WTO on preferential terms by taking advantage of the West’s illusion of the eventuality of a globalized economic order... Yet, China does not and probably never will subscribe to the universal ideology of democratic liberalism, and its vibrant market economy is pointedly not capitalism” [Li 2014]. The US business community, once the strong supporter of engagement, has complained that China hacked U.S. industrial secrets, created obstacles for American firms investing in China, enforced regulations that discriminates against foreigners, continued high tariffs that should have been reduced decades ago, and blocked American Internet businesses. As Lampton observed, “There was widespread public perception that the Sino-American economic playing field had been unfair to Americans, with the assertion that the American economy was hollowed out, in part due to overt and covert technology transfer to China” [Lampton 2015].

Internationally, President Xi has launched China-led global and regional initiatives such as the Belt and Road Initiative (BRI) and the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB). In the Asia-Pacific, he announced Asian security to be “maintained by Asians” to de-legitimize America’s presence in the region. Projecting power, China has made unprecedented “land reclamation” activities in the disputed waters of the South China Sea, turning them into military bases.

Although it is not a complete surprise that a more powerful China would take on the characteristics of a rising power, some Americans are alarmed that China continues to nurture its fantasies with the attempts to re-establish a Middle Kingdom, cherish its hates by constant dredging up the century of humiliation. The Chinese government is no longer living in angry isolation but becoming “a great mercantilist dragon, using the power of its vast markets to cow and co-opt capitalist rivals, to bend and break the rules-based order and to push America to the periphery of the Asia-Pacific region”². Calling West’s

¹ Chinese premier’s speech at World Economic Forum Annual Meeting 2009. *Xinhua*, January 28, 2009. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2009-01/29/content_10731877.htm (accessed: 09.12.2018).

² Rennie D. How the West got China wrong, Decades of optimism about China’s rise have been discarded // *Economist*. 2018. March 1. URL: <https://www.economist.com/news/briefing/21737558-clear-thinking-and-united-front-are-needed-they-may-not-be-forthcoming-decades> (accessed: 09.12.2018).

leaders' wish to change China along a liberal course "the bet of the century," one scholar concluded that the China bet aid off in spades as China sits now firmly at the center of today's globalized world. China, however, has refused to follow Washington's script. While it has eagerly taken advantage of its access to the global economy and the prestige of sitting at the leading diplomatic tables, it has resolutely pursued its own interests at the expense of other nations"³. Infinitely richer and more powerful China moving divergent from the US has frustrated many American pundits. As two former American officials complained, "neither U.S. military power nor regional balancing has stopped Beijing from seeking to displace core components of the U.S.-led system. And the liberal international order has failed to lure or bind China as powerfully as expected" [Campbell, Ratner 2018].

Wang Jisi, a Chinese scholar and American watcher in Beijing, admits that China has historically played a decisive role in shaping the bilateral relationship. "Once again, it is mainly China's power and behavior that incur a shifting of the bilateral ties. The Americans are alarmed by China's expansion of global influence, exemplified by the Belt and Road Initiative, and its reinforcement of the role of the state in economy and society, as well as the consolidation of the Communist Party leadership with its ideology" [Wang 2018a].

But the transformation in the US after the terrorist attack on September 11, 2001 also helped bankrupt the mismatched bargain. The US declared the triumph of liberal democracy after the end of the Cold War. But the American hubris squandered the victory. In the attempt to maintain "the unipolar moment", the US massively overplayed its hand, engaging in futile and costly wars in Iraq and Afghanistan. Often becoming a source of instability overseas, the overreach has produced huge domestic deficit and debt, threatening its ability to fulfill the obligations at home and abroad and leading to public disillusionment with the political establishment. Suffering a crisis of confidence in "dysfunctional democracy" with the partisan gridlock preventing meaningful governmental action, Americans are

deeply divided on the domestic and foreign policies. Not since the Vietnam War have Americans been so polarized.

A divided America with no shared vision has found its domestic politics at odds with its international obligations, producing an "America first" President, invoking an agenda of isolationism to reduce U.S. commitments abroad and retreat from global leadership. Taking a mercenary and transactional approach to US obligations, America has lost confidence to mold China off the perceived undesirable path. While the US claimed it was on the right side of history and China should follow suite toward liberalism after the end of the Cold War, the US is no longer a paragon of democracy and universal values after 9—11. Francis Fukuyama, known for his triumphalism of liberal democracy in the early 1990s, wrote that "The first decade of the 21 century has seen a dramatic reversal of fortune in the relative prestige of different political and economic models". While the US held the high ground and its democracy was seen as the wave of the future in the 1990s, the admiration for all things American gave way to a much more nuanced and critical view of US weaknesses one decade later⁴. Wang Jisi complained that while Americans often asked China to follow the "rules-based liberal international order", Washington now had abandoned or suspended some of the same rules that it used to advocate. "It has become harder and harder for foreign policy makers in China to discern what rules the Americans want themselves and others to abide by, what kind of world order they hope to maintain, and where Washington is on major international issues" [Wang 2018b].

For realist scholar John Mearsheimer, liberal hegemony, which the US pursued after the Cold War, is doomed to fail. The US policy of remaking the world in America's image, including spreading liberal democracy across the world, fostering an open international economy, and building institutions is supposed to protect human rights, promote peace, and make the world safe for democracy. But instead, the US has ended up as a highly militarized state fighting wars that undermine peace, harm

³ Auslin M. The New China Rules // National Review. 2018. September 27. URL: <https://www.nationalreview.com/magazine/2018/10/15/chinas-geopolitical-power-play> (accessed: 10.21.2018).

⁴ Fukuyama F. US democracy has little to teach China // Financial Times. 2011. January 17. URL: <https://www.ft.com/content/cb6af6e8-2272-11e0-b6a2-00144feab49a> (accessed: 09.09.2018).

human rights, and threaten liberal values at home because nationalism and realism almost always trump liberalism. Therefore, Washington has to adopt a more restrained foreign policy based on nationalism and realism [Mearsheimer 2018].

But some Americans have blamed other countries, including China, for many of their problems. President Trump has blamed foreigners for all America's ills. Scapegoating China for the negative externalities of trade helped politicians to avoid facing the difficult problem of compensating the losers of globalization. This shift in rhetoric predates Trump's hostility toward China and helped create anti-China economic nationalism. Witnessing these developments, one long-time China watcher warns that because a populist upsurge in American politics demands higher priority for U.S. interests in response to self-absorbed and increasingly powerful and authoritarian China working covertly and overtly against American interests, the most substantial negative change in American policy toward China in fifty years has taken place [Sutter 2018].

Slipping into a New Cold War?

The heightened rivalry has centered on economic areas. During the 2016 Presidential election, Donald Trump accused of China guilty of "rape" against the US economy and China's economic growth illegitimate, caused by unfair currency policy and the exports at rock-bottom prices. He pledged to adopt a more confrontational approach, not least to impose a 45 percent tariff on Chinese exports to the US. Trump's rhetoric tapped into an underlying strain of thought in the US. As former Secretary of Commerce Pritzker explained to his Chinese counterpart, Americans were told for years that China was a developing country and shouldn't necessarily be held to the same standard as developed nations. But China's success severely undercut that line of reasoning. The world's low-cost manufacturer was rapidly becoming a global technology hub. Facing the profound and growing disconnection between rhetoric and reality, Americans felt that at least some of China's success had come at their expense. China wasn't playing fairly, consistently violating its international commitments and tilting the playing field to advantage Chinese firms. "With

or without Trump, the US—China relationship was moving quickly toward a crossroads"⁵.

Stephen K. Bannon, once Trump's chief strategist, was at the forefront of the crusade. Blaming China's exports financed by the American working class and middle class, Bannon declared an economic warfare against China. While Bannon is a Republican hawk, many others across the political spectrum agree that Bannon is right: China is beating up America economically, and neither the U.S. government nor U.S. businesses have done much about it for years. Even some of leading globalists like Madeline Albright, Tom Friedman and Fareed Zakaria have registered growing angst on China's lack of reciprocities in economic relations with the US. China has become an export powerhouse, but limiting market access for foreign products.

David Lampton, known for his pro-engagement position, complained that China's WTO entry produced China's bilateral trade surplus with the US because Beijing seized the opportunities of openness abroad without providing reciprocal domestic access to the United States and others. Consequently, the issues of 'reciprocity' and 'fairness' had moved to front in US—China relations. Morris Greenberg, former Chairman of American International Group (AIG) and strong supporter of China's entry to WTO earlier, agreed that "China cannot expect to continue receiving favorable trade and investment terms in foreign markets when it is unwilling to reciprocate"⁶.

The shifting sentiments set the stage for President Trump's trade war to reduce the trade deficit with China, which amounted to \$375 billion in 2017⁷. With the announcement of tariffs on \$50 billion Chinese products on March 22, a full-fledged trade war started on July 6 when the 25 percent tariff

⁵ Pritzker P. The great disconnect between China the 'developing country' and China the great power // Chanel News Asia. 2018. August 17. URL: <https://www.channelnewsasia.com/news/commentary/trade-war-donald-trump-resentment-behind-tariffs-10620880> (accessed: 09.12.2018).

⁶ Greenberg M. Some Friendly Advice for China's Leaders // Wall Street Journal. 2018. August 21. URL: <https://www.wsj.com/articles/some-friendly-advice-for-chinas-leaders-1534890276> (accessed: 10.11.2018).

⁷ US—China Trade Facts // The Office of the United States Trade Representative. 2017. November. URL: <https://ustr.gov/countries-regions/china-mongolia-taiwan/peoples-republic-china> (accessed: 10.11.2018).

on \$34 billion worth of Chinese goods, the first round of the \$50 billion tariffs, went effective. After China retaliated on the same amount of U.S. goods, the Trump administration announced 10% tariffs on additional \$200 billion Chinese products on July 10. Ratcheting up pressure, the administration doubled its proposed tariffs to 25% on August 1. When the 10% US tariffs on \$16 billion of Chinese goods kicked in on August 24, China retaliated on the same amount of US goods⁸. The tit-for-tat trade war escalated in full swing.

The trade war is to reduce the deficit and bring American jobs back home. It is calculated that “Either China will revise its industrial policy to allow US companies reciprocal market access, or the tariffs will cause US companies to disengage from China and bring manufacturing back to the US, or source imports from countries that do not pose a long-term threat to US security”⁹. More importantly, the trade war is to prevent China from advancing its high-tech capacity at America’s expense. The Trump administration’s National Security Strategy (NSS) in December 2017 accused that hundreds of billions of dollars of US technology were nefariously conveyed to China every year. Linking technological capability to national security, the Trump administration has increased restrictions on Chinese investments in American technology and export controls and expanded the list of “strategic trade” items that require businesses to methodically screen buyers and down-stream end-users and trace the movement throughout value chains.

Republican senator John Cornyn and Democratic senator Dianne Feinstein co-sponsored a bill to tighten the screening of Chinese and other foreign investments for national security. The Committee on Foreign Investment in the US (CFIUS) has blocked an increasing number of acquisitions, mergers and license agreements between Chinese and US firms. Not long ago, these saber-rattling policies would have triggered uproar from corporate chief-

tains, worried about reprisals that would shut them out of China’s markets. But American business community has been silent with many favoring a shift in strategy. A Pew poll published at the height of the trade war in August 2018 found economic issues featuring prominently in the list of concerns. By margin of 2 to 1, more Americans are concerned about China’s economic threat than its military strength.

But geopolitics is lurked prominently behind the economic rivalry. While John Mearsheimer’s warning about the inevitable US—China power showdown was dismissed as too simplistic some years ago, similar theories, such as the Thucydides trap, power transition and new Cold War, have gained popularity. Citing Thucydides Trap that “It was the rise of Athens and the fear that this inspired in Sparta that made war inevitable”, Graham Allison wrote that “if Thucydides were watching, he would say that China and the United States are right on script sleepwalking towards what could be the grandest collision in history” [Allison 2018]. Drawing on power transition theory, Kori Schake asserted that the distinct absence of cultural affinity between China and the US could make the transition violent because China would promote its alternative values to undermine the American-led order. “If the United States should select not to contest China’s rise, a Cold War could be avoided because the United States would lose it. America would cede the contest without violence, abandon its allies, and learn to live in a world ordered and enforced by China”¹⁰.

Discovering a bipolarity of the US—China standoff, one study argues that while the Soviet Union had an economy locked in the age of 19th century German steel, China has built a dynamic economy to become globally competitive. China has ways to compete or win that were unimaginable for the Soviet Union [Tunsjø 2018]. Using the term, Cold War II, one scholar describes a great-power struggle and ideological contest between China and the US. Different from Cold War I in which “the Soviet Union was a military rival but not a commercial rival, and Japan was a commercial

⁸ Impact of US and Chinese Tariffs on American Companies in China // Am Cham China. 2018. September 14. URL: <https://www.amcham-shanghai.org/sites/default/files/2018-09/2018%20U.S.-China%20tariff%20report.pdf>.

⁹ Thompson D. US—China Trade War Is a Win-Win for Washington // South China Morning Post. 2018. September 20. URL: <https://www.scmp.com/comment/insight-opinion/united-states/article/2164833/us-china-trade-war-win-win-washington-least> (accessed: 10.11.2018).

¹⁰ Schake K. How International Hegemony Changes Hands // Cato Unbound. 2018. March 5. URL: <https://www.cato-unbound.org/2018/03/05/kori-schake/how-international-hegemony-changes-hands> (accessed: 31.03.2018).

rival but not a military rival. In Cold War II, China is both a military and a commercial rival. Because of this, the U.S. needs to break with its 70-year policy of separating geopolitics from geo-economics and adopt the classic great-power practice of treating the military, diplomacy, and trade as three coordinated instruments of a single strategy”¹¹.

One scholar, therefore, suggests the US “abandon the obsolete bilateral approach and adopt a multilateral approach to form a values-based, grand mutual defense alliance in Asia” against China because “China is as much a common threat to Asian nations today as the Soviet Union was to Europe before 1991”¹². This suggestion resonates with John Mearsheimer’s long-standing call for America to contain a rising China by surrounding it with powerful American military capabilities, creating NATO-like adversarial alliances, isolating it economically, and imposing costs when it did things the U.S. did not like.

In this context, the Trump administration’s National Defense Strategy (NDS) states that interstate strategic competition, not terrorism, is now the primary concern in US national security. The Indo-Pacific is identified as a region of critical importance in which “a geopolitical competition between free and repressive visions of world order is taking place”. Calling for the free and open Indo-Pacific, the US has made clear its concerns about China’s muscular use of power to push the US out of the region. While Secretary of Defense James Mattis once complained that “No enemy in the field has done more to harm the readiness of the U.S. military than the combined impact of the *Budget Control Act*’s defense spending cuts,” the US congress passed the largest ever \$717 billion 2019 *National Defense Authorization Act* to start a new military buildup¹³. Signing the *Defense Bill*, President

Trump stated that this measure was to confront the aggressive behavior of Russia, China, and others. The Bill limits Chinese funding of language programs at U.S. universities, restricts Chinese involvement in joint military exercises, calls for bolstering U.S. ties with India and tightens U.S. national-security reviews of Chinese investment in the U.S. Long gone is the phrase in the Obama administration’s 2015 National Security Strategy (NSS) that the US welcomes “the rise of a stable, peaceful, and prosperous China”.

The Trump Administration’s Erratic Policy toward China

Struggling between the strategic imperatives underlying the relationship and the limits engagement could accomplish, President Trump in his first year, avowedly unpredictable, swung between “two extremes of inchoate and inscrutable, one is dangerously escalatory and another is curiously naïve; one policy is so tough it risks war and another so soft it resembles acquiescence” [Doshi 2017]. Dancing more erratic than his predecessors, sending conflicting messages, and creating confusions in the attempt to strike better deals, the Trump administration in the second year has settled on a bellicose approach to put maximum pressure on China and even tried to take the path of disengagement to move out of the false choices between engagement and containment.

The Trump administration has publically unveiled the shift in U.S. policy toward China. Matt Pottinger, senior director for Asia and Pacific in the White House told an audience in the Chinese Embassy in Washington D.C. that “We at the Trump administration have updated our China policy to bring the concept of competition to the forefront”. In a high-stake speech, Vice President Pence announced that the US will fight back vigorously on all fronts, including economic, military, diplomatic, political, and ideological, against China. Accusing previous administrations of having ignored or even “abetted” China’s abuses, he insisted that the Trump administration will speak up, stand up, fight, and win. Pence’s remark is regarded as “the declaration of a new Cold War”¹⁴. But President Trump’s per-

¹¹ Lind M. Cold War II // National Review. 2018. May 10. URL: <https://www.nationalreview.com/magazine/2018/05/28/us-china-relations-cold-war-ii> (accessed: 06.23.2018).

¹² Yu M.M. It’s Time To Change America’s Alliance Approach in Asia // Military History in the News. Hoover Institution. 2017. December 5. URL: <https://www.hoover.org/research/its-time-change-americas-alliance-approach-asia> (accessed: 23.01.2018).

¹³ Mattis Urges Congress to Provide Budget Predictability for DoD. URL: <https://dod.defense.gov/News/Article/Article/1433784/mattis-urges-congress-to-provide-budget-predictability-for-dod> (accessed: 23.06.2018).

¹⁴ Perlez J. Pence’s China Speech Seen as Portent of ‘New Cold War’ // New York Times. 2018. October 5. URL: <https://www.nytimes.com/2018/10/05/world/asia/pence-china-speech-cold-war.html> (accessed: 10.08.2018).

sonal approach to China is fundamentally transactional and hardly amounts to replace engagement with a grand alternative.

After heated rhetoric on the campaign trail, President-elect Trump took a congratulatory call from Taiwanese leader Tsai Ing-Wen, the first contact between Taiwan's leader and an incumbent or incoming U.S. president in nearly four decades, challenging the default American position on the "one China policy". While this provocation could easily settle on a tough approach, President Trump abruptly reversed course in February when he told President Xi that he would honor the "One China" policy. Secretary of State Rex Tillerson in his first official visit to Beijing in March repeated in verbatim of the tenets of President Xi's new model of big power relations and agreed with Xi that the two countries should respect each other's core interests and major concerns. The phrase had long been understood as implying U.S. accommodation to China's position against US interference on issues ranging from Taiwan to human rights. Openly accepting China's framework surprised many China experts in the US that if Tillerson fell into a diplomatic trap for repeating Chinese government platitudes.

The softening speeded up after Trump-Xi Summit in Florida on April 6, 2017. Without enough knowledge of Asian history to push back on most sensitive issues, Trump took what Xi said at face value on Tibet, Taiwan, and North Korea and came out with a high regard for Xi, saying that they had a very good chemistry together and seeing China as more important than ever to help with the North Korean issue. The two countries then unveiled in a 100 day action plan of economic cooperation, including trade deals on agriculture, financial services, investment, and energy.

Reversing the simplistic anti-China stance to an equally simplistic pro-China stance, President Trump's abrupt volte-face from strong critic of China to capitulation was followed by sending the United States Ship (USS) Dewey to within 12 nautical miles of Mischief Reef (美济礁), one of Chinese artificial islands in the South China Sea, on May 24, 2017, to challenge China's artificial island construction and militarization of facilities on features in international waters. On June 28, the Senate Armed

Services Committee voted to allow regular stops by U.S. naval vessels to Taiwan. The next day, the Treasury Department announced the "secondary sanctions" against Chinese entities for underwriting the North Korean Regime. On the same day, the US approved \$1.4 billion arms sales to Taiwan. The USS Stethem then sailed around China's reformatted Triton Island in the Paracel archipelago on July 2. Worrying that China's investment could give Beijing access to cutting-edge technology with commercial and military applications, the Trump administration in September blocked a Chinese-backed investor from buying Lattice Semiconductor Corporation, which makes programmable logic chips used in communications, computing, and industrial and military applications.

President Trump's state visit to Beijing in November 8—9, 2017, however, sent confusing signals again. Complaining about China's unfair trade practices and calling the huge trade deficit with China embarrassing, President Trump cast more blame on his American predecessors than on China after his Chinese hosts presented him a royal treat of "state visit plus" and the signing show of Chinese import deals over \$250 billion. Trump's statement drew quick criticism at home. A *New York Times* story found that Trump projected an air of deference to China in public almost unheard-of for a visiting American president, signaling "a reversal of roles: the United States may now need China's help more than the other way around"¹⁵.

Returning home, President Trump changed tune again. Notifying the WTO that the US opposed granting China market economy status, a position that could allow Washington to maintain high anti-dumping duties on Chinese goods, the Trump administration's *Report on China's WTO Compliance* in January 2018 stated that "the United States erred in supporting China's entry into the WTO on terms that have proven to be ineffective in securing China's embrace of an open, market-oriented trade regime". China remained a state-led economy and had used the imprimatur of WTO membership to become a dominant player in international trade.

¹⁵ Landler M., Davis J.H., Perlez J. In China, Trump Places His Bets on Flattering Xi Jinping // *New York Times*. 2017. November 9. URL: <https://www.nytimes.com/2017/11/09/world/asia/trump-xi-jinping-north-korea.html> (accessed: 11.28.2018).

This tough criticism set the stage for the Trump administration's shift toward bellicose strategy in the second year. Launching the trade war in March 2018, President Trump thought he could win easily. After President Xi promised to open China's banking and auto sectors, increase imports, lower foreign-ownership limits on manufacturing and expand protection to intellectual property in his address to the Bo'ao Forum on April 10, President Trump took Xi's "kind words" as China's concession and stated that "We will make great progress together!".

President Trump opened negotiations with China any way although he had disparaged previous negotiations with China as producing endless talk and little gain for the US. Sending a high-level delegation led by Treasury Secretary Steven Mnuchin to Beijing on May 4 2018, the Administration demanded Beijing to cut \$200 billion in the trade deficit and change its industrial policies, including forced transfer of technology to Chinese businesses. But the delegation came back empty. A follow-up negotiation in Washington produced a joint statement on May 19, which stated that both parties forged a consensus to avert a trade war. Promoting the talks as a success, President Trump Twittered on May 21 that barriers would "come down for the first time" and China will "purchase from our Great American Farmers practically as much as our Farmers can produce". But he changed his mind and rejected the agreement a few days after. Intensifying the trade war, President Trump, nevertheless, personally reversed the penalties against Chinese telecom giant ZTE for violating the settlement with the U.S. government over illegal shipments to Iran and North Korea.

Fighting trade war with China, President Trump has lashed out in all directions, fighting wars with even US allies, rather than reaching out to other trading partners who share US complaints to form an international coalition to place common pressure on China. In an interview on July 1, 2017, Trump attacked the European Union "as bad as China just smaller... On top of that, we spend a fortune on NATO to protect them". Pointing to the Europe Union as America's "biggest foe globally right now", he then added that "Russia is a foe in certain respects" and that China was one economically. As a result, "the U.S. has abandoned quickly and without hesitation its role as leader of the global alli-

ance system. Its long-term allies are left baffled, not knowing what to do in a new world order in which with 'America first' has transformed into 'America only'" [Moeller 2018]. Increasingly isolated in the international community, President Trump threatened in December 2017 to cut off aid to any country that supported a UN resolution condemning his decision to recognize Jerusalem as the capital of Israel. In defiance of Trump's threat, the resolution was passed overwhelmingly.

All these confusing signals and erratic actions are an indication of the absence of a grand strategy. Being treated not much nicer than China, U.S. allies and other trading partners have moved ahead with cooperation arrangements without the US. The European Union and Japan signed a sweeping "economic partnership agreement" for an area representing over one-quarter of the global economy. After President Trump's withdrawal from the TPP, which was meant to help cement ties between many of China's nervous neighbors while concentrating bargaining power to offer economic leverage for the U.S. to open the Chinese market, a group of 11 nations signed the new TPP without the United States in March 2018, a powerful signal of how countries are forging ahead without the US leadership.

As US allies are spurned if not insulted, some of them have tried to do more business with China. Germany and Japan have increased their investments in China. Turkey, once a NATO bulwark against Russia and in the Middle East, has worked with China through the Belt and Road initiative. Although Beijing and EU remain at odds over issues such as technology transfer and protecting intellectual property, the China—EU summit in Beijing released a joint statement in July 2018 that the two sides were strongly committed to resisting protectionism and unilateralism and to improving trade and investment liberalization and facilitation.

Engagement Remains Foundation for Healthy Competition

The US—China relationship has been characterized by a cycle pattern of ups and downs since the normalization of 1979. Although the turbulent cycles have brought serious stand-offs, the US—China relationship has survived many roller-coasters. The two countries are not natural partners, nor are they inevitable enemies. Their relationship is pro-

foundly strategic partners and competitors simultaneously. Neither the US nor China has found their relationship comfortable. But neither can afford to disengage with each other. Although deep and warm peace among great powers is rare in history, a cold peace or the US—China *détente* is a realistic goal.

As a result, in spite of widespread criticism of engagement, many Americans have continued in its defense. David Lampton made the point that “The United States used its economic, military and ideological power to build institutions, alliances, and regimes that contributed to global economic growth and the avoidance of great power war. In doing so, it fostered the rise of a new constellation of powers, China notable among them, with which it must now deal. If the United States wants to see its interests met, Washington must win Beijing’s cooperation rather than try to compel it” [Lampton 2017]. Geoffrey Garrett, Dean of the Wharton School of Business at the University of Pennsylvania, President Trump’s Alma Mater, stated that “It’s true that China and America are different. The most important thing we can all do is to ensure that the differences between China and the United States are source of strength, source of economic growth, and source of business opportunity, not a source of conflict. The best way to make that history is through more engagement, more understanding, more business-to-business ties, more cultural understanding, so more engagement is just the right path for us in the most important relationship in the 21st century”¹⁶.

Although the US—China competition has intensified, engagement is the foundation for healthy competition because engagement has morphed into a deep interdependence that the two countries can only thrive in tandem. Taking advantage of the US market, hardworking Chinese people provided low-cost goods that enabled income-constrained American consumers to make ends meet in the grips of wrenching stagflation years. China-made goods have been a boon for American consumers since then. Providing China growth anchors, the US benefited from China’s vast reservoir of surplus saving to sidestep the mounting perils of subpar saving and

reckless fiscal policy. As the largest contributor to global growth in the last decade, China’s spectacular economic growth has contributed to American prosperity. While China needs the U.S. market for its exports and the strong supply and value chain to play on its comparative advantage, the US shares an interest in maintaining and deepening the existing production chains and operation in Chinese markets.

The trade war with China involves big risks not only for Chinese economy but also American economy, disrupting supply chains to American companies. When ZTE’s violation of US sanctions resulted in a temporary revocation of its US operating licenses and the denial of access to US technology, an extensive collateral damage extended to ZTE’s American partners, including Qualcomm, Google, Acacia Communications and host of small first and second tier suppliers. A World Bank analysis suggests that 25 percent tariffs on all trade between the US and China could reduce global exports by up to 3% and global income by up to 1.7% with losses across all regions. China and the US could lose up to 3.5% and 1.6% respectively¹⁷. Although both countries could declare victory, the trade war would destroy a great deal of wealth along the way. Both countries lose more than either gain.

Hundreds of American companies have lobbied the administration to keep their products off the list of Trump’s tariffs. The lobbying has had an impact, with the trade representative removing products with an annual import value of about \$7.4 billion from the list. Senator Lindsey Graham of South Carolina is one of the biggest proponents of President Trump’s crackdown on China. But behind the scenes, he worked on behalf of seven South Carolina chemical and textile companies that import products from China in his home state to avoid the pain of the trade war and succeeded to help four of them remove materials from a list of goods subject to Trump’s tariffs¹⁸.

¹⁷ Impacts on Global Trade and Income of Current Trade Disputes. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/685941532023153019/pdf/128644-REVISED-MTI-Practice-Note-2-11-12.pdf> (accessed: 16.10.2018).

¹⁸ Tankersley J. Lindsey Graham welcomed Trump’s China tariffs, then helped companies avoid them // CNBC. 2018. October 5. URL: <https://www.cnbc.com/2018/10/05/lindsey-graham-welcome-trumps-china-tariffs-then-help-companies-avoid.html> (accessed: 16.10.2018).

¹⁶ Qian S.M. Senior Chinese diplomat calls on US to abandon ‘power politics’ // China Plus. 2018-04-15. URL: <http://chinaplus.cri.cn/news/china/9/20180415/118089.html?from=singlemessage&isappinstalled=0> (accessed: 06.16.2018).

At the regional level, engagement not only ended 23 years of diplomatic estrangement between the two countries but also laid the foundation for a peaceful and prosperous Asia after the Vietnam War. Pursuing strategies to draw maximum benefit from both the US and China, minimize risks of angering either and preserve their independence, most countries in the region have desired for US engagement. They are concerned about the Trump administration's disengagement from the region and disdain for the multilateral institutions when economic interdependence between China and the rest of Asia has increased.

East Asia's intraregional trade share rose to 57.3% in 2016, while their trade with the US declined¹⁹. The EU, Japan and the United States collectively accounted for 29 percent of emerging East Asia's total exports in 2015, down from almost 50 percent in 1990. As the region's main production base, China is at the center of this growing intraregional trade. Every Asian country now trades more with China. Asian leaders know that as their economies rely on Beijing, they cannot afford to offend it.

Taking advantage of these underlying changes, China has bolstered its power and profile. As the pressure to acquiesce to China is growing, an increasing number of Asian countries have been pulled toward China's orbit. As this geostrategic shift is gathering momentum, some have leaned closer to China, soft-pedaling quarrels over the territorial disputes and angling for a slice of Beijing's initiatives to compensate for the U.S. disengagement. Most Asian countries have participated in the China dominated Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) and BRI. While the US military capabilities still dominate Asia, China has wielded growing leverage, pulling longtime American allies closer.

In this case, as Jeffery Bader argues, if the US goes down "the road of disengagement from China in pursuit of unbridled competition, it will not be a repetition of the Cold War with the Soviet Union, when the United States was joined by a phalanx of

Western and democratic countries determined to join us in isolating the USSR". Deeply entangling with China economically, "Even those most wary of Beijing, like Japan, India, and Australia, will not risk economic ties with China nor join in a perverse struggle to re-erect the "bamboo curtain", this time by the West. We will be on our own" [Bader 2018].

Although China's rise has inevitably increased frictions, engagement has helped avoid potentially disastrous US—China confrontation by giving China a continuing stake in the relationship with the US and its neighbors. It is in China's interest to work with the US because China is far from the position to step into America's shoes as a hegemonic power and take the role of global leadership. Global leadership is costly; it means asking people to contribute to others' well-being and send soldiers to die far from home. Seeking reform of global governance, Beijing has yet to mount serious responses to global problems, such as the refugee crisis or Syria's civil war. China's rise is not necessarily America's decline. While it becomes difficult for the US to hold its primacy in Asia, it is equally, if not more difficult, for China to drive the US out of Asia anytime soon. Uncomfortable with the US dominance, China, nevertheless, benefited immensely from the US-led order underpinning stability and prosperity in the region. Beijing has already paid a price for its confrontational policy alienating the US. China would benefit from friendly rather than hostile relations with the US and nations on its borders.

It is not in China's interest to escalate tensions with the US also because a Sino-American showdown may risk dooming China's economic transition and political stability. After remarkable GDP growth for many years, China has experienced difficult transition from reliance on low-cost manufacturing and exporting products to high-tech innovations and consumption-driven economy. Beijing has made clear that it does not want to fight the trade war that would harm the Chinese economy much more than the American economy. No alternative is as big and lucrative as the American market for China's export. In addition, China's tight import control has hurt not only American producers but also Chinese consumers. Ordinary Chinese would welcome reduced import tariffs, which means cheaper foreign products and services for the average Chinese consumers [Xie 2018].

But external hostile pressure has historically helped mobilize Chinese nationalism against any

¹⁹ Strong Asian Intraregional Trade and Investment Improve Economic Resilience. The Asian Development Bank. October 25, 2017. URL: <https://www.adb.org/news/strong-asian-intraregional-trade-and-investment-improve-economic-resilience> (accessed: 11.01.2018).

concessions that could be regarded as surrender to foreign powers. Pursuing the “China Dream” of restoring China to wealth and power on the basis of some valid historical grievances and considerable resources, many Chinese people have accepted the government position because on top of the trade war, the broader anti-China trend in U.S. politics has been an intensely unwelcome surprise to the Chinese people.

The Trump administration thought it could win the trade war easily. Some Western media also predicted the failure of Beijing’s tit-for-tat retaliation over tariffs from the very beginning. As President Trump has dug himself deeply into his America First corner allowing little room for the Chinese leadership to maneuver without losing face, nevertheless, President Xi has stood firm, turning the US pressure to his political advantage to continue China’s industrial policy and other practice. Although the constant drumbeat of press coverage on “Made in China 2025” has reduced, the focus has shifted on results, not public relations victories.

The ZTE sanction was a wakeup call for the Chinese government to encourage Chinese firms to localize high-tech and key industrial products and systems and their inputs, reducing technology dependence on the US. In January 2018, the US barred a takeover of Money Gram, the American remittances company, by Alibaba’s money transfer agency. Alibaba created a different, in many respects more innovative, product using block chain-based technology. Heavy-handed industrial policy once helped Japan, South Korea and so on upgrade and bring wealth and prosperity. The US government also supported national highway system, the Marshall Plan, the internet development, the Hoover dam, and space programs. Although an appropriate from the full blown Chinese industrial policy government role in a free enterprise system is different to support Search Engine Optimization (SEO), China would not give up its industrial policy simply under the US pressure.

Washington has not been able to force Beijing back down on most of disputes in the past. As China grows stronger, it can only get harder to force China to back down. Pushing China to the corner would produce a tougher China that sees no choice but to fight back although neither country is ready to be locked into a violent confrontation that neither can

win. One American scholar, therefore, criticized President Trump for abandoning America’s own successful model of development as achieving the opposite of its intent. “American prosperity should be assured by doing what America does best: innovating at home and trading with the rest of the world”²⁰.

***

When the US started engagement, the differences between the two countries were greater than they are today. The US engaged China in spite of these differences. The US has to maintain competitive and confident in its strengths and values, rebuild the reputation as an effective, inclusive, and open country, shore up its democratic and capitalist institutions, and invest in traditional alliances. As Chaz Freeman, who went with President Nixon to China in 1972, argued, “The best way to make America or China great again is not to try to impede each other’s progress or tear it down. It is for each side to focus on the home front, implement the values it professes, improve the factors underlying its national competitiveness, and address its own problems before worrying about those of others” [Freeman 2017]. Andrew Nathan echoes that the first step of a good China policy lies at home. “We must recover our strength and recommit to our values — a mission for changing ourselves that, at this moment, looks even harder than the failed mission of changing China”²¹. “China and the US remain in the same big boat faced with fierce wind and huge waves. The common challenge is to navigate this boat through the uncertainties or uncharted waters, for the benefits of both countries”²².

²⁰ Sachs J. Trump is robbing America of what makes it great // *Washington Post*. 2018. July 25. URL: https://www.washingtonpost.com/news/worldpost/wp/2018/07/25/us-china-2/?utm_term=.8b0e087c4d2b (accessed: 07.09.2018).

²¹ Is American Policy toward China due for a ‘Reckoning’? // *A China File Conversation*. 2018. February 15. URL: <http://www.chinafile.com/conversation/american-policy-toward-china-due-reckoning> (accessed: 07.09.2018).

²² Remarks by Ambassador Cui Tiankai at the 8th US—China Civil Dialogue, July 26, 2018. URL: <http://www.china-embassy.org/eng/zmgxs/zxxx/t1580425.htm> (accessed: 08.01.2018).

References

- Allison, G. (2018). How Trump Could Stumble from a Trade War to a Real War. *National Interest*. URL: <http://nationalinterest.org/feature/how-trump-could-stumble-trade-war-real-war-china-25481?page=show> (accessed: 07.09.2018).
- Bader, J. (2018). US—China Relations: Is it Time to End Engagement? *Brookings Institution Policy Brief*. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2018/09/FP_20180925_us_china_relations.pdf (accessed: 07.09.2018).
- Campbell, K.M. & Ratner, E. (2018). The China Reckoning, How Beijing Defied American Expectations. *Foreign Affairs*, 97 (2).
- Doshi, R. (2017). Trump's China Policy: A Tale of Two Extremes. URL: <http://nationalinterest.org/feature/trump-must-choose-between-hard-line-china-strategy-soft-20002?page=2> (accessed: 07.09.2018).
- Freeman, C.W. Jr. (2017). The United States and China: Game of Superpowers, Remarks to the National War College Student Body. URL: <http://chasfreeman.net/the-united-states-and-china-game-of-superpowers/> (accessed: 07.09.2018).
- Hu Angang, Zhen Yunfeng & Gao Yuyu (2015). Dui Zhongmei zonghe guolide pinggu [Assessing Comprehensive National Strength of China and the US]. *The Journal of Qinghua University*, 1, 26—39. (In Chinese).
- Lampton, D.M. (2017). Balancing US—China interests in the Trump—Xi era. *East Asia Forum*. URL: <http://www.eastasiaforum.org/2017/12/10/balancing-us-china-interests-in-the-trump-xi-era/> (accessed: 07.09.2018).
- Lampton, D.M. (2015). A Tipping Point in U.S.—China Relations is Upon Us. *US—China Perception Monitor*. URL: http://www.uscnpm.org/blog/2015/05/11/a-tipping-point-in-u-s-china-relations-is-upon-us-part-i/#_ftnref5 (accessed: 07.09.2018).
- Li, E.X. (2014). The Middle Kingdom and the Coming World Disorder. *New Perspectives Quarterly*, 31, 26—30. DOI: 10.1111/npqu.11443.
- Mearsheimer, J. (2018). *The Great Delusion, Liberal Dreams and International Realities*. New Heaven, NY: Yale University Press, 2018.
- Moeller, J.O. (2018). The End of the Atlantic Alliance. *The National Interest*. URL: <http://nationalinterest.org/feature/the-end-of-the-atlantic-alliance-25993?page=2> (accessed: 07.09.2018).
- Pillsbury, M. (2015). *The Hundred-Year Marathon, China's Secret Strategy to Replace America as the Global Superpower*. Henry Holt and Co.
- Sutter, R. (2018). America and China: Destined for Conflict or Cooperation? *The National Interest*. URL: <https://nationalinterest.org/feature/america-and-china-destined-conflict-or-cooperation-we-asked-14-worlds-most-renowned-experts> (accessed: 07.09.2018).
- Tunsjø, Ø. (2018). *The Return of Bipolarity in World Politics: China, the United States, and Geostructural Realism*. Columbia University Press.
- Wang, J.S. (2018a). America and China: Destined for Conflict or Cooperation? *The National Interest*. URL: <https://nationalinterest.org/feature/america-and-china-destined-conflict-or-cooperation-we-asked-14-worlds-most-renowned-experts> (accessed: 07.09.2018).
- Wang, J.S. (2018b). Did America Get China Wrong: The View from China. *Foreign Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-06-14/did-america-get-china-wrong> (accessed: 07.09.2018).
- Xie, T. (2018). America and China: Destined for Conflict or Cooperation? *The National Interest*. URL: <https://nationalinterest.org/feature/america-and-china-destined-conflict-or-cooperation-we-asked-14-worlds-most-renowned-experts> (accessed: 07.09.2018).

Received: 27.11.2018

For citations: Zhao Suisheng & Guo Dan (2019). A New Cold War? Causes and Future of the Emerging US—China Rivalry. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (1), 9—21. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-9-21.

About the authors: *Suisheng Zhao* is Professor and Director of the Center for China—US Cooperation, Josef Korbel School of International Studies, University of Denver.

Guo Dan is Ph.D. Candidate, the International Strategic Research Institute and of the Graduate School, Party School of the Central Committee of CPC (Chinese Academy of Governance), Visiting scholar at University of Denver (e-mail: cambridgeyd@163.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-9-21

Новая холодная война? Причины и перспективы зарождающегося американо-китайского соперничества

Суйшэн Чжао

Университет Денвера, Денвер, США

Го Дань

Партийная школа при ЦК КПК (Китайская академия управления), Пекин, КНР

Администрация Трампа объявила Китай стратегическим конкурентом и ревизионистской державой. Фактически торговая война с Китаем была переведена в разряд лобового столкновения. Некоторые эксперты описывают нынешнее двустороннее взаимодействие в терминах новой «холодной войны» между США и Китаем.

Обе державы подвержены глубоким преобразованиям. Их вектор будет определять процесс и исход зарождающегося соперничества между США и Китаем. В статье утверждается, что, несмотря на то, что в настоящее время политика вовлечения определяется конкурентными интересами, в основе отношений двух стран продолжает присутствовать глубокая взаимозависимость. На фоне отсутствия прецедента управления экономической и геостратегической конкуренцией между двумя крупнейшими и глубоко взаимосвязанными экономиками и сильно военизированными сверхдержавами, США и Китаю придется найти баланс интересов и избежать насильственной конфронтации, которая не отвечает интересам ни одной из сторон. Этот уровень взаимодействия требует дальновидности и гибкости. Учитывая сильную экономическую взаимозависимость, воздействие международного институционального порядка, ограниченную идеологическую конфронтацию и способность ко второму ядерному удару, у лидеров двух стран нет другого выбора, кроме как нащупать способы управления конкуренцией и продолжить взаимодействие.

Авторы приходят к выводу, что чем сильнее становится Китай, тем труднее будет Вашингтону заставить его отступить. «Загнать КНР в угол» — это фактически поспособствовать усилению его жесткой и мощной позиции, что, в свою очередь, может спровоцировать более тяжелые последствия для обеих стран.

Ключевые слова: американо-китайские отношения, торговая война, международный порядок, конкуренция, взаимодействие, взаимозависимость

Дата поступления статьи: 27.11.2018

Для цитирования: *Suisheng Zhao, Guo Dan. A New Cold War? Causes and Future of the Emerging US—China Rivalry (Суйшэн Чжао, Го Дань. Новая холодная война? Причины и перспективы зарождающегося американо-китайского соперничества) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 1. С. 9—21. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-9-21.*

Сведения об авторах: *Суйшэн Чжао* — профессор и директор Центра китайско-американского сотрудничества Школы международных исследований им. Йозефа Корбеля, Университет Денвера.

Го Дань — кандидат наук, Международный институт стратегических исследований и аспирантуры Партийной школы ЦК КПК (Китайская академия управления), приглашенный исследователь в Университете Денвера (e-mail: cambridgeyd@163.com).

© Suisheng Zhao, Guo Dan, 2019

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-22-34

Роль Китая в стратегии «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» Д. Трампа

Я.В. Лексютина

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Приход к власти в США в январе 2017 г. Д. Трампа и предпринятые им решительные действия, перечеркнувшие многие достигнутые предшествующими американскими администрациями договоренности (выход США по инициативе Д. Трампа из ТТП, Парижского климатического соглашения, сделки с Ираном, ЮНЕСКО и т.д.), обуславливают существенную перестройку как международной системы, так и региональных подсистем международных отношений. Большой исследовательский интерес представляет оценка привнесенных администрацией Д. Трампа изменений в политику в Индо-Тихоокеанском регионе, откуда исходят две сильнейшие угрозы для США и их союзников — угроза возвышающегося Китая, ведущего «нечестную» торгово-экономическую политику и отличающегося напористостью в реализации своих «коренных» интересов, а также угроза, исходящая от Северной Кореи.

На основе анализа концептуальных документов США, выступлений Д. Трампа и других представителей американской администрации в статье характеризуется выдвинутая Трампом в ноябре 2017 г. стратегия «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», выявляются черты, как отличающие ее от стратегии Б. Обамы, так и свидетельствующие о ее преемственности. В статье демонстрируется практическая реализация стратегии Д. Трампа в 2017—2018 гг. Особое внимание уделяется американско-китайским противоречиям в регионе и влиянию индотихоокеанской стратегии Д. Трампа на отношения США с Китаем.

Ключевые слова: Китай, США, политика Д. Трампа, Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), Индо-Тихоокеанский регион (ИТР), американско-китайские отношения, «возвышение» Китая, Южно-Китайское море, тайваньская проблема

Смещение центра тяжести мировых политико-экономических процессов в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) и «возвышение» Китая, ставящее под вопрос будущее американского регионального лидерства, способствовали активизации интереса Вашингтона к этому региону еще в конце первого десятилетия XXI в. Благоприятные международные условия для смещения геополитического фокуса США в АТР сложились при администрации Б. Обамы: близилась к завершению отвлекавшие все внимание Вашингтона с начала XXI в. военные действия в Ираке и Афганистане, а разразившийся в 2008 г. мировой финансово-экономический кризис обусловил повышение значимости в экономической политике США АТР, как в меньшей мере испытывавшего негативные последствия кризиса. В этой связи важным внешнеполитическим приоритетом и для администрации Б. Обамы, и для сменившей ее в 2017 г. администрации Д. Трампа

стала выработка эффективной стратегии обеспечения американских экономических и политических интересов в регионе, недопущение доминирования Китая в АТР и продвижение в регионе американских ценностей.

В 2009 г. Б. Обама обнародовал курс на «возвращение в Азию», а двумя годами позже региональная стратегия Обамы получила новые наименования — «поворот к Азии» или «ребалансирование в сторону АТР» [Лексютина 2014: 17—34]. В ноябре 2017 г. Д. Трамп, резко критикуя деятельность своих предшественников на посту президента, обвиняя их в серьезных внешнеполитических и внешнеэкономических просчетах и ошибках, не желая действовать в заданной Обамой системе координат «ребалансирования в сторону АТР», выдвинул собственную стратегию «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (Free and Open Indo-Pacific).

Наследие Б. Обамы и особенности стратегии «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона»

Д. Трамп

Как показало развитие событий в 2009—2016 гг., реализация региональной стратегии Обамы вызвала достаточно острое американо-китайское соперничество в АТР. Основными направлениями «ребалансирования в сторону АТР», обострившими американо-китайские отношения, были действия Вашингтона по созданию Транстихоокеанского партнерства (ТТП), формировавшего новую региональную систему торгово-экономических правил без участия Китая, и форсированное расширение военно-политического присутствия США в регионе. В годы президентства Обамы и США, и Китай наращивали свое военное присутствие в регионе, что находило выражение как в увеличении их воинских контингентов в АТР, так и в интенсификации проводимых ими в регионе военных учений. Важной составляющей региональной стратегии Вашингтона было укрепление системы военно-политических союзов — с Японией, Южной Кореей, Филиппинами, Таиландом и Австралией. Конкурируя друг с другом, США и Китай активно занимались вовлечением в сферу своего влияния ключевых стран региона. Наиболее примечательным феноменом того времени стал курс Вашингтона на нормализацию отношений с Мьянмой, которой отводилась весьма важная роль в китайских внешнеполитических планах [Hong Zhao 2008].

Углубив свою вовлеченность в дела региона, Вашингтон проявил интерес к вопросам, которые раньше находились на периферии американской внешней политики. Вмешательство США в сложный узел противоречий в Южно-Китайском море побудило Китай форсировать военное строительство на оспариваемых островах [Auslin 2018: 9] и повлекло за собой сильное обострение территориальных споров в Южно-Китайском море. Проблематика свободы навигации вышла на первый план американо-китайского взаимодействия в тот период.

В целом интенсификация американо-китайского регионального соперничества в годы президентства Обамы стала оказывать деструктивное влияние на ситуацию в сфере безопасности

в АТР — в регионе обострились территориальные споры, развернулась гонка вооружений, не потеряла своей остроты северокорейская проблема. Положительные изменения произошли только на тайваньском направлении — стабилизировалась обстановка в Тайваньском проливе, тайваньская проблема присутствовала в американо-китайских отношениях весьма незначительно (в отличие от периода предшествовавшей администрации Дж. Буша-мл.). Причины этого заключались, однако, не в особой тайваньской политике Обамы, а главным образом в смене администрации на Тайване (в 2008 г. на посту главы тайваньской администрации Чэнь Шуйбяня сменил представитель Гоминьдана Ма Инцзю, выполнивший предварительное требование Пекина для возобновления китайско-тайваньского диалога — признание «консенсуса 1992 г.») и ее новой, компромиссной политике в отношении Китая [Tao Wenzhao 2013].

Придя к власти в США в январе 2017 г., Д. Трамп в целом подтвердил взятый Обамой курс на активное участие в делах АТР. Сохраняя преэминентность в понимании важности этого региона для американских интересов, администрация Трампа между тем внесла изменения в региональную стратегию. На смену выдвинутой Обамой стратегии «ребалансирования в Азию» пришла стратегия «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона»¹, впервые обнародованная Д. Трампом в ноябре 2017 г. на саммите АТЭС в Дананге (Вьетнам). Двумя ключевыми принципами новой стратегии стали обеспечение свободы и открытости в регионе. При этом под «свободой» подразумевается как свобода от принуждения со стороны других держав и способность стран региона защищать свой суверенитет, так и свободные гражданские общества в странах региона (с такими атрибутами, как надлежащее управление, фундаментальные права человека и свободы, прозрачность,

¹ Одноименная стратегия была официально выдвинута Японией — важным американским союзником в регионе — в августе 2016 г. на 6-й Токийской международной конференции по развитию Африки [Кистанов 2018: 34]. Тремя годами ранее, в 2013 г., словосочетание «Индо-Тихоокеанский регион» было включено в Белую книгу по обороне, опубликованную правительством Австралии [Стрельцов 2018: 66].

противодействие коррупции). Понятие «открытого» региона включает такие характеристики, как открытые морские и воздушные пути сообщения, открытая инфраструктура, способствующая более тесной региональной интеграции и процветанию стран региона, открытые инвестиции (открытый инвестиционный климат и более прозрачные регуляторные структуры), открытая торговля (свободная, честная и на основе взаимности)².

Являясь в целом продолжением той политики, которую Вашингтон проводил в регионе на протяжении уже более 70 лет, стратегия «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» имеет ряд нюансов. Во-первых, в ней зафиксирована замена термина «Азиатско-Тихоокеанский регион» (или просто «Азия») на «Индо-Тихоокеанский регион» (или «Индо-Пасифику»)³. В мае 2018 г. Тихоокеанское командование США (РАСОМ) было даже переименовано в Индо-Тихоокеанское командование (IPCOM). Расширение географических рамок региона и включение в него Индийского океана, западной части Тихого океана и окружающих их стран⁴, свидетельствовало, с одной стороны, о признании Вашингтоном возросшей роли Южной Азии и в особенности Индии в Восточной и Юго-Восточной Азии, а с другой — о заинтересованности Вашингтона в более весомой роли Индии в регионе. Индия, с которой у США сформировались

² Briefing on The Indo-Pacific Strategy. 2 April 2018. URL: <https://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2018/04/280134.htm> (accessed: 11.10.2018); Testimony by A. Wong, Deputy Assistant Secretary Bureau of East Asian and Pacific Affairs U.S. Department of State, 15.05.2018. URL: <https://www.foreign.senate.gov/hearings/american-leadership-in-the-asia-pacific-part-5-the-asia-reassurance-initiative-act-051518> (accessed: 11.10.2018).

³ Следует подчеркнуть, что об Индо-Тихоокеанском регионе стали активно говорить еще в годы администрации Обамы (термин «Индо-Тихоокеанский регион» часто использовался тогдашним госсекретарем Х. Клинтон, представителями Министерства обороны и Тихоокеанского командования США), тогда же предпринимались и шаги по вовлечению Индии в дела АТР [Лексютина 2014: 20].

⁴ Defining Our Relationship with India for the Next Century: An Address by U.S. Secretary of State Rex Tillerson. 18 October 2017. URL: <https://www.csis.org/analysis/defining-our-relationship-india-next-century-address-us-secretary-state-rex-tillerson> (accessed: 10.10.2018).

весьма тесные многоплановые отношения⁵, рассматривается Вашингтоном как важный противовес усиливающемуся Китаю. Высокий конфликтный потенциал в китайско-индийских отношениях, обусловленный территориальными противоречиями, фактором Пакистана и нарастающим соперничеством двух стран в Индийском океане, делает Индию чрезвычайно привлекательным партнером для США в деле уравнивания регионального влияния Пекина.

Другой отличительной чертой индотихоокеанской стратегии Д. Трампа стало то, что формулировалась она исходя из восприятия Трампом национальных интересов США и его видения региональной ситуации, а также новых региональных реалий — значительно усилившегося Китая, уверенно отстаивающего свои интересы в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях и реализующего масштабную инициативу «Пояс и путь», предполагающую серьезные китайские инвестиции в регионе, создание новой инфраструктуры в странах региона, формулирование и внедрение новых правил региональной торговли. Фактически каждый из принципов американской стратегии «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» отражал обеспокоенность Вашингтона усилением Китая, его влиянием на страны региона и региональные процессы в целом: обеспокоенность тем, что Китай будет использовать методы принуждения в отношении более слабых стран региона, препятствовать свободе навигации в Южно-Китайском море, нарушать существующий мировой и региональный порядок, а китайские инициативы в торгово-экономической сфере (такие как «Пояс и путь», АБИИ, двусторонние и многосторонние торговые соглашения с участием Китая и стран региона) будут подрывать продвигаемые США принципы открытой торговли, инвестиций и инфраструктуры. Как отмечают многие исследователи, именно опасения, связанные с усилением Китая, обусловили появление Индо-Тихоокеанской стратегии США [Chen Dingding 2018, Manning 2018, Le Hong

⁵ В 2016 г. США даже наделили Индию статусом «основного партнера США по обороне», что открыло Дели доступ к американской оборонной продукции и технологиям наравне с ближайшими союзниками и партнерами США.

Ніер 2018]. Китайские эксперты обращают внимание на то, что Индо-Тихоокеанская стратегия Вашингтона проникнута сильным антагонизмом в отношении Китая, и при Д. Трампе происходит кристаллизация фундаментальной переоценки отношений США с Китаем [Jia Xiudong 2018, Zhao Huasheng 2018].

В стратегии «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» содержится сильное недовольство торгово-экономической политикой Китая. В своем вступлении на саммите АТЭС в Дананге Д. Трамп открыто обвинил Китай в невыполнении взятых на себя международных обязательств (в рамках ВТО) и нарушении правил международной торговли, несоблюдении прав интеллектуальной собственности, манипуляции валютным курсом, субсидировании отечественных производителей, оказании государственной поддержки китайским предприятиям, принуждении иностранных компаний к передаче технологий, препятствовании выходу иностранных компаний на китайские рынки, демпинге на международных рынках, усилении роли государственных компаний в национальной экономике⁶. Д. Трамп не только обозначил намерение решительно бороться с проявлениями такой «нечестной» торгово-экономической политики, но и приступил к непосредственному исполнению соответствующих угроз в отношении Китая, развязав крупномасштабную торговую войну с Китаем летом 2018 г.

В целом администрация Д. Трампа значительно усилила курс на сдерживание Китая. Серьезное изменение в американском подходе к Китаю было зафиксировано в опубликованной в декабре 2017 г. Стратегии национальной безопасности США. В отличие от выпущенной в 2010 г. администрацией Обамы Стратегии национальной безопасности, где акцент был сделан на развитии позитивных, конструктивных и всеобъемлющих отношений с Китаем, в новой редакции этого ключевого внешнеполитического документа Китай наряду с Россией был назван соперником США и ревизионистским государ-

ством, бросающим вызов американскому могуществу, влиянию и интересам, а также стремящимся подорвать безопасность и процветание США⁷. Позиционирование Китая как стратегического соперника и ревизионистского государства было усилено в опубликованной в январе 2018 г. Национальной оборонной стратегии США. Этот документ начинался с констатации того, что первоочередная озабоченность США теперь связана не с терроризмом, а с возрождением межгосударственного стратегического соперничества. В этой связи главным приоритетом Министерства обороны США называлось долгосрочное стратегическое соперничество с Китаем и Россией (именно в такой последовательности)⁸.

Действуя сообразно подобным установкам, администрация Д. Трампа усилила акцент на взаимодействии в регионе в четырехстороннем формате [Локшин 2018: 4—18] — США, Индия, Япония и Австралия⁹ (при Обаме акцент в многостороннем сотрудничестве делался на трехсторонних блоках: США — Япония — Австралия, США — Япония — Индия и США — Япония — Южная Корея). Популярной стала высказанная С. Абэ десятилетием ранее идея «альянса демократий». Укрепление системы союзнических отношений в регионе при Д. Трампе, как и при Б. Обаме, было важной составляющей американской региональной стратегии. Как и при Б. Обаме, подчеркивалась важность центральности АСЕАН и, вероятно, больше, чем при администрации Б. Обамы, акцент делался на расширении взаимодействия США с островными государствами Тихого океана. Это было связано с китайской инициативой «Пояс и путь» и активизацией экономической активности Китая в этой части мира.

⁷ National Security Strategy of the USA. 2017, December. P. 2, 25. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905-2.pdf> (accessed: 05.09.2018).

⁸ Summary of the 2018 National Defense Strategy of the USA. URL: <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (accessed: 06.09.2018).

⁹ Данный четырехсторонний формат был инициирован еще в 2007 г., но, вызвав сильные возражения со стороны Китая и соответственно колебания Австралии и Индии, был временно «заморожен».

⁶ Remarks by President Trump at APEC CEO Summit, Da Nang, Vietnam. 10.11.2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-apec-ceo-summit-da-nang-vietnam/> (accessed: 07.10.2018).

И наконец, еще одной отличительной особенностью стратегии Д. Трампа стало кардинальное изменение экономической политики США в регионе.

Экономическая политика Д. Трампа в Индо-Тихоокеанском регионе

Сильнейшим отступлением от политики Б. Обамы стал выход США, по инициативе Д. Трампа, из ТТП. Этот шаг свидетельствовал о самоустранении Вашингтона из процессов формирования новой региональной экономической архитектуры и создания региональной системы правил в сфере торговли и инвестиционной деятельности. Отказ от флагманского проекта Б. Обамы оказал серьезное воздействие на складывание региональной ситуации. Этот шаг, казалось бы облегчавший Китаю реализацию продвигаемых им моделей региональной интеграции (в формате Всеобъемлющего регионального экономического партнерства и Зоны свободной торговли АТР) и временно вызвавший растерянность среди стран — участниц переговорного процесса по созданию ТТП (в особенности со стороны Японии), побудил Японию — соперника Китая за региональное лидерство — активизировать свою внешнюю политику и перехватить лидерство в ТПП у США. Токио инициировал переговоры между странами — участницами ТТП, направленные на выработку стратегии объединения в условиях выхода из него Вашингтона. В результате переговорного процесса было согласовано Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение для ТТП, объединяющее 11 экономик с лидерской ролью Японии.

Выход Вашингтона из ТТП отнюдь не означал падение интереса Вашингтона к развитию торгово-экономических отношений со странами региона. Напротив, усиление экономической и коммерческой вовлеченности США в дела региона выступает важной составляющей стратегии Д. Трампа в Индо-Тихоокеанском регионе. Но, в отличие от Обамы, нацеленного на создание *многосторонних* соглашений нового типа (таких, как ТТП и Трансатлантическое партнерство), Д. Трамп в своей экономической политике делает акцент на «высококачественные» *двусторонние* торговые соглашения. При этом во главу угла

ставятся не геополитические или долговременные стратегические интересы США, а экономические интересы американского бизнеса и задача создания новых рабочих мест в США. Приступив к исполнению президентских обязанностей, Д. Трамп в первую очередь объявил о планах пересмотреть действовавшие торговые соглашения с ключевыми партнерами. Свои намерения в этой связи Д. Трамп обозначил следующим образом: «Я пойду на двусторонние торговые соглашения с любыми индотихоокеанскими странами, которые выразят желание быть нашими партнерами и будут придерживаться принципов честной и взаимной торговли. Чего мы не будем больше делать — так это вступать в крупные соглашения, которые связывают наши руки, подрывают наш суверенитет и делают практически невозможным их реализацию»¹⁰. Руководствуясь целями обеспечения интересов американского бизнеса и стимулирования экономического роста в США, Д. Трамп в качестве приоритетных задач экономической стратегии в Индо-Тихоокеанском регионе сформулировал пересмотр действующих торговых соглашений и оказание комплексного давления на страны, нарушающие правила международной торговли и не выполняющие взятые на себя обязательства в рамках ВТО (имея в виду, прежде всего, Китай).

Вместе с тем крупнейшим вызовом, с которым администрации Д. Трампа приходится иметь дело в регионе, является масштабная китайская инициатива «Пояс и путь». В отличие от некоторых развитых стран, изменивших свою первоначальную настороженную позицию в отношении китайской инициативы и в течение 2017—2018 гг. выразивших намерение рассмотреть возможность своего участия в ней [Koldunova 2018: 18], американская администрация продолжает демонстрировать ее резкое неприятие. В июне 2018 г. министр обороны США Дж. Мэттис сравнил инициативу «Пояс и путь» с политикой китайской династии Мин, правители которой требовали от других государств признания

¹⁰ Remarks by President Trump at APEC CEO Summit, Da Nang, Vietnam. 10.11.2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-apec-ceo-summit-da-nang-vietnam/> (accessed: 05.10.2018).

даннических отношений и совершения ритуала «коуту»¹¹. В выступлении на диалоге Шангри-ла в июне 2018 г. Мэттис завуалированно охарактеризовал китайскую внешнеэкономическую стратегию как «пустые обещания», принуждение к «отказу от экономического суверенитета» и возложение «огромных долгов на соседние страны»¹². Советник Госсекретаря М. Помпео по политическим вопросам Б. Хук обозначил «Пояс и путь» как инициативу, сделанную в Китае и для Китая¹³.

Не ограничиваясь критикой, в целях противодействия китайской инициативе «Пояс и путь» Вашингтон предпринимает контрмеры. Так, при участии США, Японии и Индии была создана специальная трехсторонняя рабочая группа по инфраструктурным вопросам (Trilateral Infrastructure Working Group)¹⁴, призванная содействовать укреплению сотрудничества стран в области инфраструктурного развития и взаимосвязанности в Индо-Тихоокеанском регионе. В мае 2018 г. Американско-индийский деловой совет и Американско-японский деловой совет инициировали создание Трехстороннего форума по инфраструктуре в ИТР (Indo-Pacific Infrastructure Trilateral Forum), нацеленного на улучшение координации между частным сектором при осуществлении инфраструктурных проектов за рубежом [Smith 2018]. А в июле 2018 г. стало известно о создании трехстороннего партнерства в области инфраструктурных инвестиций между

американской Корпорацией частных зарубежных инвестиций, японским Банком международного сотрудничества и австралийским Министерством иностранных дел и торговли¹⁵.

В области инфраструктурного развития региона администрация Д. Трампа в противовес масштабному государственному инвестированию со стороны Китая в русле реализации инициативы «Пояс и путь» намеревается прилагать усилия в направлении стимулирования инвестиций со стороны частного сектора. Администрация Д. Трампа, в частности, выступила с инициативой удвоения бюджета Корпорации частных зарубежных инвестиций (Overseas Private Investment Corporation) — специального агентства при Правительстве США, призванного содействовать американскому бизнесу в осуществлении вложений в новые и развивающиеся рынки путем предоставления кредитов и гарантий — до 60 млрд дол. США и ее переименования в Финансовую корпорацию международного развития (International Development Finance Corporation). 30 июля на Индо-Тихоокеанском деловом форуме Госсекретарь США Помпео обнародовал планы администрации Д. Трампа выделить первый пакет финансирования в размере 113,5 млн дол. США на реализацию новых стратегических инициатив в регионе, сфокусированных на увеличении частных инвестиций США в регионе, улучшении цифровой взаимосвязанности и кибербезопасности, содействии устойчивому инфраструктурному развитию и обеспечении энергетической безопасности¹⁶.

Американо-китайские противоречия в регионе при Д. Трампе

Принципиальным фактором, оказывавшим влияние на индотихоокеанскую стратегию Д. Трампа и складывание американо-китайских

¹¹ Remarks By Secretary Mattis at the U.S. Naval War College Commencement, Newport, Rhode Island. 15.06.2018. URL: <https://dod.defense.gov/News/Transcripts/Transcript-View/Article/1551954/remarks-by-secretary-mattis-at-the-us-naval-war-college-commencement-newport-rh/> (accessed: 11.10.2018).

¹² Remarks by Secretary Mattis at Plenary Session of the 2018 Shangri-La Dialogue. 2.06.2018. URL: <https://dod.defense.gov/News/Transcripts/Transcript-View/Article/1538599/remarks-by-secretary-mattis-at-plenary-session-of-the-2018-shangri-la-dialogue/> (accessed: 08.08.2018).

¹³ Pompeo to announce U.S. economic initiatives in “Indo-Pacific” // Reuters. 30.07.2018. URL: <https://www.cnbc.com/2018/07/30/reuters-america-pompeo-to-announce-u-s-economic-initiatives-in-indo-pacific.html> (accessed: 11.09.2018).

¹⁴ Joint Statement on the U.S.-India-Japan Trilateral Meeting. 5.04.2018. URL: <https://www.state.gov/t/pa/prs/ps/2018/04/280254.htm> (accessed: 12.10.2018).

¹⁵ См.: Hutchens G. Australia joins US-Japanese Pacific investment plan but offers no budget details // The Guardian. 31.07.2018. URL: <https://www.theguardian.com/world/2018/jul/31/australia-joins-us-japanese-pacific-investment-plan-but-offers-no-budget-details> (accessed: 02.10.2018).

¹⁶ См.: President Donald J. Trump’s Administration is Advancing a Free and Open Indo-Pacific. 30 July 2018. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/president-donald-j-trumps-administration-advancing-free-open-indo-pacific/> (accessed: 10.10.2018).

отношений в первый год деятельности новой американской администрации, являлась северокорейская ядерная проблема. Важной задачей Д. Трампа на этом направлении было привлечение Пекина к сотрудничеству в деле оказания давления на северокорейский режим. Придя к власти, Д. Трамп открыто заявил о том, что от готовности Пекина оказать содействие в урегулировании северокорейского вопроса путем усиления экономического давления на Пхеньян будет зависеть разрешение американо-китайских торговых споров.

В течение 2017 г. Китай в общем шел на уступки США в северокорейском вопросе, поддерживая выдвигавшиеся Вашингтоном в Совете безопасности ООН резолюции и вводя умеренные санкции против Пхеньяна [Давыдов 2018: 57, 59]. Признавая готовность Пекина содействовать в решении северокорейского вопроса, Вашингтон, тем не менее, нередко критиковал Пекин в том, что он делал недостаточно для оказания давления на Пхеньян, учитывая тот факт, что 93% внешней торговли Северной Кореи приходится на Китай. Определенный диссонанс в американо-китайские отношения вносили также систематически вводимые администрацией Трампа санкции в отношении иностранных компаний (среди которых нередко были китайские компании), подозреваемых в поддержании «незаконных» торговых связей с Северной Кореей.

На динамику ситуации в северокорейском вопросе существенное влияние оказала изменившаяся с начала 2018 г. линия поведения Ким Чен Ына, продемонстрировавшего открытость к ведению прямого диалога с лидерами Южной Кореи и США. Это способствовало снижению значимости Пекина для США с точки зрения урегулирования северокорейской проблемы и позволило Трампу усилить экономическое давление на Китай. В результате в первой половине 2018 г. в американо-китайских отношениях со всей серьезностью встала перспектива торговой войны¹⁷, уже летом 2018 г. ставшая реальностью. Более того, участие Китая в северокорейском вопросе, включая встречи Си Цзиньпина

¹⁷ См.: Лексютина Я. Торг здесь неуместен // Профиль. 01.05.2018. URL: <http://m.profile.ru/politika/item/125565-torg-zdes-neumesten> (дата обращения: 02.06.2018).

с Ким Чен Ыном, стало позиционироваться Вашингтоном в негативном свете. Со стороны США все чаще стали звучать обвинения Пекина в том, что он осложняет процесс разрешения северокорейского вопроса, в условиях торговой войны с США намеренно оказывает деструктивное влияние на достижение искомых соглашений с Пхеньяном, нарушает режим санкций, предоставляя Северной Корее помощь (деньгами, топливом, удобрениями и другими товарами)¹⁸. Из вопроса, стабилизовавшего американо-китайские отношения на протяжении 2017 г. — начала 2018 г., северокорейский вопрос с весны 2018 г. превратился в источник напряженности в отношениях США и Китая.

Некоторые изменения в региональной ситуации проявились при Д. Трампе и на другом направлении — в вопросах Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей.

Так, ситуация вокруг оспариваемых Китаем, Японией и Тайванем спорных островов Дяоюйдао/Сэнкаку и разграничения исключительной экономической зоны в Восточно-Китайском море между Китаем и Японией стабилизировалась. С лета 2014 г., когда был восстановлен прерванный в 2012 г. официальный китайско-японский диалог на министерском уровне, оба государства воздерживались от провокационных действий в Восточно-Китайском море. Хотя Пекин продолжает патрулировать оспариваемые двумя странами акватории Восточно-Китайского моря и регулярно вторгаться в территориальные воды Японии близ островов Дяоюйдао, иных крупных провокаций ни с одной из сторон территориального спора с момента нормализации двусторонних отношений в 2014 г. не было. Обе страны демонстрируют сдержанность и в вопросе разведки и освоения нефтегазовых ресурсов в спорной акватории. В декабре 2017 г. стороны даже достигли договоренности о создании «горя-

¹⁸ См.: Remarks by President Trump and President Moon of the Republic of Korea Before Bilateral Meeting. 22.05.2018. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-president-moon-republic-korea-bilateral-meeting-2/> (accessed: 11.10.2018); Donald J. Trump on Twitter. 09.07.2018. URL: <https://twitter.com/realdonaldtrump/status/1016327387154395138> (accessed: 11.10.2018); Donald J. Trump on Twitter. 29.08.2018. URL: <https://twitter.com/realdonaldtrump/status/1034914376141168640> (accessed: 11.10.2018).

чей линии» между оборонными ведомствами двух стран в целях предотвращения непреднамеренных столкновений в Восточно-Китайском море. Политика Д. Трампа, принявшая в 2018 г. резко антикитайский характер на экономическом треке, обусловила возросшую заинтересованность со стороны Китая к гармонизации отношений с Японией.

Ситуация в Южно-Китайском море в 2017—2018 гг. — в первые два года пребывания Д. Трампа у власти — отличалась неоднозначностью. Казалось бы, обстановка вокруг территориальных споров в этой акватории стабилизировалась. К концу 2015 г. Китай завершил продолжавшееся с декабря 2013 г. масштабное намывание островов в Южно-Китайском море, сосредоточившись на возведении на них гражданской и военной инфраструктуры. Страны Юго-Восточной Азии снизили свою критическую в отношении Пекина риторику. В особенности изменение линии поведения в территориальных спорах в Южно-Китайском море проявилось со стороны Филиппин — пришедшее в июне 2016 г. новое руководство страны в лице Р. Дутерте взяло курс на гармонизацию отношений с Китаем. Инициированный предыдущим президентом Филиппин Б. Акино международный арбитраж по вопросу Южно-Китайского моря, вызывавший категорическое неприятие со стороны Пекина, также был завершён в июле 2016 г., а его решения так и не были введены в действие [Труш 2017: 54—55]. Реализуемая Китаем инициатива «Пояс и путь» и связанные с ней ожидания масштабных китайских инвестиций способствовали общему настрою многих стран Юго-Восточной Азии на гармонизацию отношений с Пекином и снижению градуса напряженности вокруг проблематики Южно-Китайского моря. Китай и АСЕАН приступили к разработке Кодекса поведения в Южно-Китайском море. А в ноябре 2017 г. даже провели совместные поисково-спасательные морские учения.

Однако при администрации Д. Трампа изменился вектор противоречий в Южно-Китайском море — на смену напряженности между Китаем и странами Юго-Восточной Азии вокруг территориальных споров в Южно-Китайском море пришло обострение противоречий между

Китаем и США (и их союзниками и близкими партнерами) в вопросе свободы навигации в Южно-Китайском море. В продолжение заданного Б. Обамой курса Вашингтон стал регулярно проводить так называемые «операции в поддержку свободы навигации» (freedom of navigation operations) в спорной акватории — маневры американских военных кораблей близ намытых Китаем искусственных островов с заходами в 12-мильную зону, которую Пекин рассматривает как свои территориальные воды. Сильный резонанс имели события 25 мая 2017 г., когда эсминец ВМС США без получения соответствующих разрешений вошел в акваторию спорного архипелага Спратли и находился там на расстоянии 12 морских миль на протяжении 1,5 часов у рифа Мисчиф. В первой половине 2018 г. достоянием общественности стали два случая проведения США операций в поддержку свободы навигации — 17 января и 23 марта. Отменой запланированного на октябрь визита министра обороны США Дж. Мэттиса в Китай и соответственно срывом заседания американо-китайского диалога в сфере внешней политики и обороны закончилось противостояние в Южно-Китайском море китайского миноносца «Луян» и американского эсминца «Decatur», осуществлявшего 30 сентября 2018 г. «операцию в поддержку свободы навигации» в 12-мильной зоне контролируемых Китаем островов архипелага Спратли. Случаи противостояния американских и китайских военных судов, опасного сближения военных самолетов и кораблей США и Китая в оспариваемых акваториях и воздушных пространствах над ними в Южно-Китайском море стали происходить систематически. Более того, в вопросе Южно-Китайского моря с США сейчас активно солидаризируются Япония и Австралия, а свои корабли в поддержку свободы навигации стал посылать даже такой внерегиональный союзник США, как Великобритания.

Другим сильным источником американо-китайских противоречий в регионе является продолжающаяся милитаризация Китаем Южно-Китайского моря и искусственных островов. Помимо гражданской инфраструктуры Китай активно строит на искусственных островах объекты военного назначения: подземные склады боеприпасов, установки наблюдения и обнару-

жения, ангары для самолетов, бараки, коммуникационные сооружения (узлы радиосвязи, радиолокационные станции и пр.), сооружения, предназначенные для авиации, дозаправки, портовые сооружения, стационарные стартовые площадки для систем ПВО и т.д. В апреле широкой мировой общественности стало известно о размещении Китаем на спорных островах оборудования радиоэлектронного подавления, ракет класса «земля—воздух» и противокорабельных ракетных комплексов, что свидетельствовало о способностях НОАК не только обнаруживать курсирующие в районе Южно-Китайского моря морские и воздушные суда, но и сбивать их в случае необходимости защиты своих интересов. Расценив это как грубое нарушение данных Си Цзиньпином в 2015 г. в Белом доме обещаний не милитаризовать острова Спратли, в мае 2018 г. Вашингтон отозвал ранее направленное Пекину приглашение¹⁹ принять участие в крупнейших в мире многосторонних военно-морских учениях RIMPAC. Более того, запрет на участие Китая в военных морских учениях RIMPAC был зафиксирован в подписанном в августе 2018 г. Д. Трампом Законе о бюджетных ассигнованиях на национальную оборону в 2019 г. [Glaser, Flaherty 2018: 27].

Как и при Б. Обаме, Вашингтон также продолжает предпринимать меры по укреплению способностей стран региона защищать их морскую безопасность. Так, в августе 2018 г. Госсекретарь М. Помпео обозначил намерение Вашингтона выделить порядка 300 млн дол. США на финансирование сотрудничества в области безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе²⁰.

При Д. Трампе в американо-китайском взаимодействии в регионе снова возник тайваньский вопрос, фактически исчезнувший с повестки дня американо-китайских отношений в годы деятельности администрации Обамы. Обострению тайваньского вопроса способствовали как возвращение к власти на Тайване после 8-летнего перерыва администрации Демократической прогрессивной партии, традиционно выступа-

ющей за независимость острова, так и неосторожные действия Д. Трампа, который, вступив в должность президента, еще не особо разбираясь в тонкостях тайваньского вопроса, сделал ряд шагов и заявлений, привлечших лишнее внимание к тайваньской проблеме (а именно его телефонный разговор с главой тайваньской администрации Цай Инвэнь, а также озвученное Д. Трампом намерение изменить политику «Одного Китая» [Кузнецов 2017: 32, 33]). Однако то, что сначала могло быть интерпретировано как неопытность Д. Трампа в тайваньском вопросе, впоследствии оказалось изменением в тайваньской политике США. На протяжении 2017 и 2018 гг. Вашингтон систематически подтверждал свое намерение развивать отношения с тайваньской администрацией вопреки недовольству Пекина. В частности, Вашингтон продолжил практику продажи Тайваню вооружений (очередные партии вооружений были одобрены к продаже Тайваню летом 2017 г., а также в сентябре 2018 г.), в марте 2018 г. Д. Трамп подписал «Закон о поездках на Тайвань», открывший возможность для обмена визитами на всех уровнях между высокопоставленными представителями США и Тайваня.

Обострению тайваньской проблемы в американо-китайских отношениях способствовали также действия Пекина, усилившего политическое и военное давление на Тайвань. А именно регулярно проводимые Пекином в целях устрашения военные учения близ Тайваня, открытие Китаем в одностороннем порядке новых авиамаршрутов близ срединной линии в Тайваньском проливе, адресованные иностранным авиакомпаниям требования перестать указывать на их официальных сайтах Тайвань как страну назначения (май 2018 г.), блокирование участия Тайваня во Всемирной ассамблее здравоохранения и Ассамблее Международной организации гражданской авиации²¹, «переманивание» диплома-

¹⁹ Ранее Китай принимал участие в этих военных учениях в 2014 и 2016 гг.

²⁰ Press Availability at the 51st ASEAN Foreign Ministers' Meeting and Related Meetings. 4.08.2018. URL: <https://www.state.gov/secretary/remarks/2018/08/284924.htm> (accessed: 01.10.2018).

²¹ В 2017 г. Всемирная ассамблея здравоохранения впервые с 2009 г. отказала Тайваню в участии в качестве наблюдателя. В 2016 г. Тайваню было отказано в участии в проводимой раз в три года Ассамблее Международной организации гражданской авиации, хотя в 2013 г. Тайвань участвовал в Ассамблее. См.: Annual Report to Congress "Military and Security Developments Involving the PRC 2018". P. 10. URL: <https://media.defense.gov/2018/Aug/16/2001955282/-1/-1/1/2018-CHINA-MILITARY-POWER-REPORT.PDF> (accessed: 13.10.2018).

тических партнеров Тайваня в нарушение достигнутого в 2008 г. при администрации Ма Инцзю «дипломатического перемирия» (только за 4 месяца с мая по август 2018 г. три государства переключили свое дипломатическое признание с Тайваня на КНР — Доминиканская Республика, Буркина-Фасо и Сальвадор). Подобные действия китайских властей вызывали критику со стороны Вашингтона и его ответные меры по выражению поддержки в адрес Тайваня. Так, например, в начале июля 2018 г. в целях демонстрации поддержки Тайваня два американских эскадренных миноносца прошли через Тайваньский пролив. Американское министерство обороны также обозначило планы интенсифицировать взаимодействие с тайваньским оборонным ведомством, включая проведение совместной боевой подготовки.

***

Анализ неполных двух лет пребывания Д. Трампа на посту президента США позволяет сделать ряд промежуточных выводов о стратегии этой американской администрации в Индо-Тихоокеанском регионе.

Во-первых, регион не только не потерял свою значимость для США, но и приумножил. Именно отсюда исходят две угрозы, позиционируемые Д. Трампом как одни из наиболее серьезных для благополучия, процветания и безопасности США, — северокорейская ядерная угроза и угроза возвышающегося Китая, который проводит «нечестную» торгово-экономическую политику (тем самым нанося урон экономическим интересам США) и демонстрирует напористость внешнеполитического поведения.

Во-вторых, при Д. Трампе Китай стал позиционироваться как один из двух (наряду с Россией или даже более главный) стратегических соперников США, и в отношении Китая стала проводиться беспрецедентная с момента нормализации американо-китайских отношений политика давления (если не брать в расчет санкции, последовавшие после событий на площади Тяньаньмэнь в 1989 г.). Китай стал главным объектом торговой войны Д. Трампа. Выдвинутая Д. Трампом стратегия «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» в определяющей степе-

ни стала ответом на напористость Китая в территориальных спорах и в вопросах свободы судоходства, на «нечестную» торгово-экономическую политику Пекина и китайскую инициативу «Пояс и путь».

В-третьих, продолжая и развивая в целом ту политику в регионе, которую проводил Б. Обама в области безопасности, Д. Трамп продемонстрировал большую бескомпромиссность и жесткость подхода в достижении искомых целей.

В-четвертых, при сохранении общих ориентиров в военно-политической области кардинальные изменения в региональной стратегии США при Д. Трампе проявились в экономической политике. Акцент при Д. Трампе делается на отказе от многосторонних форм экономической интеграции, пересмотре действующих двусторонних торговых соглашений с региональными партнерами, поиске противовеса китайской инициативе «Пояс и путь» и оказании давления на Пекин с целью заставить его изменить торгово-экономическую политику.

Такие внешнеполитические установки Д. Трампа не могли не сказаться на отношениях США с Китаем. Сильнейшее обострение американо-китайских противоречий проявилось в 2018 г., в то время как в 2017 г. стабилизирующее влияние на американо-китайские отношения оказывала северокорейская ядерная проблема и заинтересованность Д. Трампа в привлечении Пекина к сотрудничеству в этом вопросе. Американо-китайские противоречия в регионе в 2017—2018 гг. обострились и концентрировались преимущественно вокруг вопросов свободы судоходства в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях, милитаризации Китаем искусственных островов в Южно-Китайском море и вокруг тайваньской проблемы. Есть основания ожидать дальнейшего углубления американо-китайских противоречий по указанным вопросам, но вместе с тем будет развиваться и другая тенденция — на фоне обострения отношений с Вашингтоном Пекин может проявить возросшую заинтересованность в сближении со странами региона в целях недопущения формирования «единого фронта» против Китая или маргинализации Китая.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-07-50016-ОГН.

Библиографический список

- Давыдов А.С. XIX съезд КПК и китайско-американские отношения // Решения XIX съезда КПК и перспективы российско-китайских отношений / под ред. С.Г. Лузянина. Москва: ИДВ РАН, 2018. С. 54—65.
- Кистанов В.О. Индо-Тихоокеанская стратегия Японии как средство сдерживания Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 2. С. 32—43.
- Кузнецов Д.В. О взаимоотношениях США КНР в начальный период президентства Д. Трампа // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 5. С. 32—46.
- Лексютина Я.В. «Возвращение в Азию» — внешнеполитический курс Б. Обамы: итоги пяти лет реализации // США и Канада: экономика, политика, культура. 2014. № 10. С. 17—34.
- Локишин Г.М. Доктрина Трампа — курс на создание нового блока в Азии // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 3. С. 4—18.
- Стрельцов Д. Индо-Тихоокеанский регион как новая реальность глобальной системы международных отношений // Международная жизнь. 2018. № 9. С. 65—74.
- Труш С.М. Отношения КНР и США на рубеже Обама — Трамп: политические и военно-политические аспекты // США и Канада: экономика, политика, культура. 2017. № 3 (567). С. 54—55.
- Auslin M. The Question of American Strategy in the Indo-Pacific. Hoover Institution, 2018. URL: https://www.hoover.org/sites/default/files/research/docs/auslin_webready.pdf (accessed: 03.12.2018).
- Chen Dingding. The Indo-Pacific Strategy: A Background Analysis. ISPI, 2018. URL: <https://www.ispionline.it/it/publicazione/indo-pacific-strategy-background-analysis-20714> (accessed: 03.10.2018).
- Glaser B., Flaherty K. US—China Relations: Tit-for-Tat Tariffs // Comparative Connections. 2018. Vol. 20. No. 2. P. 21—36. URL: <http://cc.pacforum.org/2018/09/tit-for-tat-tariffs/> (accessed: 09.10.2018).
- Hong Zhao. China and India: competing for good relations with Myanmar // The Journal of East Asian Affairs. 2008. Vol. 22. No. 1. P. 175—194.
- Jia Xiudong. US Indo-Pacific strategy is not what it appears to be. CIIS, 2018. URL: http://www.ciis.org.cn/english/2018-06/12/content_40380664.htm (accessed: 10.10.2018).
- Koldumova E. Russia and the Turbulent Waters of the Indo-Pacific // Regional Security Outlook 2019. 2018. P. 18—20. URL: http://www.cscap.org/uploads/docs/CRSO/CSCAP%202019%20Regional%20Security%20Outlook.pdf?fbclid=IwAR1oy3th2For-vUFJ0hJndnok2Ar3d8eXEHmPw_dRiVKgsHqPUEwNd00u1Y (accessed: 02.12.2018).
- Le Hong Hiep. America's Free and Open Indo-Pacific Strategy: A Vietnamese Perspective // ISEAS Perspective. 2018. No. 43. URL: https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/ISEAS_Perspective_2018_43@50.pdf (accessed: 02.12.2018).
- Manning R. US Indo-Pacific Strategy: Myths and Reality // Valdai paper. 2018. No. 89. URL: <http://valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdai-paper-89-us-indo-pacific-strategy/> (accessed: 01.12.2018).
- Scott D. The Indo-Pacific in US Strategy: Responding to Power Shifts // Rising powers quarterly. 2018. Vol. 3. Iss. 2. P. 19—43. URL: <http://risingpowersproject.com/quarterly/the-indo-pacific-in-us-strategy-responding-to-power-shifts/> (accessed: 09.10.2018).
- Smith J. Another First: U.S. and India to Hold 2+2 Dialogue in Delhi // Issue Brief. 2018. No. 4897. URL: <https://www.heritage.org/sites/default/files/2018-08/IB4897.pdf> (accessed: 09.10.2018).
- Tao Wenzhao. Review of the Obama Administration's Taiwan policy // Contemporary International Relations. 2013. Vol. 24. No. 1. P. 92—113.
- Zhao Huansheng. The Indo-Pacific Strategy: China's Perspective // Valdai Discussion Club. 27.11.2018. URL: <http://valdaiclub.com/a/highlights/the-indo-pacific-strategy-china-s-perspective/> (accessed: 03.12.2018).

Дата поступления статьи: 27.11.2018

Для цитирования: Лексютина Я.В. Роль Китая в стратегии «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» Д. Трампа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 1. С. 22—34. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-22-34.

Сведения об авторе: Лексютина Яна Валерьевна — доктор политических наук, доцент, профессор РАН, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: lexyana@ya.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-22-34

China in D. Trump's Free and Open Indo-Pacific Strategy

Ya.V. Leksyutina

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

Abstract. With Trump as a president of the US from January 2017 and his decisive actions, which have undermined many agreements reached by previous American administrations (like withdrawal from the TTP, the Paris climate agreement, the Iran nuclear deal, the UNESCO, etc.), the international system and regional subsystems are under serious reconfiguration and readjustments. This accentuates the necessity to systemize Trump's actions and initiatives in the realm of foreign policy and foreign trade, to interpret these actions' logic, and to evaluate the changes that Trump's policies have brought about. It is of high importance to analyze Trump's strategy in the Indo-Pacific which is the priority region in his foreign policy agenda and the region where two major threats to the US and its allies are coming from — the rise of China as a country that pursues unfair trade and economic policies and reveals assertiveness in securing its core interests, and the threat from the North Korea.

The aim of the article is to analyze China's place in Trump's Indo-Pacific strategy. By studying American conceptual documents, Trump's and other American high-level officials' speeches, the article characterizes Trump's free and open Indo-Pacific strategy, reveals its commonalities and peculiarities vis-à-vis Obama's rebalancing to the Asia-Pacific strategy. The article also addresses the issue of Trump's policies in the region on the economic front, because this is where Trump administration has introduced dramatic changes. Trump's Indo-Pacific strategy is examined in the article in the context of its impact on the US—China relations. The relations between the two countries — without exaggeration, one of the most consequential for the world — may seriously deteriorate due to not only the evolving US—China trade war, but also contradictions between them over various issues in the Indo-Pacific region. The article analyzes the aggravation of tensions between the US and China in 2017—2018 over South and East China Seas, Taiwan issue, and North Korea issue.

Key words: China, US, Trump's policy, Asia-Pacific region, Indo-Pacific region, US—China relations, China's rise, South China Sea, Taiwan issue

Acknowledgements: The research was carried in the frame work of Russian Foundation for Basic Research, research project No. 17-07-50016-OGN.

References

- Auslin, M. (2018). *The Question of American Strategy in the Indo-Pacific*. Hoover Institution, 2018. URL: https://www.hoover.org/sites/default/files/research/docs/auslin_webready.pdf (accessed: 03.12.2018).
- Chen, Dingding. (2018). *The Indo-Pacific Strategy: A Background Analysis*. URL: <https://www.ispionline.it/it/publicazione/indo-pacific-strategy-background-analysis-20714> (accessed: 03.10.2018).
- Davydov, A.S. (2018). 19th CPC National Congress and the Sino-American relations. In: *Decision of the 19th CPC National Congress and the perspectives of the Russia-China relations*. Ed. by S.G. Luzyanin. Moscow: IFES RAS, p. 54—65. (In Russian).
- Glaser, B. & Flaherty, K. (2018). US—China Relations: Tit-for-Tat Tariffs. *Comparative Connections*, 20 (2), 21—36. URL: <http://cc.pacforum.org/2018/09/tit-for-tat-tariffs/> (accessed: 09.10.2018).
- Hong, Zhao (2008). China and India: competing for good relations with Myanmar. *The Journal of East Asian Affairs*, 22 (1), 175—194.
- Jia, Xiudong (2018). *US Indo-Pacific strategy is not what it appears to be*. URL: http://www.ciis.org.cn/english/2018-06/12/content_40380664.htm (accessed: 10.10.2018).
- Kistanov, V.O. (2018). Japan's Indo-Pacific Strategy as a Deterrent to China. *Far Eastern Affairs*, 2, 32—43. (In Russian).
- Koldunova, E. (2018). Russia and the Turbulent Waters of the Indo-Pacific. *Regional Security Outlook 2019*, 18—20. URL: http://www.cscap.org/uploads/docs/CRSO/CSCAP%202019%20Regional%20Security%20Outlook.pdf?fbclid=IwAR1oy3th2For-vUFJ0hJndnok2Ar3d8eXEhmPw_dRiVKgsHqPUEwNd00u1Y (accessed: 02.12.2018).
- Kuznetsov, D.V. (2017). About the Relationships between the US and China in the Initial Period of Trump's Presidency. *Far Eastern Affairs*, 5, 32—46. (In Russian).
- Le Hong Hiep (2018). America's Free and Open Indo-Pacific Strategy: A Vietnamese Perspective. *ISEAS Perspective*, 43. URL: https://www.iseas.edu.sg/images/pdf/ISEAS_Perspective_2018_43@50.pdf (accessed: 02.12.2018).
- Leksyutina, Ya.V. (2014). Obama's "Return to Asia" Strategy: Five Years of Its Implementation. *USA—Canada: economics, politics, culture*, 10, 17—34. (In Russian).

- Lokshin, G.M. (2018). Trump's Doctrine as a Course to Create a New Bloc in Asia. *Far Eastern Affairs*, 3, 4—18. (In Russian).
- Manning, R. (2018). US Indo-Pacific Strategy: Myths and Reality. *Valdai paper*, 89. URL: <http://valdaiclub.com/a/valdai-papers/valdai-paper-89-us-indo-pacific-strategy/> (accessed: 01.12.2018).
- Scott, D. (2018). The Indo-Pacific in US Strategy: Responding to Power Shifts. *Rising powers quarterly*, 3 (2), 19—43. URL: <http://risingpowersproject.com/quarterly/the-indo-pacific-in-us-strategy-responding-to-power-shifts/> (accessed: 09.10.2018).
- Smith, J. (2018). Another First: U.S. and India to Hold 2+2 Dialogue in Delhi. *Issue Brief*, 4897. URL: <https://www.heritage.org/sites/default/files/2018-08/IB4897.pdf> (accessed: 09.10.2018).
- Streltsov, D. (2018). The Indo-Pacific region as a new reality of the global system of international relations. *International Affairs*, 9, 65—74. (In Russian).
- Tao, Wenzhao (2013). Review of the Obama Administration's Taiwan policy. *Contemporary International Relations*, 24 (1), 92—113.
- Trush, S.M. (2017). USA—China Relations at the Milestone Between Obama and Trump: Political and Military-Political Dimension. *USA—Canada: economics, politics, culture*, 3 (567), 54—55. (In Russian).
- Zhao, Huansheng (2018). The Indo-Pacific Strategy: China's Perspective. Valdai Discussion Club. URL: <http://valdaiclub.com/a/highlights/the-indo-pacific-strategy-china-s-perspective/> (accessed: 03.12.2018).

Received: 27.11.2018

For citations: Leksyutina, Ya.V. (2019). China in D. Trump's Free and Open Indo-Pacific Strategy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (1), 22—34. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-22-34.

About the author: *Leksyutina Yana Valeryevna* — Doctor of Political Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Professor of the American Studies Department, Saint-Petersburg State University (e-mail: lexyana@ya.ru).

© Лексютина Я.В., 2019

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-35-46

Американо-китайская экономическая конфронтация: идеология, хронология, значение

А.О. Виноградов

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики,
Москва, Российская Федерация

А.И. Салицкий

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН,
Москва, Российская Федерация

Н.К. Семенова

Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация

Летом 2018 г. США развязали торговую войну против Китая. До этого многим казалось, что стороны найдут компромисс. Надежды на это появились и после майских консультаций сторон. Однако в июле и августе США ввели дополнительные тарифы на импорт китайских товаров общей стоимостью 50 млрд долл. США. Пекин ответил таким же повышением пошлин на импорт из США. В сентябре вступили в действие новые тарифы еще на 200 млрд долл. США.

Успешный экономический рост Китая приводит к трансформации мирового экономического пространства, где лидирующие позиции еще занимают страны Запада [Kissinger 2011]. Новая администрация США, опасаясь экономической конкуренции, объявила о политике сдерживания Китая. При этом Вашингтон идет на нарушения существующих правил международной торговли. Напряженность в экономических отношениях США и КНР нарастает. В статье рассматриваются история, идеология и детали торгового конфликта между двумя лидерами мировой экономики. Авторы попытались определить, какой ущерб понесут обе страны из-за разгорающейся торговой войны, которая, помимо прочего, угрожает всей системе международного регулирования торговли. Кроме того, конфликт между Вашингтоном и Пекином отражает фундаментальный сдвиг в мировой экономике и политике, где восходящие страны перехватывают лидерство в глобализации.

Новизна ситуации в том, что впервые в истории американо-китайских отношений экономические противоречия между сторонами вылились в столь масштабные действия. Выявление их последствий выходит за рамки стандартных методик оценки мер торговой политики.

Ключевые слова: США, КНР, импортные тарифы, интеллектуальная собственность, торговая дискриминация, ВТО, инвестиции

В 2017 г. внешнеторговый оборот Китая превысил 4 трлн долл. США, и страна еще раз подтвердила первое место в мире [Варфаловская 2018]. Лидирует Китай и по числу стран, для которых он является главным торговым партнером [Studwell 2013]. Усиливаются позиции Поднебесной в мировом движении капитала [Кондрашова 2018], быстрыми темпами возрастает поток туристов из КНР, множатся успехи научно-технического комплекса страны. При решающем участии Китая начали работу новые международные финансовые институты, обретает контуры амбициозный проект «Один пояс — один путь», растет число государств, пытающихся перенять китайский опыт развития и установить с этой страной отношения тесного сотрудничества [Сафонкина 2018].

Все эти достижения меняют привычную картину мира, в котором сложилось экономическое доминирование западных стран, и прежде всего США [Spence 2011]. Администрация Д. Трампа открыто взяла курс на экономическое сдерживание китайской экспансии, не особенно считаясь с правилами многосторонней международной торговли¹. В результате торговый конфликт приобретает признаки масштабной и продолжительной экономической войны с трудно-

¹ См.: Chas W. Freeman, Jr. On the Souring of Sino-American Relations. Remarks to the Committee of 100. Santa Clara, California, 5 May 2018 URL: <https://chasfreeman.net/on-the-souring-of-sino-american-relations/> (accessed: 16.09.2018).

предсказуемыми последствиями. Справедливости ради надо отметить, что с момента основания Китайской Народной Республики китайско-американские экономические отношения гладкими не были [Huan Xiang 1981].

Идеология конфликта

Сразу после избрания на пост президента США Дональд Трамп выбрал экономиста Питера Наварро в качестве советника по торговле — он возглавил Национальный торговый совет Белого дома. Миссией нового органа должна была стать консультация президента по вопросам торговых переговоров и по оценке состояния промышленного и оборонного секторов экономики. «Еще несколько лет назад я прочитал одну из книг Питера о проблемах американской торговли и был впечатлен четкостью его аргументов и тщательностью исследований», — сообщил Д. Трамп, подчеркнув, что П. Наварро будет играть в его администрации незаменимую роль².

Перу П. Наварро принадлежат две книги о Китае (их автор не является профессиональным китаеведом), которые вышли в 2006 г. [Наварро 2007] и 2011 г. [Наварро, Отри 2017]³. Приведем выдержку из введения к первой книге: «Вы выходите из супермаркета, и ваше сердце радуется: тележка доверху полна дешевых китайских товаров — от новейшего лазерного принтера и плазменного ТВ до таких мелочей, как рубашки, носки и кроссовки. Но радость быстро проходит, когда глаза начинает щипать от новой волны „коричневого азиатского смога“, накатившей с моря. Этот высокотоксичный атмосферный поток зародился над фабриками в китайской глубинке и пришел сюда вслед за волной китайских товаров. Ваш остаток на текущем банковском счете стремительно тает: растут выплаты по ипотеке и цены на бензин. Их непомерный рост — следствие того, что Китай манипулирует курсом своей национальной валюты к доллару и потребляет все большую долю мировых нефтяных ресурсов». Далее автор обвиняет Китай в демпинге, промышленном пиратстве, массовом экспорте наркотиков, подделке лекарств, сгоне

крестьян с их земли, нищете китайских рабочих и т.п. «Именно из-за этого изобилия экономически обусловленных конфликтов нам и нашим детям предстоит вести с Китаем целую серию взаимосвязанных войн на многих фронтах», — заключает П. Наварро [Наварро 2007: 3, 4].

Вторая книга чуть более сдержанна, в ней авторы концентрируют внимание на том, что они называют китайским «оружием массового уничтожения рабочих мест». Это:

— тщательно разработанная система экспортных субсидий;

— недооцененный юань, курсом которого умело манипулируют;

— подделка товаров, пиратство и откровенное воровство американской интеллектуальной собственности;

— готовность руководства Китая наносить ущерб окружающей среде своей страны в обмен на ценовые преимущества;

— низкие требования к охране здоровья рабочих и уровню безопасности на производстве;

— незаконные тарифы, квоты и другие экспортные ограничения на важнейшие виды сырья (здесь, прежде всего, имеются в виду редкоземельные металлы, по ряду которых Китай является практически монополистом);

— хищническая ценовая политика и демпинг;

— «великая китайская стена протекционизма».

Последний пункт касается защиты китайскими властями своего внутреннего рынка, требований перевода в Китай подразделений иностранных компаний, занимающихся НИОКР (помимо передачи технологий).

Книги П. Наварро поначалу не привлекли большого внимания публики и критики. Позднее по ним был снят документальный фильм «Смерть от Китая», показанный в США и широко разошедшийся по сети.

Питер Наварро после начала предвыборной компании Д. Трампа стал политическим и экономическим советником последнего. Естественно, что многие положения из работ П. Наварро, в том числе обещание повысить на 40% торговые пошлины на импорт товаров из Китая и вообще разобраться с тем, что происходит в отношениях с Поднебесной, вошли в предвыборную платформу Д. Трампа. При этом пункт о сниже-

² Трамп выбрал советником по торговле автора книги «Смерть от Китая». URL: <https://lenta.ru/news/2016/12/22/navarro/> (дата обращения: 15.09.2018).

³ Обе книги переведены на русский язык.

нии дефицита в торговле с Китаем вошел в общий план экономической политики будущего президента, который был разработан Питером Наварро совместно с Уилбуром Россом⁴. После того как этот план был поддержан избирателями и Д. Трамп стал президентом⁵, П. Наварро вошел в его администрацию и стал главой созданного в Белом доме Совета по международной торговле. У. Росс занял пост министра торговли.

Обвинения в адрес Китая, которыми изобилуют работы П. Наварро, представляются нам как минимум преувеличенными. Не все они грамотны с экономической точки зрения. Так, представляя Китай локомотивом, который «на ходу врезался в мировую экономику», П. Наварро игнорирует тот простой факт, что экономика КНР встроена в мировое хозяйство в большей степени, чем американская. К тому же значительная часть китайского экспорта представлена продукцией предприятий с иностранным капиталом или просто филиалами ТНК. Следует учитывать и то, что экономика США в преобладающей мере сервисная и угрозы ей со стороны товарного импорта не особенно значимы.

Иными словами, П. Наварро игнорирует сложившиеся сравнительные преимущества и специализацию хозяйств обеих стран в международном разделении труда. Его откровенно протекционистская позиция, воплотившись в политику Вашингтона, представляет очевидный вызов теории и практике глобализации, открытый переход к сдерживанию Китая. Игнорируются и изменения в самом Китае, произошедшие за 12 лет с момента выхода первой книги П. Наварро, будь то отношение к интеллектуальной собственности, зарплате работников, а также достижения в области охраны среды обитания, потребительская революция и т.п.

⁴ Уилбур Росс — американский предприниматель, один из крупнейших специалистов в области кризисного управления в периоды банкротства. В 1990-х гг. урегулировал инвестиционный конфликт Д. Трампа, сохранив ему собственность. Один из инициаторов «тарифного противостояния» США и КНР (*Прим. авт.*).

⁵ На одном из митингов Д. Трамп заявил: «Когда я пришел к власти, мы были готовы позволить Китаю стать крупнее нас в очень короткий промежуток времени. Больше этого не повторится». См.: Trump is right. His trade war with China is causing a huge problem with North Korea. URL: <https://edition.cnn.com/2018/08/26/opinions/trumps-trade-war-china-north-korea-problem-fischer/index.html> (accessed: 15.09.2018).

Хронология противостояния

Вскоре после вступления нового президента США в должность, Дональда Трампа с официальным визитом посетил лидер КНР Си Цзиньпин. Визит состоялся 6—7 апреля 2017 г. МИД КНР сообщил о предстоящей поездке Си Цзиньпина менее чем за неделю до нее. Из чего можно сделать вывод о сложностях в подготовке визита. Учитывая особое внимание китайцев к протоколу и церемониалу, любая поспешность, особенно на высочайшем уровне, не допустима.

Итоги встречи давали надежду, что полномасштабная торговая война все же не начнется. Многие полагали, что она чревата серьезными издержками не только для Китая, но и для США. Дальнейшие события не подтвердили «конструктивный тон для развития китайско-американских отношений»⁶, обещанный китайскими СМИ.

17 апреля 2017 г. в заявлении на официальном сайте Министерства торговли США было сказано о том, что вводится запрет поставок в страну продукции корпорации Zhongxing Telecommunications Equipment Corporation (ZTE) и ее филиалов. Поводом послужило сотрудничество корпорации с Ираном и КНДР и якобы имевшая место передача этим странам американских технологий. Разбирательство продолжалось до конца августа 2018 г. и, по оценкам руководства китайской компании ZTE, за это время она потеряла более 3 млрд долл. [Виноградов, Салицкий 2018].

15 августа 2017 г. президент США Дональд Трамп подписал меморандум и несколько указов, поручающих Торговому представительству США (United States Trade Representative — USTR) начать расследование торгово-экономических действий Китая⁷, включая передачу технологий и другие аспекты в области интеллектуальной собственности. Подписание указов президента США произошло на фоне усиления разногласий между Вашингтоном и Пекином, несмотря на успех американской администрации, которой уда-

⁶ См.: Xi's visit to US called constructive. *China Daily USA*. 04.10.2017. URL: http://usa.chinadaily.com.cn/epaper/2017-04/10/content_28862122.htm (accessed: 17.08.2018).

⁷ Office of the U.S. Trade Representative, “U.S.—China Trade Facts”, Fact Sheet. URL: <https://ustr.gov/countries-regions/china-mongolia-taiwan/peoples-republic-china> (accessed: 16.10.2018).

лось убедить КНР согласиться в Совбезе ООН на новые санкции против Северной Кореи⁸. Накануне в рамках этих санкций КНР запретила импорт северокаорейских железа, угля и морепродуктов. Одновременно китайский МИД предостерег американского президента от начала торговой войны. Расследование закончилось в марте 2018 г., когда Д. Трамп подписал меморандум о действиях Соединенных Штатов на основе секции 301 Закона о торговле.

22 января 2018 г. США ввели дополнительные пошлины на стиральные машины и солнечные панели. Пошлина на ввоз солнечных батарей была установлена на уровне 30% в течение первого года (спустя четыре года она должна опуститься до 15%). Тариф на ввозимые в страну стиральные машины на первые 1,2 млн штук составил 20%, на все остальные сверх этого количества — 50% в течение первого года. На третий год ставка должна уменьшиться до 16 и 40% соответственно. Заметим, что последствия этих мер ощутили на себе и американские потребители — в связи с новыми тарифами цены на данные товары поползли вверх.

23 марта 2018 г. результаты расследования USTR были опубликованы, а Д. Трамп подписал меморандум «О борьбе с экономической агрессией Китая» на основе секции 301 Закона о торговле от 1974 г., который позволяет вводить санкции против стран, «уличенных в манипулировании рынком». В меморандуме обозначены три направления борьбы с политикой Китая в области интеллектуальной собственности: повышение тарифов, инициирование спора в ВТО, инвестиционные ограничения. Кроме того, Трамп потребовал от торгового представителя США в 15-дневный срок составить список товаров КНР, подпадающих под новые американские пошлины, а также инициировать иск против Пекина в ВТО из-за предполагаемых нарушений в области лицензирования⁹.

⁸ Трамп запустил торговое расследование против Китая из-за нарушения прав на интеллектуальную собственность. URL: <http://txt.newsru.com/finance/15aug2017/trumpcn.html> (дата обращения: 24.09.2018).

⁹ Трамп подписал меморандум о торговых мерах против Китая. URL: <https://ria.ru/economy/20180322/1517063505.html> (дата обращения: 23.09.2018).

В начале марта 2018 г. США сообщили о введении с 23 марта 2018 г. дополнительных пошлин на сталь (25%) и алюминий (10%). Это аргументировалось соображениями национальной безопасности США, что является нарушением норм ВТО. Меры, предпринятые американской администрацией, оказались очевидно дискриминационными, от них пострадала КНР, занимающая второе место по поставкам алюминия (13,2% импорта этого товара в США) и десятое — по стали (3,6%), а также российские компании.

2 апреля 2018 г. Китай ввел ответные временные меры, повысив до уровня 15% или 25% пошлины на 120 американских товаров. Повышение тарифов коснулось фруктов, сухофруктов и орехов, вина, этанола, стальных труб, свинины, алюминиевого лома и пр. Экспорт данной продукции из США составил около 3 млрд долл. в 2017 г. — примерно столько же, сколько экспорт алюминия и стали из КНР¹⁰.

США продолжили эскалацию угроз: 4 апреля 2018 г. был представлен список из 1313 товарных позиций экспорта КНР, на которые США запланировали повысить пошлины на 25%, стоимость их импорта оценивается в 50 млрд долл. США. В перечень вошли: продукция ИКТ и аэрокосмической отрасли, робототехника, новые материалы, биофармацевтика, логистическое оборудование, ядерные реакторы, котлы и механические устройства, электрические машины и оборудование, средства наземного транспорта, суда и лодки, инструменты и аппараты оптические, фотографические, измерительные и пр. Эти товары и отрасли составляют важную часть программы «Сделано в Китае — 2025», которую развивают ведущие китайские компании, тесно сотрудничающие с зарубежными поставщиками технологий.

18 мая 2018 г. в Вашингтоне прошли переговоры сторон. Делегацию со стороны КНР возглавлял спецпосланник председателя Си Цзиньпина, член Политбюро ЦК КПК, заместитель премьера Госсовета КНР Лю Хэ, с американской

¹⁰ Мониторинг актуальных событий в области международной торговли. № 8. URL: [http://www.vavt.ru/materials/site/d2951551a17467d7432582580046f7ad/\\$file/Monitoring_8.pdf](http://www.vavt.ru/materials/site/d2951551a17467d7432582580046f7ad/$file/Monitoring_8.pdf) (дата обращения: 23.09.2018).

стороны присутствовали все главные действующие лица, включая Росса и Наварро. По результатам переговоров Лю Хэ заявил, что «стороны договорились не начинать торговых войн и отказаться от увеличения пошлин в отношении товаров друг друга». Американская сторона¹¹ заявила о том, что Китай пошел на уступки и пообещал сократить дефицит торгового баланса между странами на 200 млрд долл. США к концу 2020 г.¹², значительно увеличив импорт товаров и услуг из США и отменив тарифы и квоты на некоторые товары, в том числе касающиеся продовольствия. Более конкретно стороны договорились продолжить обсуждение в середине июня на переговорах торговых делегаций в Пекине.

Тем не менее, *15 июня 2018 г.* Д. Трамп официально объявил о повышении ставок ввозных таможенных пошлин на импорт из Китая, но с некоторыми изменениями. Новый список охватывал 1102 тарифные линии вместо 1313, указанных первоначально. В частности, из списка были исключены телевизоры и мобильные телефоны¹³.

6 июля 2018 г. вступили в силу повышенные на 25 процентных пунктов таможенные тарифы на 818 товарных позиций американского импорта из Китая. Общая стоимость этой части китайского вывоза в США составляет 34 млрд долл. США или около 8% итога. В тот же день Пекин ответил повышением на 25 процентных пунктов ставок ввозных таможенных пошлин в отношении 545 американских товаров, включая самолеты, автомобили, сельскохозяйственную продукцию (соевые бобы), рыбу и морепродукты, химические товары. Совокупный импорт данных товаров оценивается в те же 34 млрд долл.¹⁴

¹¹ Об этом написал Д. Трамп в своем твиттере еще до окончания переговоров (*прим. Авт.*).

¹² Lardy N. China's Weapons in Trade War are Formidable. URL: <https://piie.com/blogs/trade-investment-policy-watch/chinas-weapons-trade-war-are-formidable> (accessed: 10.11.2018).

¹³ Мониторинг актуальных событий в области международной торговли. № 9. URL: [http://www.vavt.ru/materials/site/ea4a639fe903f21643258267004e2dc9/\\$file/Monitoring_9.pdf](http://www.vavt.ru/materials/site/ea4a639fe903f21643258267004e2dc9/$file/Monitoring_9.pdf) (дата обращения: 23.09.2018).

¹⁴ Мониторинг актуальных событий в области международной торговли. № 14. URL: [http://www.vavt.ru/materials/site/e0aed13844e357bb432582c700499423/\\$file/Monitoring_14.pdf](http://www.vavt.ru/materials/site/e0aed13844e357bb432582c700499423/$file/Monitoring_14.pdf) (дата обращения: 25.09.2018).

21 сентября 2018 г. Министерство финансов США подготовило санкции против департамента подготовки войск и снабжения Центрального военного совета Китая, а также в отношении его главы Ли Шанфу.

Вашингтон подчеркнул, что санкции применены в рамках действующего в США закона «О противодействии противникам Америки посредством санкций» (CAATSA). Поводом к введению ограничений послужила покупка Пекином 10 российских истребителей Су-35, а также оборудования для ракет класса «земля — воздух», применяемых в ракетных комплексах С-400. Ограничения, которые вводит Вашингтон против Пекина, сводятся к запрету сотрудникам китайского минобороны на выдачу экспортных лицензий, на валютные операции под юрисдикцией США, а также к аресту имущества и заморозке счетов на территории США¹⁵.

Объявлено и о введении второго пакета торговых санкций против Китая, охватывающих товары на сумму в 200 млрд долл. США. С *24 сентября 2018 г.* они будут облагаться дополнительными ввозными пошлинами в размере 10%. С 1 января 2019 г. ввозные пошлины поднимутся до 25%. В перечень входит практически весь ассортимент электронной продукции китайского производства, как в виде готовых конечных товаров, так и их элементов, например электронных плат, узлов и блоков. Особо тщательно США блокируют импорт китайских средств связи и сетевого оборудования. При этом производимые в Китае товары американской компании Apple из списка исключены. Дональд Трамп на церемонии подписания санкционного закона заявил журналистам: в случае «зеркального» ответа китайцев на его действия он немедленно введет в действие третий этап санкций, охватывающий импорт из Поднебесной еще на 267 млрд долл. США. Таким образом, президент США обложит данью абсолютно весь объем товаров, поставляемых из КНР¹⁶.

¹⁵ Первая ласточка: Китай протестует против санкций США. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2018/09/21_a_11979427.shtml (дата обращения: 20.09.2018).

¹⁶ См.: Запольскис А. В ответ на санкции США Китай будет вынужден сломать ВТО. URL: <http://www.iarex.ru/articles/60155.html> (дата обращения: 21.09.2018).

Таблица 1 / Table 1

**Торговля США с основными партнерами в 2017 г., млрд долл. США /
US trade with major partners in 2017, billion dollars**

Страна / Country	Экспорт / Export	Импорт / Import	Баланс / Balance
Всего / Total	1 546	2 342	-796
ЕС / EU (28)	283	435	-151
КНР / PRC	130	505	-376
Канада / Canada	282	299	-17
Мексика / Mexico	243	314	-71
Япония / Japan	68	136	-69
Германия / Germany	54	118	-64
Республика Корея / The Republic of Korea	48	71	-23

Источник / Source: Top U.S. Trade Partners Ranked by 2017 U.S. Total Export Value for Goods (in millions of U.S. dollars). International Trade Administration. 13 July 2018. Данные округлены (The data is rounded).

Таблица 2 / Table 2

**Торговля КНР с основными партнерами в 2017 г., млрд долл. США /
Trade with the main partners of the PRC in 2017, billion dollars**

Страна / Country	Экспорт / Export	Импорт / Import	Баланс / Balance
Всего / Total	2 264	1 841	+423
ЕС / EU (28)	376	247	+129
США / USA	434	156	+279
Япония / Japan	139	167	-28
Республика Корея / The Republic of Korea	104	179	-75
Гонконг / Hong Kong	282	7	+275
Тайбэй, Китай / Taipei, China	45	157	-112
Германия / Germany	71	97	-26

Источник / Source: Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2017 National Economic and Social Development. National Bureau of statistics of PRC. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201802/t20180228_1585666.html (accessed: 07.09.2018); Объем экспорта и импорта товаров по странам за 2017 г. Haiguan Xinxiwang. URL: <http://www.haiguan.info/newdata/newdate.aspx?guid=7825>. Данные округлены (The data is rounded) (accessed: 07.09.2018).

Параметры конфронтации

Статистические данные (табл. 1, 2)¹⁷ показывают относительно невысокую конкурентоспособность промышленности США: торговля практически со всеми индустриальными лидерами мира складывается с дефицитом [Stephen 2018]. При этом особо крупное отрицательное сальдо торговли с Китаем имеет смешанное происхождение: известно, что многие китайские предприятия с иностранным участием представляют собой лишь сборочную площадку, на которой узлы и детали, импортируемые из Восточной Азии, приобретают окончательную товарную форму. Используют эту площадку и корпорации из Европы [Godement, Vasselier 2017] и США.

¹⁷ Разница в данных по американо-китайской торговле связана с разными способами подсчета торговли через Гонконг.

Обозреватель одного из ведущих гонконгских изданий отмечает, что 12% экспорта Китая в США приходится на базирующиеся в Китае американские компании, всего же на инофирмы приходится 70%, причем 30% экспортного «пирога» досталось тайваньским производителям¹⁸. Имеются и более скромные оценки. По данным Института мировой экономики Петерсона (США), на долю инофирм приходится 59% китайского вывоза в США.

Кроме того, американские корпорации продают изготовленные в Китае товары на местном рынке [Banning 2010]. Общая стоимость этих

¹⁸ См.: Aidan Yao. Retaliate, reform, liberalise: the three ways China will respond to new US tariffs. URL: <https://www.scmp.com/business/article/2155691/retaliate-reform-liberalise-three-ways-china-will-respond-new-us-tariffs> (accessed: 18.09.2018).

изделий оценивается в 200 млрд долл. США, т.е. сумму, вполне сопоставимую с дефицитом США по торговым операциям.

Отметим, что, в отличие от торговли товарами, торговля услугами между двумя странами складывается со значительным активом у США. В 2017 г. он составил рекордную величину — 40,2 млрд долл. США (более 57 млрд долл. США достиг экспорт США), опережающими темпами рос доход от экспорта интеллектуальной собственности¹⁹. У КНР в торговле услугами складывается значительный дефицит: при импорте в 472 млрд долл. США экспорт составил лишь 206,5 млрд долл. США (2017). Иными словами, пропорции торговли товарами и услугами складываются в соответствии с объективными возможностями сторон, на что неизменно указывают многие либеральные комментаторы, в том числе в США и самом Китае.

По состоянию на начало осени 2018 г. американские ограничения не оказали значительного негативного эффекта на позиции КНР на рынке США. По итогам первых четырех месяцев 2018 г. темп прироста китайского экспорта в США (в годовом исчислении) составил 13,9%, за полгода 13,6%, а за первые восемь месяцев — 13,4%. Последний показатель чуть выше, чем общий индикатор динамики вывоза Китая (12,2%). Сказывается, по-видимому, хорошая экономическая конъюнктура в США, а также снижение курса юаня по отношению к доллару. Чуть больше снизились темпы роста китайского импорта из США (с 11,8% за полгода до 11,1% за восемь месяцев) — что, опять-таки, неплохой индикатор. Однако он существенно ниже 20,9% — общего показателя прироста китайского импорта за первые восемь месяцев²⁰. Можно сказать, что в результате конфликта США упускают возможности на одном из самых динамичных мировых рынков [Pillsbury 2015].

Вместе с тем приведенные выше цифры еще рано интерпретировать: американские санкции и ответные меры КНР только начали действовать. Их негативное воздействие, впрочем, уже

проявляется в провинции Гуандун — регионе, наиболее тесно привязанном к внешнему рынку. В августе 2018 г. промышленное производство в этом регионе уменьшилось впервые за 29 месяцев, новые заказы сократились до самой низкой за предыдущие 30 месяцев отметки, третий месяц подряд снижались экспортные заказы. Особенно тяжелым оказалось положение малого экспортного бизнеса²¹. Заметим, что повышенные импортные тарифы распространились на очень широкий ассортимент китайской продукции: более половины позиций — товары стоимостью менее 1 млн долл. Среди угроз Америке оказался даже мармелад, весь экспорт которого в 2017 г. равнялся всего лишь 12 тыс. долл.

Пострадают, по-видимому, и центры экспортного производства в других провинциях²². Заметим, что «гребень», под который попал китайский экспорт в США, уже оказался слишком частым: более половины позиций, на которые повышены пошлины, составили менее 1 млн долл.

В печати немало оценок возможных выигрышей и проигрышей от трамповского протекционизма. Противоречивый эффект для самой американской экономики, впрочем, очевиден. Так, по расчетам специалистов ВАВТ, введение дополнительных пошлин на сталь будет иметь стимулирующее воздействие на черную металлургию, однако обернется потерями в машиностроении и химической промышленности²³, а суммарный результат для занятости окажется отрицательным²⁴. В целом экономисты достаточно сдержанно оценивают возможный ущерб

²¹ Xie Yu. Perfect storm of trade war, higher costs threatens survival of China's small export businesses. URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/2164115/perfect-storm-trade-war-higher-costs-threatens-survival-chinas> (accessed: 20.08.2018).

²² Which Chinese cities will be hit hardest by Donald Trump's trade fury? URL: <https://www.scmp.com/news/china/economy/article/2155060/which-chinese-cities-will-be-hit-hardest-donald-trumps-trade-fury> (accessed: 10.09.2018).

²³ ВАВТ. Мониторинг актуальных событий в области международной торговли. 2018. № 9. URL: [http://www.vavt.ru/materials/site/e0aed13844e357bb432582c700499423/\\$file/Monitoring_9.pdf](http://www.vavt.ru/materials/site/e0aed13844e357bb432582c700499423/$file/Monitoring_9.pdf) (дата обращения: 21.09.2018).

²⁴ См.: Appelbaum B. Chinese companies moving production to US as Trump's tariff wall gets higher. URL: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/trump-china-tariff-trade-war-tyre-production-aluminium-factory-a8542561.html> (accessed: 20.09.2018).

¹⁹ U.S. — China Trade Facts. URL: <https://ustr.gov/countries-regions/china-mongolia-taiwan-peoples-republic-china> (accessed: 07.09.2018).

²⁰ Данные ГТУ КНР. URL: <http://www.customs.gov.cn/> (accessed: 07.09.2018).

0,3—0,4 процентных пункта роста²⁵, сопоставляя цифры в 50 и 200 млрд долл. с общим ВВП Китая, превысившим 12 трлн долл. По мнению заместителя председателя Комитета по ценным бумагам КНР Фан Синхая, совокупный ущерб от повышения американских тарифов составит 0,7% прироста ВВП²⁶. Однако и этот показатель представляется нам завышенным, доля добавленной стоимости производителей в китайском экспорте, повторим, сравнительно невысока.

Вместе с тем, несомненно, что обе страны несут потери от психологических последствий конфликта. Он уже отразился на инвестиционных настроениях китайского бизнеса: в первом полугодии 2018 г. экспорт китайского капитала в США составил всего 2,5 млрд долл. США против 22 млрд долл. США в ЕС. В сентябре мировую прессу облетело сообщение о реакции владельца Alibaba Джека Ма на введение новых тарифов на 200 млрд долл. США: известный бизнесмен, в частности, отозвал свое обещание создать в США 1 млн рабочих мест к 2021 г.²⁷ Общая обстановка нагнетания антикитайских настроений привела к изменениям в общественном мнении: лишь 38% американцев сохранили благоприятное отношение к Китаю летом 2018 г. по сравнению с 44% годом ранее²⁸. В Китае же летом 2018 г. поднялся настоящий вихрь антиамериканских настроений, который власти потропились остановить, в том числе путем цензурных ограничений. Одна из редакционных статей *Global Times* призывала не преувеличивать мас-

штабы конфликта и при этом готовиться к продолжительной борьбе, в которой у Китая есть преимущества. Конкретные же шаги в противостоянии США следует доверить правительству²⁹.

Но даже в контексте вышеизложенного европейские эксперты считают, что Китай имеет гораздо больше возможностей для смягчения любого экономического ущерба, чем администрация Трампа³⁰.

Значение противоборства

Очевидно, что основные издержки конфликта несут его участники, из чего следует перспективность двусторонних консультаций и переговоров. Однако майские консультации (2018 г.) не привели к ослаблению трений, более того, односторонние действия США вскоре нарушили достигнутые договоренности. Возможно, что протекционизм в отношении Китая станет принципиальным вопросом внутривластной повестки дня в США, по которому администрация президента будет придерживаться жесткой линии. При этом команде Д. Трампа придется считаться с настроениями бизнеса: а он, как показали слушания по китайскому вопросу в последней декаде августа текущего года, по большей части выступает против эскалации конфликта. Среди жертв конфликта уже оказались американские фермеры: они значительно зависят от поставок сои, свинины и других продуктов питания на китайский рынок.

В качестве выхода из этого положения можно представить себе достижение уступок со стороны Пекина в области расширения сбыта на китайском рынке американской продукции, включая сельскохозяйственное сырье, энергоресурсы, возможно, высокотехнологичную продукцию. Китайская сторона уже предлагала увеличить импорт из США на 70 млрд долл. США³¹, но пока достижение таких договоренностей выглядит не вполне реальным.

²⁵ См.: Aidan Yao. Retaliate, reform, liberalise: the three ways China will respond to new US tariffs. URL: <https://www.scmp.com/business/article/2155691/retaliate-reform-liberalise-three-ways-china-will-respond-new-us-tariffs> (accessed: 18.09.2018).

²⁶ См.: Li Yan. China set to push back on latest levies. URL: <http://www.ecns.cn/news/economy/2018-09-19/detail-ifyxxzwt9222820.shtml> (accessed: 20.09.2018).

²⁷ См.: Alibaba's Jack Ma says trade war ends 1 million US jobs promise. URL: <https://www.thestar.com.my/business/business-news/2018/09/20/alibaba-jack-ma-says-us-china-trade-war-ends-1-mln-us-jobs-promise/#0v8vLWBZfEXx1O4k.99> (accessed: 20.09.2018).

²⁸ См.: Fewer Americans see China positively as trade tensions worsen, Pew study finds. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy-defence/article/2161691/fewer-americans-see-china-positively-trade-tensions> (accessed: 20.09.2018).

²⁹ См.: China's advantages in a protracted trade war. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1110911.shtml> (accessed: 20.09.2018).

³⁰ См.: Legrain Ph. Why China Will Win the Trade War. URL: <https://foreignpolicy.com/2018/04/13/why-china-will-win-the-trade-war/> (accessed: 18.09.2018).

³¹ См.: Китай готов увеличить импорт товаров из США. URL: <https://minprom.ua/news/244821.html> (accessed: 20.09.2018).

В любом случае следует ожидать определенной перестройки хозяйственных связей между двумя партнерами, появления новых коммерческих схем. Заметим, что доля китайских производителей в конечной (розничной) цене товаров на американском рынке сравнительно невысока, поэтому вероятно снижение посреднической маржи и широкое использование трансфертных цен в экспортно-импортной торговле.

Развитие конфликта усилит некоторые уже наметившиеся тренды в поведении экспортного сектора Китая, в частности вынос производства: на Тайвань, во внутренние районы КНР, а также в развитые государства и в страны с более дешевой рабочей силой (Вьетнам, Бангладеш, Эфиопия и т.д.). Ускорится закрытие предприятий, наносящих ущерб окружающей среде, например, в металлургической промышленности. Усилится активность экспортеров на других географических направлениях.

Следствием ответных мер Китая по защите своего рынка от американских товаров станет переориентация на поставщиков технологий из других стран, в том числе ЕС и Японии, а также поиск новых источников поставок сельскохозяйственной продукции.

Д. Трамп не скрывает, что главной причиной повышения пошлин является намерение США снизить дефицит в торговле с КНР. Претензии к китайскому законодательству и политике в области интеллектуальной собственности (формальный повод американского запроса в ВТО) играют важную, но второстепенную роль, поскольку США действуют в одностороннем порядке, минуя ВТО и попутно критикуя эту организацию за медлительность. Д. Трамп явно и не без успеха эксплуатирует обывательские представления о китайской торгово-экономической экспансии. Хотя среди сторонников протекционистских мер есть, разумеется, и местные промышленники, и профсоюзы, и представители научных кругов, считающие, например, что чрезмерная глобализация и ее институты зашли в тупик³². Естественно, что на этом фоне Китай

³² См.: Gardels N. The U.S. — China trade war may kill the WTO. And that is a good thing. URL: https://www.washingtonpost.com/news/worldpost/wp/2018/08/24/china-trade/?hpid=hp_hp-top-table-main-trade-war:homepage&utm_term=.cb16b2cb6b8d (accessed: 15.09.2018).

получил немалое формально-юридическое и пропагандистское преимущество как ответственный член ВТО³³.

Недавно провозгласив себя лидером глобализации, Пекин заботится о международном признании своей политики [Pillsbury 2015]. Несмотря на конфликт, перерастающий в торговую и экономическую войну с США, КНР продолжает либерализацию хозяйства и внешнеэкономической сферы, в частности, снижает в одностороннем порядке импортные пошлины [Salitskii 2018]. В мае 2018 г. Министерство финансов Китая сообщило о снижении с 1 июля импортных тарифов на легковые автомобили с 25 до 15%. Понижена средняя ставка на потребительские товары по 1449 позициям — с 15,7 до 6,9%. В то же время тарифная война с США приостановила либерализацию иностранных инвестиций в финансовый сектор и страхование, о которой Си Цзиньпин заявил на форуме в Боао в апреле 2018 г.³⁴

Примечательно замечание П. Наварро по поводу «торговой войны» с Китаем, сделанное в мае 2018 г.: «Правильнее говорить о торговом споре — простом и честном. Торговую войну мы давно проиграли»³⁵. На наших глазах происходит своеобразная рокировка в глобализации: на роль лидера процесса претендует Китай³⁶, десятилетиями занимавший оборонительные позиции, в США же заметна усталость от этой роли. Возможно, мы наблюдаем начало поворотного пункта в циклах американской истории (открытость — закрытость), о которых писал Артур Шлезингер [Шлезингер-младший 1992].

Как бы то ни было, эскалация американо-китайского торгового конфликта (на обе страны

³³ См.: Yu Yongding. Why China Hasn't Broken WTO Rules. URL: <https://www.caixinglobal.com/2018-07-19/opinion-why-china-hasnt-broken-wto-rules-101306467.html> (accessed: 16.09.2018).

³⁴ См.: Manning R.A. No country gains in US' reckless trade war. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/1119936.shtml> (accessed: 20.09.2018).

³⁵ Navarro contradicts Mnuchin's assertion that trade war with China is on hold. URL: <https://thehill.com/policy/finance/389872-navarro-contradicts-mnuchins-assertion-that-trade-war-with-china-is-on-hold> (accessed: 20.09.2018).

³⁶ См.: Zhou Bo. China is reshaping the international order. URL: <https://www.ft.com/content/7f454bb6-b733-11e8-a1d8-15c2dd1280ff> (accessed: 20.09.2018); Winter N. Why America would lose a trade war with China. URL: <https://www.imd.org/publications/articles/why-america-would-lose-a-trade-war-with-china/> (accessed: 09.09.2018).

приходится примерно четверть международной торговли) ухудшает мировую конъюнктуру, создает опасный прецедент и отрицательно сказывается на развивающихся финансовых рынках. Еще хуже то, что конфликт приобрел значение принципиального политического противостояния. В то же время результатом этого кризиса может стать обновленная конфигурация мирового порядка, утверждение на его авансцене мирового Востока, принявшего глобализацию.

Библиографический список

- Варфаловская Р.А.* Развитие внешней торговли Китая в условиях глобализации и «торговых войн» США // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 6. С. 85—91.
- Виноградов А.О., Салицкий А.И.* США — Китай: торговая война развязана. URL: http://www.perspektivy.info/oukumena/ekdom/ssha_kitaj_torgovaja_vojna_razvazana_2018-08-13.htm (дата обращения: 07.09.2018).
- Кондрашова Л.И.* Американские ученые и политики об экономической стратегии Китая // Азия и Африка сегодня. 2018. № 2 (727). С. 16—22.
- Мытарева Е.А.* Роль «торговых войн» в мировой экономике // Мировая экономика и социум: от кризиса до кризиса. Ч. 2. Саратов: Наука, 2009. С. 254—255.
- Наварро П.У.* Грядущие войны Китая. Поле битвы и цена победы / пер. с англ., науч. ред. А. Козуляева. М.: Вершина, 2007.
- Наварро П.У., Отри Г.У.* Смерть от Китая. Лицом к лицу с драконом / пер. с англ., науч. ред. Е.Н. Румянцев. М.: Синосфера, 2017.
- Сафонкина Е.А.* Китайское председательство в БРИКС: расширяя горизонты сотрудничества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 2. С. 356—367.
- Шлезингер-мл. А.М.* Циклы американской истории / пер. с англ., закл. ст. В.И. Терехова. М.: Прогресс-Академия, 1992.
- Banning G.* Sino-American Relations in the Era of Globalization — A Framework for Analysis // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2010. Vol. 2. Iss. 5. P. 7249—7267. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042810012140> (accessed: 03.11.2018).
- Bond P.* BRICS banking and the debate over sub-imperialism // *Third World Quarterly*. 2016. Vol. 37. No 4. P. 611—629. DOI: <https://doi.org/10.1080/01436597.2015.1128816>.
- Godement F., Vasselier A.* China at the Gates: a New Power Audit of EU—China Relations. London: The European Council on Foreign Relations (ECFR), December 2017. URL: http://www.ecfr.eu/publications/summary/china_eu_power_audit7242 (accessed: 22.10.2018).
- Huan Xiang.* On Sino-U.S. Relations // *Foreign Affairs*. 1981. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/1981-09-01/sino-us-relations> (accessed: 26.09.2018).
- Kissinger H.* On China. New York: Penguin Press, 2011.
- Pillsbury M.* The Hundred Year Marathon: China's Secret Strategy to Replace America as the Global Superpower. New York: St. Martin Griffin, 2015.
- Spence M.* The Next Convergence: The Future of Economic Growth in a Multispeed World. New York: Farrar Straus Giroux, 2011.
- Salitskii A.I.* The Outward Expansion of China As a Result of Its Victorious Modernization // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2018. Vol. 88. No 1. P. 104—110.
- Stephen J.R.* Is Foreign Trade the Cause of Manufacturing Job Losses? Urban Institute. April 2018. URL: https://www.urban.org/sites/default/files/publication/97781/is_foreign_trade_the_cause_of_manufacturing_job_losses_2.pdf (accessed: 15.11.2018).
- Studwell J.* How Asia Works: Success and Failure in the World's Most Dynamic Region. London: Profile books, 2013.

Дата поступления статьи: 01.10.2018

Для цитирования: Виноградов А.О., Салицкий А.И., Семенова Н.К. Американско-китайская экономическая конфронтация: идеология, хронология, значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 1. С. 35—46. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-35-46.

Сведения об авторах:

Виноградов Андрей Олегович — кандидат исторических наук, старший преподаватель Школы востоковедения НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН (e-mail: vinandr@mail.ru).

Салицкий Александр Игоревич — доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра проблем развития и модернизации Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (e-mail: sal.55@mail.ru).

Семенова Нелли Кимовна — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Отдела экономических исследований Института востоковедения РАН (e-mail: semenovanelli-2011@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-35-46

US—China Economic Confrontation: Ideology, Chronology, Meaning

A.O. Vinogradov

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation

A.I. Salitsky

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relation
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

N.K. Semenova

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Abstract. In summer 2018 the United States launched a trade war against China. Before that, there was a chance that both sides would find a compromise, some hopes were still in place during bilateral negotiations in May. However, new US tariffs on import from China were imposed in July and August with the total of \$50 billion. Beijing responded proportionally. September brought another round of US tariffs worth \$200 billion.

The successful economic growth of China leads to the transformation of the world economic space, where the leading positions are still occupied by the countries of the West. The new US administration, fearing economic competition, announced a policy of containing China. In this case, Washington is going to violate the existing rules of international trade. The tension in the economic relations of the United States and China is growing. The authors look into the history, ideology and details of the conflict between two major powerhouses of the global economy. They try to investigate how both countries will be affected by the emerging trade war, which is also challenging the whole system of international trade regulation. Besides, the conflict between Washington and Beijing is understood as a fundamental shift in the world economy and politics where rising powers take the lead in globalization.

For the first time in the history of Sino-American relations economic tensions between the two sides have reached such a scale. Analysis of their consequences far exceeds the standard methods of assessment of trade policy measures.

Key words: USA, China, import duties, intellectual property, trade discrimination, WTO, investment

References

- Banning, G. (2010). Sino-American Relations in the Era of Globalization — A Framework for Analysis. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 2 (5), 7249—7267. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042810012140> (accessed: 03.11.2018).
- Bond, P. (2016). BRICS banking and the debate over sub-imperialism. *Third World Quarterly*, 37 (4), 611—629. DOI: <https://doi.org/10.1080/01436597.2015.1128816>.
- Godement, F. & Vasselier, A. (2017). *China at the Gates: a New Power Audit of EU—China Relations*. London: The European Council on Foreign Relations (ECFR). URL: http://www.ecfr.eu/publications/summary/china_eu_power_audit7242 (accessed: 22.10.2018).
- Huan, Xiang (1981). On Sino-U.S. Relations. *Foreign Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/1981-09-01/sino-us-relations> (accessed: 26.09.2018).
- Studwell, J. (2013). *How Asia Works: Success and Failure in the World's Most Dynamic Region*. London: Profile books.
- Kissinger, H. (2011). *On China*. New York: Penguin Press.

- Kondrashova, L.I. (2018). American Scientists and Politicians on the Economic Strategy of China. *Asia and Africa Today*, 2 (727), 16—22. (In Russian).
- Mytareva, E.A. (2009). The role of «trade wars» in the global economy. In: *World economy and society: from crisis to crisis. Part 2*. Saratov: Science, p. 254—255. (In Russian).
- Navarro, P. & Autry, G. (2017). *Death by China: Confronting the Dragon — A Global Call to Action*. Moscow: Sinosphere. (In Russian).
- Navarro, P. (2007) *The Coming China Wars. Where They Will Be Fought and How They Can Be Won*. Moscow: Vershina. (In Russian).
- Pillsbury, M. (2015). *The Hundred Year Marathon: China's Secret Strategy to Replace America as the Global Superpower*. New York: St. Martin Griffin.
- Spence, M. (2011). *The Next Convergence: The Future of Economic Growth in a Multispeed World*. N.Y.: Farrar Straus Giroux.
- Salitskii, A.I. (2018). The Outward Expansion of China As a Result of Its Victorious Modernization. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 88 (1), 104—110.
- Safonkina, E.A. (2018). Chinese 2017 BRICS Presidency: expanding cooperation horizons. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (2), 356—367. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-356-367. (In Russian).
- Schlesinger Jr., A.M. (1992). *The Cycles of American History*. Moscow: Progress-Academy. (In Russian).
- Stephen, J.R. (2018) *Is Foreign Trade the Cause of Manufacturing Job Losses?* Urban Institute. URL: https://www.urban.org/sites/default/files/publication/97781/is_foreign_trade_the_cause_of_manufacturing_job_losses_2.pdf (accessed: 15.11.2018).
- Varfalovskaya, R.A. (2018). The development of China's foreign trade in the context of globalization and «trade wars» of the USA. *The Far Eastern Affairs*, 6, 85—91. (In Russian).
- Vinogradov, A.O. & Salitsky, A.I. (2018). *US—China: Trade War Unleashed*. URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/ekdom/ssha_kitaj_torgovaja_vojna_razvazana_2018-08-13.htm (accessed: 07.09.2018). (In Russian).

Received: 01.10.2018

For citations: Vinogradov, A.O., Salitsky, A.I. & Semenova, N.K. (2019). US—China Economic Confrontation: Ideology, Chronology, Meaning. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (1), 35—46. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-35-46.

About the authors:

Vinogradov Andrei Olegovich — PhD in Historical Sciences, Senior Lecturer, School of Asian Studies, National Research University Higher School of Economics, Leading Researcher of the Center for the Study and Forecasting of Russian—Chinese Relations of the Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: vinandr@mail.ru).

Salitsky Alexander Igorevich — Doctor of Economic Sciences, Chief Researcher of the Center for Development and Modernization Problems of the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relation, Russian Academy of Sciences (e-mail: sal.55@mail.ru).

Semenova Nelli Kimovna — PhD in Political Science, Senior Research Associate of the Economic Research Department of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: semenovanelli-2011@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-47-58

США и КНР в Латинской Америке: контуры конкуренции

П.П. Яковлев

Институт Латинской Америки РАН,
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
Москва, Российская Федерация

Статья посвящена анализу сложной и противоречивой геополитической ситуации, складывающейся в Латинской Америке под влиянием глобальных процессов, одним из которых становится соперничество между Вашингтоном и Пекином за лидирующую роль на мировой арене. Автор показывает, что в последнее десятилетие в торгово-экономическом и финансовом отношении Латинская Америка оказывается все более «зажатой» между Соединенными Штатами и Китаем, на долю которых приходится свыше половины совокупного товарооборота латиноамериканских стран, а также решающая часть поступающих в регион инвестиционных и кредитных ресурсов. Данное обстоятельство оказывает сильнейшее воздействие на структуру и направленность внешнеэкономических связей и внешнеполитических контактов. В статье проводится идея, что в обозримой перспективе одна из сложностей внешней политики латиноамериканских стран будет заключаться в лавировании между США и КНР, которые втянулись в гибридную войну за доминирующие позиции в глобальной экономике и торговле. Особенно острый характер американо-китайские противоречия приобрели в Карибском бассейне, примером чему может служить венесуэльский кризис, который привлек широкое мировое внимание. Политика Вашингтона, направленная на свержение режима Н. Мадуро, способствовала расколу в рядах латиноамериканских стран и поставила под угрозу огромные экономические интересы Китая в Венесуэле. В этих условиях на первый план выдвигается задача поддержания безопасности в регионе, разрешения конфликтов мирным путем. Актуальное значение сохраняет диверсификация международных отношений латиноамериканских государств, расширение круга экономических и политических партнеров. Только таким путем можно ослабить гиперзависимость от Вашингтона и Пекина и нивелировать негативные эффекты силовых действий, протекционистской политики и торговых войн.

Ключевые слова: Латинская Америка, США, Китай, Евросоюз, международное соперничество, торговые войны

В современных условиях конфликтной многополярности Соединенные Штаты и Китайская Народная Республика играют чрезвычайно важную роль в экономике и политике латиноамериканских государств. На ряде направлений влияние США и КНР является не просто существенным, но ключевым — в том смысле, что от проводимой Вашингтоном и Пекином линии в международных политических, торгово-экономических и кредитно-финансовых вопросах во многом зависит положение в тех или иных странах Латинской Америки (и в регионе в целом). Конечно, присутствие Соединенных Штатов и Китая на латиноамериканском пространстве различно как в историческом разрезе, так и (до настоящего времени) по своим масштабам и глубине. Если для США обширная географическая зона к югу от Рио-Гранде — традиционная область экспансии, насчитывающей два столетия, то стремительное укрепление позиций КНР в Ла-

тинской Америке произошло в последние полтора десятилетия и было связано с беспрецедентно высокими темпами роста китайской экономики и внешней торговли, обеспечившими восхождение Поднебесной на топ-уровень глобальной системы [Chi-Kwan 2012]. В результате сегодня Китай оказывается в состоянии полноценно и весомо присутствовать в подавляющем большинстве стран латиноамериканского региона, вступает в острую конкурентную борьбу с США за экономическое и политическое лидерство в этом районе мира [Xu 2016].

Пространство международного соперничества

С момента обретения латиноамериканскими странами государственной независимости (в большинстве случаев — первая треть XIX в.) они практически сразу превратились в объект военно-политической, финансовой

и торгово-экономической экспансии со стороны США и ряда европейских держав, прежде всего Великобритании и Франции. В декабре 1823 г. в ежегодном послании президента Джеймса Монро американскому конгрессу были сформулированы принципы внешней политики Соединенных Штатов, включившие лозунг «Америка для американцев», который расшифровывался как требование превратить Западное полушарие в зону, закрытую для вмешательства европейских держав и находящуюся в сфере «жизненных интересов» и исключительного влияния Вашингтона [Holden, Zolov 2000]. Разумеется, Европа далеко не сразу смирилась с такой постановкой вопроса и еще многие десятилетия не оставляла попыток вмешиваться в латиноамериканские дела, но, провозгласив «доктрину Монро», США взяли твердый курс на вытеснение европейских конкурентов и установление собственного доминирования в Латинской Америке¹.

До середины XX в. Латинская Америка преимущественно оставалась полем острого соперничества между основными западными государствами, транснациональному капиталу которых удалось захватить многие командные высоты в латиноамериканской экономике [Katz 1981]. Особенно преуспели промышленные компании и банки США, по итогам Второй мировой войны утвердившие свое лидерство в регионе. Вплоть до начала 1970-х гг. на их долю приходилось свыше 50% совокупного объема прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Латинской Америке и порядка 40—45% всего латиноамериканского товарного импорта [Hansen 1975]. Положение стало меняться в 1970-х и 1980-х гг., когда на латиноамериканских рынках активизировались заметно окрепшие западноевропейские и (в меньшей степени) японские корпорации, в ряде отраслей (автомобилестроение, металлургия, нефтехимия и др.) составившие сильную конкуренцию американским монополиям. Кроме того, в результате победы Кубинской революции, а также подъема националистических и патриотических настроений в других странах существенно усилились позиции в регионе Советского

Союза, что, безусловно, подрывало гегемонию США в этом районе Земного шара [Яковлев 2015b].

На фоне растущего экономического взаимодействия в отношениях между Латинской Америкой и Европой имел место своего рода ренессанс — возрождение во многом утраченных связей в политической сфере. В регионе расширение сотрудничества со Старым Светом (особенно с государствами Европейского союза) нашло позитивный отклик и рассматривалось в качестве альтернативы одностороннему «равнению латиноамериканских стран на Вашингтон», способа ощутимо диверсифицировать их внешнеэкономические и внешнеполитические контакты [Латинская Америка 2009].

Современная концепция развития европейско-латиноамериканских отношений была в 1995 г. сформулирована Европейской комиссией в основополагающем документе, озаглавленном «Европейский союз — Латинская Америка и Карибы: стратегическое партнерство»². Главным результатом стратегии ЕС явились интенсификация политического диалога с латиноамериканскими странами, формирование системы межрегиональных связей и ее наполнение новым содержанием. Благодаря встречным усилиям Евросоюза и ключевых государств Латинской Америки весь комплекс латиноамерикано-европейских отношений пришел в движение и стал характеризоваться рядом новых черт и явлений, двусторонние связи были дополнены многосторонними соглашениями и встречами на высшем уровне. В частности, с 1999 г. регулярно стали проводиться саммиты Евросоюз — Латинская Америка, которые со временем приобрели формат ЕС — СЕЛАК (Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна, объединяющее все государства региона) [Mallo, Sanahuja 2011].

Практическим результатом латиноамерикано-европейского сближения явилось подписание в 1999 г. рамочного соглашения о сотрудничестве между Евросоюзом и Меркосур (Общий рынок, включающий Аргентину, Бразилию, Парагвай и Уругвай), заключение ЕС так

¹ История США в документах. Доктрина Монро. URL: <http://www.grinchevskiy.ru/19/doktrina-monro.php> (дата обращения: 21.10.2018).

² EU — Latin America and Caribbean Strategic Partnership. URL: <http://ec.europa.eu/geninfo/query/> (accessed: 24.10.2018).

называемых соглашений «четвертого поколения» о свободной торговле с Мексикой (2000 г.) и Чили (2002 г.), а также частичное снятие ограничений в торговле с другими странами региона, что обеспечило быстрый рост межрегионального товарооборота, объем которого в 2001—2011 гг. увеличился почти втрое — со 107 до 306 млрд долл. (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

**Торговля Евросоюза с Латинской Америкой
(товары, млрд долл.) /
European Union Trade with Latin America
(goods, billions of USD)**

Показатель / Indicator	Год / Year				
	2001	2011	2015	2016	2017
Экспорт / Export	52	160	114	110	122
Импорт / Import	55	146	132	124	134
Товарооборот / Turnover	107	306	246	234	256

Источник / Source: ITC. Trade statistics for international business. URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1|14719|15|TOTAL||2|1|1|2|1|1|1 (accessed: 21.10.2018).

Однако, как показывают статистические данные, во втором десятилетии XXI в. динамика торговых связей Евросоюза и Латинской Америки заметно снизилась, поскольку на мировую авансцену вышел новый сильнейший экономический и финансовый игрок — Китай, чьи предприятия стали энергично осваивать латиноамериканские рынки и ощутимо потеснили конкурентов из Европы, США, Японии и других стран. На этой основе значительно расширился спектр

политико-дипломатического взаимодействия Пекина с государствами Латинской Америки [Fernandez, Hogenboom 2010; Paz, Roett 2008]. Можно констатировать, что регион вступил в новый этап международного соперничества.

Пекин перехватывает инициативу

Смещение центра мировой экономики и торговли, а вслед за ними и глобальной политики в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона детерминировало главный геэкономический и геополитический сдвиг в международном положении латиноамериканских стран — поворот в сторону стремительно растущих азиатских (прежде всего китайских) рынков и расширение всего спектра отношений с государствами этой части Земного шара [Яковлев 2015а]. Указанная тенденция отчетливо видна на примере значимых перемен в географической направленности латиноамериканского экспорта и импорта, в частности радикальных изменений в соотношении удельного веса американского и китайского рынков во внешней торговле Латинской Америки. Данные показывают, что в период 2001—2017 гг. доля Соединенных Штатов в совокупном внешнеторговом обороте региона снизилась с 51 до 38%, в то время как доля Китая выросла с 2 до 13%. В абсолютных значениях американский экспорт в Латинскую Америку увеличился менее чем вдвое (со 168 до 321 млрд долл.), тогда как аналогичный китайский показатель возрос в 16 раз: с 8 до 130 млрд долл. (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

**Внешняя торговля стран Латинской Америки (товары, млрд долл.) /
Foreign Trade of Latin American countries (goods, billions of USD)**

Показатель / Indicator	2001		2017	
	Млрд долл. / billions of USD	Доля в % / Share in %	Млрд долл. / billions of USD	Доля в % / Share in %
Экспорт / Export	341	100	984	100
Экспорт в США / Export to USA	190	56	433	44
Экспорт в КНР / Export to PRC	7	2	127	13
Импорт / Import	363	100	1011	100
Импорт из США / Import from USA	168	46	321	32
Импорт из КНР / Import from PRC	8	2	130	13
Товарооборот / Turnover	704	100	1995	100
Товарооборот с США / Turnover with USA	358	51	754	38
Товарооборот с КНР / Turnover with PRC	15	2	257	13

Источник / Source: ITC. Trade statistics for international business. URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1|15|2227|TOTAL||2|1|1|2|2|1|1|1 (accessed: 28.10.2018).

В считанные годы КНР перехватила экономическую инициативу и заняла видное место во внешнеэкономических связях целого ряда ведущих государств Латинской Америки: Аргентины, Бразилии, Венесуэлы, Мексики, Перу, Эквадора, Чили. С указанными странами Пекин установил отношения стратегического партнерства, благодаря чему китайско-латиноамериканское сотрудничество не ограничилось торговлей, а распространилось на все сферы экономической и финансовой деятельности [Лавут 2018]. По экспертным оценкам (точные данные отсутствуют), по состоянию на 2017 г. накопленный объем прямых и портфельных инвестиций китайских компаний в регионе превысил 240 млрд долл. США, а по заявлению председателя КНР Си Цзиньпина, этот показатель к 2025 г. должен возрасти еще на 250 млрд долл. [СЕРПАЛ 2018: 96].

Особых размаха и глубины достигли отношения Китая с Аргентиной и Бразилией, причем взаимодействие Пекина с каждой из этих крупнейших южноамериканских стран имеет свою четко выраженную специфику. В частности, в Аргентине китайские предприятия добились крупных контрактов в сфере ядерной энергетики и стремятся захватить лидирующие позиции в этой высокотехнологичной отрасли. 17 мая 2017 г. в Пекине в присутствии председателя Си Цзиньпина и президента Аргентины Маурисио Макри было подписано рамочное соглашение между «China National Nuclear Corp.» (CNNC) и «Nucleoeléctrica Argentina S.A.» о строительстве четвертой и пятой аргентинских АЭС. Стоимость проекта оценивается в 14—15 млрд долл. США, причем 85% финансирования берет на себя CNNC. Предполагается, что одна из станций мощностью 700 МВт на базе канадского тяжеловодного реактора CANDU-6 будет построена в провинции Буэнос-Айрес, а другая АЭС с китайским легководным реактором третьего поколения «Хуалун-1» и мощностью 1150 МВт — в провинции Рио-Негро³.

Бразилию Китай «намертво привязал» к себе многомиллиардными закупками важной для экономики этого южноамериканского гиганта

³ Quinta Central Nuclear Argentina. 6 Junio 2017. URL: <http://www.invap.com.ar/es/la-empresa/sala-de-prensa/> (accessed: 23.10.2018).

сырьевой и продовольственной продукции, а также энергоресурсов и отдельных видов промышленных товаров, включая высокотехнологичные (соя, железная руда, минеральное горючее, мясные продукты, гражданские самолеты, сталь, медь и т.д.). Бразильский товарный экспорт в Китай в 2001—2017 г. вырос в 25 раз: с 1,9 до 47,5 млрд долл. США и достиг 22% совокупного экспортного показателя, что значительно превосходит объем вывоза бразильских товаров в США — 25 млрд долл. При этом Бразилия, в отличие от подавляющего большинства других стран мира, сохраняет крупный профицит в торговле с КНР, размер которого превышает 20 млрд долл.⁴

Характер стратегического партнерства приобрели китайско-венесуэльские отношения, что на фоне резкого обострения противоречий между Вашингтоном и Каракасом выглядит прямым вызовом США. Компании КНР инвестировали в венесуэльскую экономику десятки миллиардов долларов и создали совместные предприятия в целом ряде ключевых отраслей⁵.

Подобного рода примеры (а их число можно бесконечно множить) подтверждают тот вывод, что торгово-экономический и инвестиционный поворот Латинской Америки в сторону Китая стал свершившимся фактом, а с учетом высокой динамики китайских рынков отношения между КНР и регионом будут нарастать и в дальнейшем [Борзова, Торкунова, Агаев 2018: 32-46]. Это — крупный геополитический сдвиг, бросающий серьезный вызов гегемонии Соединенных Штатов.

Похоже, что это осознали и в правящих сферах США. Свидетельством признания нового геополитического расклада в Западном полушарии стало заявление государственного секретаря Джона Керри о том, что правительство Барака Обамы отказывается от печально известной «доктрины Монро», служившей идейным обоснованием вмешательства Вашингтона в дела южных соседей. Символично, что декларация главы американской дипломатической службы

⁴ ITC. Trade statistics for international business. URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1|076|156|TOTAL||2|1|1|2|1|1|1|1 (accessed: 20.11.2018).

⁵ См.: Toro M. China y Venezuela firman 28 acuerdos de cooperación // El Universal. Caracas. 15.09.2018.

была сделана в штаб-квартире ОАГ 18 ноября 2013 г., то есть за две недели до того, как этой доктрине исполнялось 190 лет⁶.

Дезавуирование администрацией Б. Обамы «доктрины Монро» стало своего рода эндшпилем почти двухсотлетней гегемонистской политики США в Латинской Америке. Одновременно Белый дом пошел на нормализацию американо-кубинских отношений, о чем 17 декабря 2014 г. синхронно объявили Б. Обама и глава правительства Кубы Рауль Кастро. В мировом экспертном сообществе обоснованно восприняли это событие в общем контексте политики Вашингтона в Латинской Америке, поскольку антикубинский курс десятилетиями отравлял атмосферу межамериканских отношений, негативно влиял на имидж Соединенных Штатов в регионе, но не достиг желаемой цели — падения коммунистического режима. «Пятьдесят лет изоляции Кубы не помогли продвижению демократии, но нанесли вред нашим отношениям с Латинской Америкой», — констатировал тогдашний американский президент⁷.

Восстанавливая американо-кубинские связи, Вашингтон получал в свои руки инструменты «мягкой силы», с помощью которых рассчитывал «аккуратно» воздействовать на развитие внутренних общественных процессов на Кубе. В региональном разрезе США совершили поворот в направлении восстановления своих позиций, обеспечения крепкого и надежного тыла, а главное — вытеснения китайских конкурентов с обширного латиноамериканского пространства [Latin America... 2015].

«Эффект Трампа» и межамериканские отношения

Победа Д. Трампа стала неприятным сюрпризом для большинства латиноамериканцев, явившись серьезным вызовом ведущим государствам региона. Проблема в том, что еще в ходе избирательной кампании республиканский кан-

дидат сделал бесчисленное количество заявлений, прямо или косвенно направленных против торгово-экономических интересов стран Латинской Америки и подливавших масла в огонь региональной нестабильности [Яковлев 2017: 101—108].

Ведущие южноамериканские страны, как и опасались, попали под паровой каток торговых войн. Например, в результате введения летом 2017 г. практически запретительных пошлин (до 72%) на импорт биотоплива Аргентина лишилась важнейшего для себя американского рынка, поставки на который превышали 1,2 млрд долл. США в год. Заметим в этой связи, что с Аргентиной у США активный торговый баланс суммарно составил в 2015—2017 гг. 13,3 млрд долларов⁸. Таким образом, речь в данной связи шла не о выравнивании торгового обмена, о чем бесконечно заявляет Д. Трамп, а о наращивании активного сальдо Соединенных Штатов в торговле с южноамериканским партнером.

Ощутимый урон интересам Аргентины, Бразилии и Мексики нанесло решение Белого дома о введении с 1 июня 2018 г. повышенных пошлин на импорт стали (до 25%) и алюминия (до 10%). Указанные три ведущие латиноамериканские страны, наряду с Китаем, входят в число крупнейших мировых поставщиков металлургической продукции на американский рынок, а потому расценили протекционистское решение Вашингтона как акт торговой войны, способный спровоцировать в глобальной экономике «идеальный шторм» — сочетание неблагоприятных факторов, умножающее их конечный негативный эффект⁹.

Стратегическое значение для высокотехнологичного бизнеса США имеет попытка фактического поглощения корпорацией Boeing лидера бразильского самолетостроения компании Embraer. Заметим, что данная сделка вызвала со-

⁶ Secretary of State John Kerry on U.S. Policy in the Western Hemisphere. November 18, 2013. URL: www.state.gov/ (accessed: 12.11.2018).

⁷ Remarks of President Barak Obama — State of the Union Address As Delivered. January 13, 2016. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2016/01/12/> (accessed: 13.08.2018).

⁸ ITC. Trade statistics for international business development. URL: https://www.trademap.org/Bilateral_TS.aspx?nvpm=1|842||032||TOTAL|||2|1|1|3|2|1|1|1|1 (accessed: 21.11.2018).

⁹ Titular del BIS Carstens advierte sobre riesgos económicos del proteccionismo. 25 de agosto de 2018. URL: <https://es.reuters.com/article/businessNews/idESKCN1LA0P5-OESBS> (accessed: 20.12.2018).

противление судебных органов, а также части бразильского политического и оборонного истеблишмента, которым удалось сохранить под национальным контролем производство военных самолетов и машин предпринимательского класса. По сведениям из информированных источников, после длительных переговоров в новую совместную компанию, в которой Boeing должен получить 80,01% акций, перейдут мощности Embraer по производству коммерческих лайнеров¹⁰.

США и латиноамериканские государства кардинально разошлись в оценке перспектив и задач развития отношений с партнерами в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). В Латинской Америке крайне негативно отнеслись к выводу Вашингтона из соглашения по Транстихоокеанскому торговому партнерству (ТТП). Не случайно именно южноамериканская страна — Чили стала одним из главных инициаторов продолжения усилий по формированию интеграционного мегаблока на тихоокеанском пространстве и сыграла выдающуюся роль в подписании 8 марта 2018 г. Всеобъемлющего и прогрессивного договора о Транстихоокеанском партнерстве (ВПТТП)¹¹. По иронии судьбы, администрация Д. Трампа теперь думает присоединиться к этому соглашению, чтобы не остаться за бортом интеграционных процессов в АТР.

Но это дело будущего, а между тем продолжает интенсивно развиваться процесс торговой и финансово-экономической экспансии Китая в Латинскую Америку, повышается роль Пекина и как источника кредитных ресурсов. И все это происходит в условиях неопределенности и хаоса, создаваемого политикой Вашингтона. По существу, как отмечают международные эксперты, Д. Трамп своей неуклюжей политикой толкает латиноамериканские страны в торговые, экономические и финансовые объятия Китая [Palomares 2017].

¹⁰ Embraer y Boeing estarían cerca de una fusión, aunque contemplaría sólo la unidad de aviones comerciales. 20 de abril de 2018. URL: <https://www.americaeconomia.com/> (accessed: 21.11.2018).

¹¹ Canciller Muñoz encabeza firma del Tratado Integral y Progresista de Asociación Transpacífico: “Estamos orgullosos de concluir este proceso”. 8 de marzo de 2018. URL: <https://minrel.gob.cl/> (accessed: 21.11.2018).

В то же время администрация Д. Трампа использует имеющиеся в ее руках рычаги давления для того, чтобы ослабить позиции КНР в Латинской Америке. В частности, об этом свидетельствовал текст нового торгово-экономического соглашения США с Мексикой и Канадой (USMCA), подписанного 30 ноября 2018 г. «на полях» саммита «Большой двадцатки» в Буэнос-Айресе. В соответствии со специальным положением, включенным под нажимом Белого дома, торговый альянс одного из партнеров с «государством нерыночной экономики» (разумеется, в первую очередь, имелся в виду Китай) дает право двум другим участникам USMCA в течение шести месяцев выйти из соглашения и заключить двусторонний экономический пакт. Тем самым Вашингтон исключал возможность того, что в ответ на американские торговые санкции КНР может договориться о размещении производственных мощностей в Мексике или Канаде и получит возможность входить на рынок США с «черного хода» [Яковлев 2018: 18].

Карибский кризисный круг

Перелом трендов в латиноамериканской политике Соединенных Штатов особенно отчетливо просматривается в Карибском бассейне, который в силу ряда факторов последнего времени приобрел для администрации Д. Трампа дополнительную геэкономическую и геополитическую значимость и где столкновение интересов США и КНР просматривается особенно отчетливо. Примером может служить контроль над модернизированным Панамским каналом — ключевой артерией, через которую проходят стратегически важные для американского бизнеса грузы, в том числе поставляемый на экспорт сжиженный газ. В 2017 г. его транзит в Азию составил 6 млн т, а в 2020 г. — данный показатель увеличится в пять раз и достигнет 30 млн т¹².

Крайне высока роль Панамского канала и во внешней торговле Венесуэлы, Бразилии, Кубы и других островных карибских государств,

¹² Canal de Panamá verá paso de 30M de toneladas de GNL al 2020, por aumento de demanda global 20 de abril de 2018. URL: <https://www.americaeconomia.com/> (accessed: 27.10.2018).

чи экспортно-импортные потоки в настоящее время полностью контролируются вооруженными силами Южного командования США (USSOUTHCOM). В данной связи серьезное беспокойство Вашингтона вызвали планы Китая и Никарагуа построить альтернативный меж-океанский канал на территории этой центральноамериканской страны. Реализация такого масштабного проекта могла бы изменить геополитическую ситуацию в Карибском бассейне не в пользу Соединенных Штатов [Яковлева 2014].

Сохранение доминирования США в районе Карибского бассейна осуществляется различными методами. С одной стороны, Д. Трамп ощутимо нарастил давление на главного оппонента Вашингтона — венесуэльский режим, вставший на путь широкого сотрудничества с Китаем, Кубой и Россией. Целью Белого дома стало с помощью санкций перекрыть Каракасу «финансовый кислород». В августе 2017 г. был подписан декрет, запрещающий американским компаниям операции с новыми долговыми инструментами венесуэльского государства и его нефтяной корпорации, что резко сократило доступ Венесуэлы к международным кредитным ресурсам¹³. Причем к дипломатическим демаршам США подключились корпорации, понесшие убытки из-за экономической политики правительства Н. Мадуро. В частности, известная компания-производитель предметов личной гигиены Kimberley-Clark свернула свою деятельность в Венесуэле и обратилась в Международный центр по разрешению инвестиционных споров Всемирного банка (International Center for Settlement of Investment Disputes — ICSID) с требованием о компенсации за национализированные активы. Таким образом, Kimberley-Clark присоединилась к другим фирмам (Clorox, General Mills, General Motors, Harvest Natural Resources и др.), покинувшим эту карибскую страну¹⁴. В результате венесуэльский режим, по су-

ществу, оказался в финансово-экономической «осаде», выдержать которую ему помогали китайские и российские власти.

Вместе с тем государственный департамент США привлек международное внимание к драматическим событиям в Никарагуа. Здесь, в ответ на принятие сандинистским правительством Даниэля Ортеги реформы пенсионной системы, предусматривавшей сокращение на 5% размеров пенсий и увеличение взносов в фонд социального страхования, поднялась беспрецедентная протестная волна. В ходе столкновений 16—22 апреля 2018 г. погибло, по некоторым оценкам, не менее 30 человек, что отрицательно сказалось на международном имидже Манагуа. В специальном заявлении пресс-секретарь Хизер Нойерт осудила «чрезмерное насилие» со стороны никарагуанской полиции и других сил правопорядка, примененное для подавления протестных выступлений, и призвала правительство Никарагуа «позволить провести независимое расследование и подвергнуть преследованию виновных в человеческих жертвах»¹⁵.

Одновременно Вашингтон встал на путь ухудшения отношений с Гаваной и не упускает случая вбить клин между кубинским руководством и формирующимися на острове частными предпринимательскими кругами. Например, администрация Д. Трампа в целом не препятствует деловым контактам американских и кубинских бизнесменов, но категорически запрещает любые финансовые транзакции из США в адрес контролируемой военными Группы управления предприятиями (GAESA)¹⁶.

Фактическое ужесточение политики США в Латинской Америке не могло не воскресить в памяти «доктрину Монро», о чем в начале февраля 2018 г. откровенно заявил государственный секретарь Рекс Тиллерсон. Высокопоставленный дипломат, отправляясь в турне по странам региона, подчеркнул, что эта доктри-

¹³ Nuevas sanciones de Trump buscan frenar financiamiento a “dictadura” en Venezuela. 25 de agosto de 2017. URL: <https://www.americaeconomia.com/> (accessed: 11.10.2018).

¹⁴ Kimberley-Clark busca comenzar arbitraje contra Venezuela. 20 de abril de 2018. URL: <https://www.americaeconomia.com/> (accessed: 25.10.2018).

¹⁵ U.S. Department of State. Call for Calm in Nicaragua. April 22, 2018. URL: <https://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2018/04/280682.htm> (accessed: 27.10.2018).

¹⁶ См.: Bermúdez Á. ¿Qué es Gaesa, el consorcio empresarial de los militares de Cuba señalado por Donald Trump y cuál es su peso en la economía de la isla? URL: <http://www.bbc.com/mundo/noticias-america-latina-40298131> (accessed: 18.11.2018).

на «сегодня так же актуальна, как и во времена ее провозглашения», только место европейских стран в Латинской Америке сейчас стремится занять Китай [Gramer, Johnson 2018].

В середине сентября 2018 г. в ходе официального визита в Китай президента Венесуэлы Николаса Мадуро было подписано 28 соглашений о сотрудничестве между двумя странами в ключевых секторах венесуэльской экономики и социальной сферы: нефтяная промышленность, горная добыча, промышленные технологии, здравоохранение, общественная безопасность. Выступая на состоявшемся в Пекине заседании Смешанной двусторонней венесуэльско-китайской комиссии, Н. Мадуро отметил, что пакет новых соглашений «открывает путь к расширению деятельности созданных обеими странами совместных предприятий»¹⁷. В частности, такие компании, как Sinovensa, Petrourica, Petrozumano и др., призваны сыграть заметную роль в разработке гигантских месторождений битуминозных песков «пояса Ориноко».

Такого рода факты подтверждают серьезность намерений китайского руководства, бросившего вызов американскому доминированию к югу от Рио-Гранде, в том числе в Карибском бассейне. Сейчас, через пять с лишним десятилетий после карибского кризиса 1962 г., этот район Земного шара вновь становится зоной международного противостояния, пока — торгово-экономического. Однако тот факт, что Белый дом принял самое деятельное участие в подготовке отстранения от власти Н. Мадуро, свидетельствует об ужесточении политики США и повышении рисков перехода к силовым методам в Латинской Америке.

В контексте конфликтной многополярности

Почти 2500 лет тому назад древнегреческий историк Фукидид, наблюдавший нарастание опасного противостояния между правившей на Пелопонесском полуострове Спартой и экономически усиливавшимися Афинами, считал неизбежным столкновение между ними. Так на-

¹⁷ Venezuela y China firman 28 nuevos acuerdos. 14.09.2018. URL: <http://www.americaeconomica.com/> (accessed: 20.10.2018).

зываемая «ловушка Фукидида» говорит о том, что доминирующие державы, сталкиваясь с новыми центрами силы, испытывают опасения и неуверенность, заставляющие их прибегать к политике «сдерживания» конкурентов с целью сохранения своего лидерства, в результате чего на международной арене складывается ситуация «конфликтной многополярности», грозящей перерасти в неконтролируемый хаос. По мнению известного американского политолога Грэма Эллисона, в случае с США и КНР риски «ловушки Фукидида» возрастают из-за цивилизационной несовместимости, усугубляющей конкуренцию и затрудняющей межгосударственное взаимопонимание. Другими словами, противоречия между американскими и китайскими ценностями, традициями и философскими установками обостряют фундаментальную структурную напряженность, возникающую в тот момент, когда поднимающийся Китай начинает угрожать глобальным экономическим и политическим позициям Соединенных Штатов [Allison 2017].

Приняв вызов Пекина, администрация Д. Трампа в стремлении «сдержать» КНР прибегла к широкому арсеналу средств и методов так называемых гибридных войн. В том числе: введение (и угроза расширения) жестких протекционистских мер в американо-китайской торговле; сокращение доступа китайских предприятий к передовым технологиям; плохо замаскированное поощрение сепаратистских настроений на Тайване; усиление присутствия ВМС США в бассейне Южно-Китайского моря; активная антикитайская пропагандистская кампания; дипломатическое финансово-экономическое давление на государства, особенно тесно связанные с Китаем [US Policy... 2017].

Как уже отмечалось, в Латинской Америке такой страной, попавшей под паровой каток американских санкций, стала Венесуэла, но и другим латиноамериканским столицам высокопоставленные представители Вашингтона (вице-президент Майкл Пенс, государственный секретарь Марк Помпео, министр обороны Джеймс Мэттис и др.) пытаются «подсказывать» линию внешнеполитического поведения. Например, Дж. Мэттис в ходе своего турне по региону посетил Бразилию, Аргентину, Чили и Колумбию, где ратовал за укрепление отношений Латинской Америки с США и указывал на «пагубность»

сотрудничества с Китаем. По мнению международных наблюдателей, главной целью шефа военного ведомства было «противодействовать растущему влиянию КНР в регионе»¹⁸.

Резкие действия Вашингтона грозят повысить уровень турбулентности мировой торговли, сделать ее эволюцию непредсказуемой и — самое главное — распространить возникающие негативные эффекты практически на всех участников мирохозяйственных связей, включая те государства, которые отнюдь не стремятся бить в барабаны торговых войн. Но всем им, как говорят американцы, придется «платить за разбитые горшки». Пример — Латинская Америка. Для зависящей от внешних товарных и финансовых рынков латиноамериканской экономики мировые торговые войны — безусловный негатив. Более высокие пошлины сделают конкуренцию еще более жесткой, а доступ на зарубежные рынки — значительно более сложным.

17—18 ноября 2018 г. в столице Папуа — Новой Гвинеи городе Порт-Морсби прошел 26-й саммит Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). В форуме АТЭС, учрежденном в 1989 г., участвуют три латиноамериканские страны (Мексика, Перу и Чили), а еще пять (Гватемала, Колумбия, Коста-Рика, Панама и Эквадор) — выразили заинтересованность присоединиться к этому авторитетному межправительственному диалоговому механизму. Больше всего латиноамериканцев интересует участие в реализации провозглашенных в 1994 г. Богорских целей АТЭС, предусматривающих формирование в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) зоны «свободной и открытой торгово-инвестиционной деятельности»¹⁹.

В отличие от всех предыдущих саммитов встреча в Папуа — Новой Гвинеи завершилась без согласования итоговой декларации из-за противоречий между США и КНР по вопросам торгово-экономической политики. В Латинской Америке итоги саммита в Порт-Морсби были расценены как провальные, поскольку американо-китайские разногласия не позволили им про-

двинуть на форуме концепцию взаимодействия в интересах более тесной интеграции в бассейне Тихого океана. Теперь надежды региона связаны с саммитом 2019 г., который пройдет в чилийской столице Сантьяго. Президент Чили Себастьян Пиньера резко отрицательно высказался в отношении торговой войны между США и КНР, заявив, что «она наносит вред многим странам», и призвал обе великие державы положить конец экономическому противостоянию²⁰.

Таким образом, в Латинской Америке считают, что протекционистский инстинкт Белого дома — опасное международное явление, способное вызвать цепную реакцию ограничительных мер в мировой торговле, спровоцировать гибридные войны и в конечном счете затруднить социально-экономическое развитие государств региона.

***

Тенденции последнего десятилетия привели к тому, что в торгово-экономическом и финансовом отношении Латинская Америка оказывается все более зависимой от Соединенных Штатов и Китая, на долю которых приходится свыше 50% совокупного товарооборота латиноамериканских стран, а также решающая часть поступающих в регион инвестиционных и кредитных ресурсов. Данное обстоятельство оказывает сильнейшее воздействие на структуру и направленность внешнеэкономических связей и внешнеполитических контактов государств Латинской Америки.

В латиноамериканских столицах за процессом американо-китайского соперничества на глобальном уровне наблюдают с вниманием, настроенностью и опасениями. Это связано не только с текущей ситуацией, но и с динамикой отношений Вашингтона и Пекина, нарастанием противоречий на глобальном и региональном уровне. Латиноамериканцы не без оснований считают, что развязывание торговых войн и других видов американо-китайского противостояния может навредить развитию мировой эконо-

¹⁸ Faus J. El jefe del Pentágono inicia su primera gira por Sudamérica // *El País*. Madrid. 13.08.2018.

¹⁹ Especialistas sostienen que Perú respalda liberalización del comercio e inversiones en APEC. 17 de noviembre de 2018. URL: <https://www.americaeconomia.com/> (accessed: 21.11.2018).

²⁰ Presidente Piñera invita a EE.UU. y China a terminar con guerra comercial. 17 de noviembre de 2018. URL: <https://www.americaeconomia.com/> (accessed: 23.11.2018).

мики и нанести ущерб интересам региона, который критически зависит от международных торговых и финансовых рынков.

В самой ближайшей перспективе сверхзадачей внешней политики латиноамериканских стран станет поиск баланса во взаимодействии с США и КНР. В арсенале стран Латинской Америки есть только один возможный ответ на эти вызовы — последовательная диверсификация внешних связей, углубление региональных интеграционных процессов, интенсификация сотруд-

ничества с быстро растущими экономиками Азиатско-Тихоокеанского региона, перевод на более высокий уровень отношений с государствами Европейского союза, Индией и Россией, превращение ключевых стран латиноамериканского региона (с учетом их географического расположения) в крупные торгово-экономические хабы. Только на этом стратегическом треке можно ослабить гиперзависимость от Вашингтона и Пекина и нивелировать негативные эффекты протекционистской политики и торговых войн.

Библиографический список

- Борзова А.Ю., Торкунова Ю.А., Агаев Ю.И. Китай — СЕЛАК: новые тенденции в экономическом сотрудничестве // Латинская Америка. 2018. № 7. С. 32—46. DOI: 10.31857/S0044748X0000022-3.
- Лавут А.А. Новый этап развития китайско-латиноамериканских отношений // Латинская Америка. 2018. № 12. С. 59—73. DOI: 10.31857/S0044748X0002316-6.
- Латинская Америка в современной мировой политике. М.: Наука, 2009.
- Яковлев П.П. Латинская Америка на мировой геополитической карте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015а. Т. 15. № 4. С. 20—28.
- Яковлев П.П. Латинская Америка на переломе трендов (опыт осмысления новых явлений) // Латинская Америка. 2015б. № 7. С. 4—18.
- Яковлев П.П. «Эффект Трампа» или конец глобализации? М.: РУСАЙНС, 2017.
- Яковлев П.П. USMCA: перезагрузка зоны свободной торговли в Северной Америке // Латинская Америка. 2018. № 12. С. 6—21. DOI: 10.31857/S0044748X0002312-2.
- Яковлева Н.М. Никарагуанский канал в светлое будущее // Латинская Америка. 2014. № 1. С. 34—47.
- Allison G. Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap? New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2017.
- CEPAL. *Explorando nuevos espacios de cooperación entre América Latina y el Caribe y China*. Santiago: Naciones Unidas, 2018.
- Chi-Kwan M. China and the World since 1945: An International History. London: Routledge, 2012.
- Fernandez J., Hogenboom B. Latin America facing China: South-South Relations beyond the Washington Consensus. New York: Berghahn Books, 2010.
- Hansen R. Relaciones económicas entre los Estados Unidos y América Latina: ¿bilaterales, regionales o globales? // Estudios internacionales. Santiago de Chile. 1975. Vol. 8. No 31. P. 59—99. DOI: 10.5354/0719-3769.2011.17328.
- Holden R., Zolov E. Latin America and the United States: A Documentary History. London: Oxford University Press, 2000.
- Gramer R., Johnson K. Tillerson Praises Monroe Doctrine, Warns Latin America of 'Imperial' Chinese Ambitions. 2018. URL: <https://foreignpolicy.com/2018/02/02/> (accessed: 23.12.2018).
- Katz F. The Secret War in Mexico: Europe, the United States, and the Mexican Revolution. Chicago: University of Chicago Press, 1981.
- Latin America Confronts the United States: Asymmetry and Influence. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
- Mallo T., Sanahuja J.A. (coords.). Las relaciones de la Unión Europea con América Latina y el Caribe. Madrid: Fundación Carolina/Siglo XXI. 2011.
- Palomares L.G. Trump y una América Latina en transformación: de la política de muro a la estrategia de sustitución // Revista Tribuna Norteamericana. Alcalá de Henares. 2017. No 25. P. 22—29.
- Paz G., Roett R. China's Expansion into the Western Hemisphere. Washington: Brookings Institution, 2008.
- US Policy Toward China: Recommendations for a New Administration. New York: Asia Society Center, 2017.
- Xu Yanran. China's Strategic Partnerships in Latin America: Case Studies of China's Oil Diplomacy in Argentina, Brazil, Mexico, and Venezuela, 1991—2015. Lexington: Lexington Books, 2016.

Дата поступления статьи: 27.11.2018

Для цитирования: *Яковлев П.П.* США и КНР в Латинской Америке: контуры конкуренции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 1. С. 47—58. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-47-58.

Сведения об авторе: *Яковлев Петр Павлович* — доктор экономических наук, руководитель Центра иберийских исследований Института Латинской Америки РАН, профессор кафедры международного бизнеса и таможенного дела Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (e-mail: petrp.yakovlev@yandex.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-47-58

USA and China in Latin America: Contours of Competition

P.P. Yakovlev

Institute of Latin America of the Russian Academy of Sciences (ILA RAS),
Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russian Federation

Abstract. In the last decade Latin America in trade, economic and financial terms turns out to be increasingly “sandwiched” between the United States and China, which accounted for more than half of the total trade of Latin American countries, and also a crucial part of entering the region investment and credit resources. This circumstance has the strongest impact on the structure and orientation of foreign economic relations and foreign policy contacts. In the foreseeable future one of the complexities of foreign policy of the Latin American countries will be delaying action between the United States and China, are becoming involved in hybrid war for dominance in the global economy and trade. In Latin American capitals the USA-Chinese rivalry at the global level are watched with suspicion and fear. It is connected not only with the current situation, but with the dynamics of relations between Washington and Beijing, the intensification of contradictions at the global and regional levels. Latin Americans believe that initiation of trade wars and other kinds of American-Chinese confrontation could harm the development of the world economy and harm the crucial interests of the region, which is critically dependent on international goods and financial markets.

The main challenge is the diversification of international relations of the Latin American States, the broadening of their economic and political partners. Only in this way can be weakened the hyper dependence of Latin America from Washington and Beijing, and reversed the negative effects of the ongoing protectionist policies and trade wars initiated by the administration of Donald Trump.

Key words: Latin America, the United States, China, European Union, international competition, trade wars

References

- Allison, G. (2017). *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* New York: Houghton Mifflin Harcourt.
- Borzova, A.Yu., Torkunova, Yu.A. & Agayev, Yu.I. (2018). China-SELAK: new trends in economic cooperation. *Latin America*, 7, 32—46. DOI: 10.31857/S0044748X0000022-3. (In Russian).
- CEPAL. *Explorando nuevos espacios de cooperación entre América Latina y el Caribe y China*. (2018). Santiago: Naciones Unidas.
- Chi-Kwan, M. (2012). *China and the World since 1945: An International History*. London: Routledge.
- Fernandez, J. & Hogenboom, B. (2010). *Latin America facing China: South—South Relations beyond the Washington Consensus*. New York: Berghahn Books.
- Hansen, R. (1975). Relaciones económicas entre los Estados Unidos y América Latina: ¿bilaterales, regionales o globales? *Estudios internacionales*. Santiago de Chile, 8 (31), 59—99. DOI: 10.5354/0719-3769.2011.17328.
- Holden, R. & Zolov, E. (2000). *Latin America and the United States: A Documentary History*. London: Oxford University Press.
- Gramer, R. & Johnson, K. (2018). *Tillerson Praises Monroe Doctrine, Warns Latin America of 'Imperial' Chinese Ambitions*. URL: <https://foreignpolicy.com/2018/02/02/> (accessed: 23.12.2018).
- Katz, F. (1981). *The Secret War in Mexico: Europe, the United States, and the Mexican Revolution*. Chicago: University of Chicago Press.
- Latin America in the Contemporary World Policy*. (2009). Moscow: Nauka. (In Russian).

- Latin America Confronts the United States: Asymmetry and Influence* (2015). Cambridge: Cambridge University Press.
- Lavut, A.A. (2018). A new stage in the Development of Sino-Latin American Relations. *Latin America*, 12, 59—73. DOI: 10.31857/S0044748X0002316-6.
- Mallo, T. & Sanahuja, J.A. (coords.). (2011). *Las relaciones de la Unión Europea con América Latina y el Caribe*. Madrid: Fundación Carolina/Siglo XXI.
- Palomares, L.G. (2017). Trump y una América Latina en transformación: de la política de muro a la estrategia de sustitución. *Revista Tribuna Norteamericana*. Alcalá de Henares, 25, 22—29.
- Paz, G. & Roett, R. (2008). *China's Expansion into the Western Hemisphere*. Washington: Brookings Institution.
- Yakovlev, P.P. (2015a). Latin American Role in International Geopolitics. *Vestnik RUDN. International Relations*, 15 (4), 20—28. (In Russian).
- Yakovlev, P.P. (2015b) Latin America at the turn of trends (experience of understanding new phenomena). *Latin America*, 7, 4—18. (In Russian).
- Yakovlev, P.P. (2017). “*Trump Effect*” or the End of Globalization? Moscow: RUSCIENCE. (In Russian).
- Yakovlev, P.P. (2018). USMCA reloaded free trade zone in North America. *Latin America*, 12, 6—21. (In Russian). DOI: 10.31857/S0044748X0002312-2.
- Yakovleva, N.M. (2014). The Nicaraguan Canal for the Happy Future. *Latin America*, 1, 34—47. (In Russian).
- US Policy Toward China: Recommendations for a New Administration*. (2017). New York: Asia Society Center.
- Xu, Yanran (2016). *China's Strategic Partnerships in Latin America: Case Studies of China's Oil Diplomacy in Argentina, Brazil, Mexico, and Venezuela, 1991—2015*. Lexington: Lexington Books.

Received: 27.11.2018

For citations: Yakovlev, P.P. (2019). USA and China in Latin America: Contours of Competition. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (1), 47—58. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-47-58.

About the author: *Yakovlev Petr Pavlovich* — Doctor of Economics, Chief of the Center of Iberian Studies of the Institute of Latin America, Russian Academy of Sciences; Professor of the Department of International Business and Customs, Plekhanov Russian University of Economics (e-mail: petr.p.yakovlev@yandex.ru).

© Яковлев П.П., 2019

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-59-76

Постъевропейский мир, или Что нас ожидает после инволюции Европы? Монизм и отношения с Россией

Часть 2

Р. Саква

Университет Кента, Кентербери, Великобритания

Текущие противоречия во взаимоотношениях между Россией и Европейским союзом (ЕС) необходимо рассматривать в контексте более глубокого и всеобъемлющего кризиса в области обеспечения безопасности, характерного для периода после окончания холодной войны. В настоящей работе предпринимается попытка структурной интерпретации и выявления четырех взаимосвязанных процессов, которые в той или иной степени способствовали формированию причин данного кризиса. Речь идет, во-первых, о противоречии между логикой территориального расширения ЕС и его структурной трансформации; во-вторых, о динамике инволюции и сопротивления данному процессу; в-третьих, о проблеме монизма, заключающейся в том, что расширяющееся интеграционное объединение не способно адекватно взаимодействовать с иными, не участвующими в интеграции акторами; и, наконец, в-четвертых, о концепциях «Малой», «Широкой» и «Большой Европы», реализация которых потенциально может внести вклад в преодоление текущих кризисных явлений, т.е. инволюции Европы. В свою очередь, наблюдающаяся на сегодняшний день эрозия евроатлантической модели обеспечения безопасности создает определенные предпосылки для того, чтобы наверстать упущенное за предыдущие десятилетия и, в частности, добиться заметной эволюции как в институциональной, так и в идейно-концептуальной сферах.

На основе методологии классического реализма и современных конструктивистских теорий автор анализирует, каким образом недостаток взаимопонимания и ошибки в понимании намерений и действий России, с одной стороны, и Запада — с другой, повлекли за собой глубокие структурные и когнитивные противоречия, которые привели к возобновлению конфронтации между евроатлантическим блоком и Россией.

Автор приходит к выводу, что невозможность реализации проекта «Большой Европы» с участием России обусловила углубление противоречий между Россией и Западом, а также вынудила Москву искать альтернативу европейской интеграции в проекте «Большой Евразии». При этом Европейский союз также вступил в кризисную стадию, свидетельством чего стал «Брекзит».

Ключевые слова: Россия, Европейский союз, монизм, «Большая Европа», «Расширенная Европа», «Малая Европа» постбиполярный мир, инволюция

Монистическая Европа

Монизм — это классическая метафизическая концепция в философии, в основе которой лежит осознание реальности как результата существования одной, а не нескольких субстанций или принципов. Как правило, монизм противопоставляется дуализму (2 субстанции) или плюрализму (более 2 субстанций). В свою очередь, в исторической науке монизм означает наличие одного каузального фактора, в наибольшей степени детерминирующего поведение того или

иного исторического субъекта. В настоящей статье данный термин применяется в более узком смысле слова, подразумевающим наличие лишь одного пути исторического развития того или иного международного актора. Пол Гренье [Grenier 2015] формулирует проблему монизма в виде следующего вопроса: «Почему господство либеральной парадигмы абсолютно несовместимо с существованием или преобладанием иных политических или международных принципов?». Непосредственным следствием данного

положения является то, что общества или государства, которые сопротивляются либеральному миропорядку, в итоге оказываются отвергнуты господствующей парадигмой и рано или поздно начинают ощущать на себе негативные последствия от подобной изоляции. В частности, теория демократического мира, а также иные модели экспорта демократии в той или иной степени являются проявлениями идейно-концептуального монизма современных международных отношений.

В современной Европе философский характер политического монизма оказывается напрямую сопряжен с геополитическим экспансионизмом, который, в свою очередь, приводит к дальнейшему укреплению однополярной системы международных отношений. Кроме того, сам по себе монизм международной среды в значительной степени детерминирует политику Запада, под которым в данном случае подразумевается евроатлантическое сообщество и его ближайшие союзники [The Struggle for the West... 2010]. Неудача в реализации проекта «Большого Запада» привела к тому, что взаимоотношения со всеми западными акторами (и, в первую очередь, с теми, которые так и не стали частью «Большого Запада») автоматически существенно осложнились. В данном контексте вполне логично, что многие не смирившиеся с новой международной системой государства — и, прежде всего, Россия — отреагировали на сложившуюся и крайне неблагоприятную для них конфигурацию власти путем выработки принципиально новых моделей сопротивления текущему миропорядку. Таким образом, можно сказать, что монизм, вполне в духе классической гегелевской диалектики, парадоксальным образом породил собственное отрицание — а именно новые формы плюрализма. Все громче раздаются голоса диссидентов, несогласных с основополагающими детерминантами современного миропорядка и утверждающих, что «хотя большая часть исследований, посвященных политике ЕС, характеризуют данное интеграционное объединение в качестве „плюралистического“, тем не менее подобное самовосприятие вряд ли может быть признано объективным и имеет смысл только в узко онтологическом, эпистемологическом и методологическом смысле» [Manners, Whit-

man 2016: 3—4]. Кроме того, утверждается, что сама по себе нормативная власть является отдельной формой гегемонии [Diez 2013].

Современный европейский монизм имеет шесть основных специфических черт, которые в схематичном виде будут представлены ниже.

Во-первых, речь идет о том, что после окончания холодной войны Запад стал придерживаться дискурса о собственном «триумфе» и «победе» в глобальном противостоянии, в то время как советская, а затем и российская сторона настаивали на идее обоюдной, взаимовыгодной победы. Как уже было упомянуто ранее, переломным моментом в данном процессе стал Мальтийский саммит 1989 г., на котором лидеры США и СССР совместно определяли будущее Европы. В свою очередь, отсутствие на саммите представителя от Европы наглядно свидетельствует о том, что в период холодной войны Европа так и не стала независимым актором мировой политики и не сумела обрести подлинную политическую правосубъектность. Как и почти полвека назад в Ялте, судьбу Европы решали несколько великих держав; другое дело, что на Мальтийском саммите дипломатическая расстановка и стратегический баланс сил были уже совершенно иными. Михаил Горбачев отчетливо осознавал, что холодная война между Советским Союзом и США подрывает развитие Востока, и Запада, однако вместо его амбициозного проекта позитивной трансцендентности на практике было реализовано прямо противоположное — трансцендентность негативная, которая характеризовалась лишь очевидным смещением баланса сил, но никак не искомой структурной трансформацией всей европейской подсистемы международных отношений. В итоге уникальная возможность совмещения сильных сторон единства и множественности, монизма и плюрализма была окончательно упущена [Biebuyck, Rumford 2012], а отсутствие единого проекта дальнейшего развития европейской интеграции породило конфликт двух моделей региональной интеграции, который, по сути, делал возобновление глобального противостояния практически неизбежным.

Во-вторых, необходимо отметить тот факт, что принятый в Хельсинки в августе 1975 г. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе поставил вопрос

защиты прав человека во главу угла всей европейской подсистемы международных отношений. С одной стороны, Хельсинские соглашения закрепили результаты Ялтинской конференции 1945 г. — прежде всего, в сфере демаркации послевоенных границ и установления основополагающих принципов взаимоотношений между великими державами; с другой — стоит признать, что Хельсинская «третья корзина», включившая в себя обязательства по защите прав человека, создала механизм и предпосылки для будущего пересмотра Ялтинских соглашений. В свою очередь, Мальтийские договоренности были основаны на положениях Хельсинского Заключительного Акта и закреплены в Парижской хартии для новой Европы (1990 г.). Таким образом, Хельсинские соглашения, некогда заложившие бомбу замедленного действия под Ялтинские договоренности, в итоге сами были подорваны новыми реалиями постбиполярного мира. В частности, речь шла о ценностно-ориентированном подходе, на который, помимо прочего, опирались диссиденты стран Восточной Европы, критикуя действия собственных правительств в последние годы холодной войны. Более того, это были те самые ценности, яркими примерами которых выступали Михаил Горбачёв и Борис Ельцин, однако проблема заключалась в том, что после завершения холодной войны их распространение происходило в рамках скорее монистической, нежели плюралистической международной системы, что самым существенным образом подрывало политическую правосубъектность целого ряда международных акторов [Geis 2013]. Таким образом, защита прав человека стала основным предметом дискурса во взаимоотношениях между государствами, подменив собой более традиционные формы дипломатии. Кстати, именно поэтому стратегия продвижения демократии и поддержки «цветных революций» вполне могла бы стать действенным ответом на трудности постсоветской модернизации, если бы не один момент: будучи частью экспансионистского механизма постбиполярной системы, данная стратегия неизбежно воспроизводила логику игры с нулевой суммой, характерную для периода холодной войны [Chagar, Colton 2016]. В значительной степени это объяснялось тем фактом, что продвижение демократии

и защита прав человека вполне закономерно рассматривались в контексте взаимодействия между великими державами, что в некотором роде дискредитировало всю гуманитарную повестку дня.

В своем фундированном исследовании, посвященном межвоенному периоду, Э.Х. Карр [Carr 2001] утверждал, что совмещение постулатов идеализма и реализма оказалось в высшей степени неэффективным, поскольку данный симбиоз, с одной стороны, препятствовал развитию традиционной дипломатии, а с другой — значительно снижал потенциал использования принципа баланса сил в международных отношениях. Советский Союз, а затем и Россия в полной мере придерживались буквы и духа Парижской хартии 1990 г., однако подобная ситуация была чревата, как это ни парадоксально, целым рядом негативных последствий, поскольку чисто утилитарное, инструментальное и при том достаточно избирательное применение гуманитарных принципов Хартии для получения того или иного геополитического преимущества со стороны Запада порождало противоречие между традиционным дипломатическим взаимодействием между государствами и господствующей на глобальном уровне нормативной повесткой дня [Geuss 2008]. Как следствие, традиционные дискуссии между защитниками «принципа баланса сил» и сторонниками демократизации («трансформации политического режима») завершились абсолютной победой последних [Cottey 2007; Goldgeier, McFaul 2003]. Бесспорно, отстаивание и продвижение собственных ценностей — это неотъемлемая часть современных международных отношений, однако зачастую гуманитарная повестка дня отходит на задний план ввиду стремления государств к достижению совместных целей и налаживанию взаимовыгодного сотрудничества [Casier 2013]. Однако в условиях постбиполярного мира подобная тенденция не просматривалась, ввиду чего радикализация принципов евроатлантического сообщества, касавшихся экспорта демократии и повсеместной защиты прав человека, не могла не вызвать ответную реакцию со стороны России, что привело в итоге к прямо противоположным по отношению к первоначально заявленным результатам — а точнее, к ослаблению привлекательности демократии и проведению со стороны

Москвы целого ряда репрессивных и манипулятивных мер [Horvath 2013]. В данном контексте идею «суверенной демократии» следует рассматривать лишь в качестве одного из проявлений стремления России к установлению благоприятного для нее посткоммунистического миропорядка и к поиску автохтонного баланса между адаптацией к международным демократическим нормам и сохранением аутентичной политической традиции [Sakwa 2008]. Данная проблема может быть сформулирована при помощи различного терминологического аппарата, однако в общих чертах речь идет о непримиримом противоречии между гуманистическим универсализмом Эпохи просвещения и узконаправленным националистическим партикуляризмом.

Третьим фактором, обусловившим сначала возникновение монистической системы международных отношений в период «холодного мира», а затем ее перерождение в новое глобальное противостояние, стала неудача Европы в ее попытках обретения самостоятельной политической правосубъектности. В период после распада Советского Союза ЕС зачастую характеризовался как принципиально новый — своего рода постмодернистский — актер международных отношений, во внутри- и внешнеполитическом дискурсе которого ценности, правила и нормы играют гораздо большую роль, чем концепции баланса сил, традиционной дипломатии и военного принуждения [Ruggie 1993]. Более того, эта теория может быть изложена в пространственно-временной терминологии, то есть как идея о том, что реконфигурация территории того или иного актора международных отношений напрямую влияет на его политическую идентичность [Borg, Diez 2016]. Прямым следствием подобного восприятия вещей становится резкое размежевание постмодернистского политического дискурса ЕС и традиционного модернистского мышления государств, относимых к разряду политических аутсайдеров [Cooper 1998; Cooper 2003]: если для первых характерно продвижение собственных норм и ценностей на международной арене, то вторые рассматриваются скорее не как субъекты, а как объекты международных отношений, в отношении которых гораздо чаще осуществляется давление и принуждение. Именно в этом, в общих чертах,

и заключается проблема европейской инволюции. Кроме того, еще один неприятный момент заключается в том, что сугубо гражданский и миролюбивый внешнеполитический дискурс ЕС в то же время встроены в более крупную, евроатлантическую систему обеспечения безопасности, в рамках которой традиционные инструменты силы и влияния по-прежнему играют исключительно значимую роль. Таким образом, ЕС фактически оказывается мягкой, бархатной перчаткой, прикрывающей мощный кулак евроатлантической системы обеспечения безопасности [Mearsheimer 2014]. Подобный дуализм крайне негативно воспринимается со стороны России и усиливает ее самовосприятие как государства, находящегося в стратегическом тупике, поскольку для Москвы способ взаимодействия с ЕС в корне отличается от механизма выстраивания взаимоотношений с НАТО.

В свою очередь, с точки зрения России диалог с ней велся с двух взаимоисключающих позиций: с одной стороны, с точки зрения пост-Вестфальского политического дискурса (ЕС), а с другой — с позиции традиционных инструментов «жесткой» силы (НАТО). В этой связи установление прочных и стабильных отношений с евроатлантическим сообществом представлялось Москве исключительно непростой задачей, так как одновременно необходимо было учитывать и либеральный интернационализм ЕС, и гегемонистскую риторику НАТО. Более того, само понятие «сфер влияния» было полностью делегитимизировано, а либеральный мировой порядок подразумевал наличие всеобщих и универсальных норм, ценностей и идеалов. Так, сфера применения доктрины Монро фактически распространилась на весь Земной шар, а концепция универсализма политических ценностей не оставляла никакого выбора тем, кто не желал признавать ее глобального охвата. По сути, именно в этих условиях ЕС и провозгласил свою «цивилизаторскую миссию» по отношению к собственным восточным окраинам [Zielonka 2013]. Более того, данная монистическая и экспансионистская доктрина фактически впитала в себя элементы более ранних империалистических систем, которые были осмыслены с позиций постколониализма и касались всех, кто не принадлежал сияющему «граду на холме»

исторического Запада и, как следствие, должен был подвергнуться принудительному «цивилизаторству» со стороны Европы [Chakrabarty 2000]. Вполне логично, что в подобных условиях ответом России стало не что иное, как стремление подчеркнуть собственную национальную, культурную и цивилизационную идентичность [Maslovskiy 2016].

Четвертым моментом, напрямую повлиявшим на становление монистической системы, стало то, что Россия активно стремилась позиционировать себя в качестве защитницы «истинной», «настоящей» Европы в противовес Европе «ложной», «фальшивой», закованной в тесные кандалы евроатлантических структур обеспечения безопасности [Neumann 2016]. Сформулированная Михаилом Горбачевым концепция единого общеевропейского дома не была проработана в мельчайших деталях, однако ее фундаментальный принцип был вполне ясен: «Речь идет о такой перестройке сложившегося в Европе порядка, которая вывела бы на первый план общеевропейские ценности, позволила бы заменить традиционный баланс сил балансом интересов»¹. При этом подразумевалось, что речь идет об интересах независимых, полностью самостоятельных и суверенных государств Европы, которые должны объединиться в своем многообразии и сделать все возможное для создания нового, более успешного и процветающего политического сообщества. Таким образом, концепция «Большой Европы» — это проект, основанный на принципах геополитического и нормативного плюрализма и в то же время не допускающий возврата к архаичному императиву баланса сил в мировой политике, который столь долго господствовал на всей территории европейского континента [Большая Европа... 2014].

Михаил Горбачев твердо придерживался точки зрения, что различные политические системы на международной арене вполне могут мирно сосуществовать — и именно поэтому в своей речи на заседании Совета Европы (а так-

же несколько раз позднее) он беспелеационно заявлял о возможности преодоления тяжкого наследия как Ялтинских договоренностей, так и Мальтийского саммита. Он искренне стремился создать новую систему межъевропейского взаимодействия, которая учитывала бы интересы как малых, так и великих держав [Gorbachev, Ikeda 2005]. В своих замыслах он видел плюралистическую, многополярную Европу, которая не боится экспериментов и собственного многообразия; Европу, которая стала бы частью Большого Запада и в то же время включила бы в свой состав и Россию. Только такая Европа, созданная при участии Москвы, могла бы, в понимании Горбачева, стать подлинной основой нового, более справедливого и благополучного миропорядка.

В свою очередь, идея нового Договора о европейской безопасности, озвученная президентом России Дмитрием Медведевым в Берлине 5 июня 2008 г. — т.е. почти 20 лет спустя после ухода от власти Михаила Горбачева — в целом повторяла идеи последнего. Так, Дмитрий Медведев призвал к созданию всеобъемлющей и универсальной системы европейской безопасности, которая в будущем гарантировала бы устранение каких бы то ни было разделительных линий на территории европейского континента. К сожалению, данная идея (впрочем, вполне справедливо) подверглась ожесточенной критике как за ее абстрактный характер и отсутствие конкретных предложений, так и за плохо скрываемое намерение Москвы подорвать позиции НАТО в европейском регионе [Lo 2009]. Однако проблема была гораздо глубже — дело в том, что критики данной концепции совершенно не отдавали себе отчет в том, что концепция, выдвинутая Дмитрием Медведевым, по сути представляла собой последнюю попытку России выйти из стратегического тупика мирным и абсолютно приемлемым для всех прочих акторов способом.

Сторонником концепции «Большой Европы» можно назвать и Владимира Путина, особенно учитывая тот факт, что он сам многократно обращался к данной проблематике. Так, в 2010 г. Путин призвал к геополитическому объединению всей Европы — от Лиссабона до Владивостока — путем создания подлинного

¹ Gorbachev G. Europe as a Common Home. Address to the Council of Europe, Strasbourg, 6 July 1989. URL: http://chnm.gmu.edu/1989/archive/files/gorbachev-speech-7-6-89_e3ccb87237.pdf (accessed: 11.01.2016).

«стратегического партнерства». Четырьмя годами позднее, во время последнего (на текущий момент) саммита Россия—ЕС в Брюсселе, Владимир Путин выдвинул проект создания зоны свободной торговли от Атлантики до Тихого океана. Аналогичным образом, в своем выступлении на Генеральной Ассамблее ООН 28 сентября 2015 г., Владимир Путин, обращаясь к теме урегулирования украинского кризиса и соблюдения Минских договоренностей, отметил, что «в этом (т.е. в соблюдении Минских соглашений) залог того, что Украина будет развиваться как цивилизованное государство, как важнейшее связующее звено в строительстве общего пространства безопасности и экономического сотрудничества как в Европе, так и в Евразии».

В то же время представители ЕС всячески подчеркивали, что именно эта организация (наряду с Советом Европы и ОБСЕ) является единственным легитимным выразителем воли объединенной Европы. Именно этот подход и называется проектом «Малой Европы» — Европы, которая, в свою очередь, рассматривалась как неотъемлемая часть более широкого евроатлантического сообщества [Gromyko 2015]. Подобное монистическое видение Европы вплоть до недавнего времени абсолютно не предусматривало существования какого бы то ни было альтернативного политического или идеологического сообщества. Подобно тому, как либерализм в период после окончания холодной войны не допускал наличия той или иной альтернативы собственной гегемонии в идеологической сфере и тем самым входил в противоречие с имманентно присущими ему принципами максимального уважения к свободе — точно так же и проект «Малой Европы» (и евроатлантического сообщества в целом) не предусматривал сколько-нибудь действенной формы взаимодействия с государствами, проигравшими в глобальном противостоянии. Более того, предполагалось, что решение проблемы исторического развития различных государств мира должно осуществляться на основе единых и универсальных для всех наций законов культурного и цивилизационного прогресса. В этой связи становится ясным, что даже если бы руководство России согласилось с подобным «вывернутым наизнанку» неомарксистским подходом (что, например, имело место в период президентства Бориса Ельцина), то неиз-

бежно возникла бы следующая дилемма: сам факт того, что проблемы сохранения территориальной целостности и политической идентичности, сотрудничества в сфере безопасности, экономической модернизации и международной интеграции до сих пор не решены, означает, что напряженность и конфликты из международных отношений никуда не исчезли и остаются важнейшим фактором мировой политики. Именно поэтому историцизм как марксистского, так и либерального толка в конечном итоге подрывает то, что Чебанкова называет «парадигмальным плюрализмом России» [Chebankova 2017]. С подобной точки зрения представляется вполне логичным, что, осознав текущую ситуацию, Россия в итоге попыталась вырваться из стратегического тупика, в котором она пребывала в течение четверти века с момента окончания холодной войны — и попытка эта сопровождалась, с одной стороны, активным поиском заслуживающих доверия союзников, а с другой — формулировкой конкретного идеологического обоснования данной политики.

Пятым фактором утверждения монистической системы в Европе стал провал всех попыток найти подходящий способ взаимодействия между ЕС, с одной стороны, и Россией и ее соседями — с другой. Так, Оле Вэйвер [Waever 1996] утверждал, что внешние акторы никогда не были врагом для ЕС, а скорее — метафизически выражаясь — собственным прошлым организации. Именно данный факт, по мнению исследователя, и привел к созданию сообщества, для которого соображения безопасности стояли явно не на первом месте [Waever 1998]. Собственно говоря, именно отсюда и происходит идея «Расширенной (Wider) Европы». В частности, 5—6 декабря 2002 г. в Брюсселе Президент Европейской комиссии Романо Проди представил проект «Расширенной Европы» (который позднее был преобразован в Европейскую политику соседства) следующими словами: «Я хочу видеть кольцо друзей вокруг Союза и его ближайших европейских соседей — от Марокко до России и Черного моря»². Несмотря на изменение политической

² Prodi R. A Wider Europe: A Proximity Policy as the Key to Stability. Brussels, 5—6 December 2002. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-02-619_en.htm (accessed: 15.09.2015).

конъюнктуры в последние годы, концепция «Расширенной Европы» по-прежнему эффективно описывает процесс, заключающийся в стремлении «Малой Европы» распространить собственное влияние на новые территории путем реализации новых форм политической и экономической интеграции. Как мы видели, первоначально Россия склонялась к идее, что она станет важнейшим элементом новой, «Расширенной Европы», однако впоследствии, когда Европейская политика соседства выродилась в чисто монистическое видение территориального расширения европейского сообщества с центром в Брюсселе, Россия утратила всякую надежду на взаимовыгодную кооперацию и перешла в разряд внешнего по отношению к ЕС актора мировой политики, находящегося на «дальних подступах» Европы (*Grossraum*). Именно так «Расширенная Европа» стала Европой без России. Дальнейшая радикализация проекта «Расширенной Европы» последовала после запуска Восточного партнерства ЕС, основным инструментом влияния которого стало заключение Договоров об ассоциации в сочетании с созданием ЗУВСТ — Зон углубленной и всеобъемлющей свободной торговли (DCFTA). Таким образом, проект «Расширенной Европы» стал естественным и неизбежным следствием, во-первых, активного продвижения ЕС на Восток, а во-вторых — рождения новой концепции, предназначенной для восточноевропейских стран и заключающейся в допуске на рынок ЕС восточноевропейской продукции в обмен на обеспечение соответствующих государств гарантировать проведение всеобъемлющих реформ, обеспечить верховенство закона и привести собственные регулятивные нормы в соответствие с нормами и критериями Евросоюза. В данном контексте становится ясным, что наиболее серьезные проблемы во взаимоотношениях с Россией возникли тогда, когда ЕС отказался от признания текущей ситуации непосредственным результатом своей собственной политики в предыдущие десятилетия.

И, наконец, шестой причиной формирования монизма Европы можно назвать попытки самой России запустить те или иные проекты интеграции на постсоветском пространстве. По большому счету, основным содержанием и сущностью «холодного мира» была безжалостная борьба между великими державами (вклю-

чая ЕС) за укрепление собственного влияния на территории постсоветской Евразии. Ситуация еще более обострилась, когда в середине 2000-х гг. на постсоветском пространстве был запущен целый ряд новых интеграционных проектов экономической и политической направленности. В период после окончания холодной войны было совершено немало попыток институционального оформления процесса евразийской интеграции, однако лишь во время третьего президентского срока Владимира Путина данная задача стала рассматриваться в качестве одного из ключевых приоритетов внешней политики России, что в итоге привело к созданию в январе 2015 г. Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Последней каплей, переполнившей море терпения Москвы, стала предполагаемая попытка Запада вывести Украину из российской сферы влияния в области экономики и безопасности. Збигнев Бжезинский более известен в России, чем на Западе, — и в этой связи не должно вызывать особого удивления, что его аргумент [Brzezinski 1994: 80] о том, что «без Украины Россия перестает быть империей, с Украиной же, подкупленной, а затем и подчиненной, Россия автоматически становится империей» — фактически стал мантрой в среде российской политической элиты, причем отнюдь не в позитивном ключе. В свою очередь, ЕС рассматривал свои действия в отношении Украины лишь в качестве попытки урегулирования текущей ситуации в регионе с исключительно шатким государственным устройством — и добиться этого планировалось в первую очередь технократическими методами. Однако проблема заключалась в том, что действия Евросоюза воспринимались со стороны России как проявление масштабных внешнеполитических амбиций всего евроатлантического сообщества, что, само собой, порождало у Москвы страх и ответную защитную реакцию.

Российское вмешательство в ситуацию на Украине в 2014 г., сопровождавшееся аннексией Крыма и поддержкой сепаратизма на Донбассе, расценивалось Западом в качестве серьезного вызова всей системе международного права. Однако, с точки зрения Кремля — и, говоря шире, подавляющей части населения России — «сражение» за Украину воспринималось скорее как последний рубеж в защите не только российских интересов, но и самой по себе идеи

«Большой Европы», некогда провозглашенной Михаилом Горбачевым, а впоследствии нашедшей свое развитие и продолжение в речи Владимира Путина на Генеральной Ассамблее ООН в 2015 г. [Tsygankov 2015]³. Непосредственной целью российского вмешательства в украинский кризис было стремление выбраться из стратегического тупика, в котором Россия оказалась после окончания холодной войны. Именно поэтому Россия при Владимире Путине — это в высшей степени консервативная страна, которая в международных отношениях делает ставку на сохранение статуса-кво и противодействие так называемому «западному ревизионизму»; последний же, с точки зрения Москвы, выражается в стремлении Запада переформатировать восточноевропейское политическое пространство и распространить евроатлантическую систему обеспечения безопасности к самым границам России. Таким образом, конфликт на Украине следует рассматривать как порождение эпохи «холодного мира» и, как следствие, продукт преобладания сугубо монистического паттерна в мировой политике [Sakwa 2017], поскольку глубокие внутренние противоречия украинского государства вряд ли достигли бы когда-нибудь столь катастрофических масштабов и, тем более, не вышли на глобальный уровень, если бы после окончания холодной войны в Европе не была установлена столь ограниченная по охвату и геополитически неэффективная система обеспечения безопасности.

После инволюции: размышления о будущем Европы

В качестве долгосрочной альтернативы европейскому панконтинентализму можно рассматривать концепцию евроатлантизма. С данных позиций идея «Большой Европы» традиционно осуждалась как способ вбить клин между двумя составными частями — своего рода крыльями — евроатлантического сообщества. Именно по этой причине и был отклонен целый ряд советских и российских инициатив в сфере панъевропейской интеграции. В свою очередь, территориаль-

ное расширение ЕС и присоединение к Евросоюзу государств «новой» Европы только усилило данную тенденцию. В данном контексте не должно вызывать удивления, что традиционная подозрительность России по отношению к Западу получила дополнительную подпитку из-за активных попыток США позиционировать себя в качестве основного гаранта европейской безопасности и руководящего центра всей деятельности НАТО.

В июле 2009 г. в Германском фонде Маршалла было представлено письмо, авторами которого стали ведущие политики, эксперты и аналитики из стран Центральной и Восточной Европы. Данное письмо было адресовано новоизбранному президенту США Бараку Обаме и призывало к возобновлению прежних полноформатных отношений между Вашингтоном и государствами Центральной и Восточной Европы, которые, по мнению подписантов, должны основываться на общей приверженности демократическим ценностям и интересам взаимовыгодного сотрудничества как на территории Европы, так и за ее пределами. Один из авторов письма, бывший министр иностранных дел Чехии Александр Вондра, еще четыре года назад предупреждал, что значительный крен США в сторону *realpolitik* и попыток построения однополярного мира неизбежно повлечет за собой эрозию концепции евроатлантизма. Авторы письма отдельно подчеркивали, что все они являются ярыми приверженцами идеи «евроатлантизма, а также сторонниками НАТО и ЕС», однако с сожалением отмечали, что «спустя двадцать лет после окончания холодной войны взаимоотношения со странами Центральной и Восточной Европы более не являются основным приоритетом внешней политики США». Кроме того, авторы письма акцентировали внимание на том, что именно Россия представляет собой наибольшую потенциальную угрозу для всего региона, особо отметив в данном отношении те негативные последствия, которые имели место после российско-грузинской войны в августе 2008 г.: «Многие государства Европы глубоко обеспокоены тем фактом, что Североатлантический альянс не предпринял никаких действий в ответ на нарушение со стороны России всех возможных принципов Хельсинкского Заключительного акта и Парижской

³ Putin V. 70th Session of the UN General Assembly. 2015. 28 September. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385> (accessed: 13.10.2015).

хартии для новой Европы, а также в ответ на ее посягательство на территориальную целостность страны, которая является членом Совета евроатлантического партнерства и активным участником программы НАТО „Партнерство ради мира“. И все это было совершено Россией лишь ради защиты ее собственной сферы влияния на постсоветском пространстве». Аналогичным образом авторы письма предупреждали и об опасности энергетической зависимости Европы от России.

Признавая, что на глобальном уровне Россия всеми силами стремилась отстаивать статус-кво, авторы письма, тем не менее, настаивали, что на региональном уровне «Россия вновь ведет себя как ревизионистская держава, которая стремится добиться стратегических целей XIX столетия при помощи тактики и методов XXI века». Кроме того, они осудили внешнеполитическую доктрину Медведева как попытку восстановления «европейского концерта наций», призванного заменить «существующую систему безопасности, основанную на ценностном принципе»⁴ (в данном случае речь шла о следующем: в преддверии российско-грузинской войны 2008 г. и сразу же после Бухарестского саммита НАТО, на котором обсуждался вопрос потенциального вступления в Альянс Грузии и Украины, Дмитрий Медведев призвал мировое сообщество к началу переговоров по усовершенствованию предельно неэффективной системы европейской безопасности).

Бесспорно, данное письмо касалось достаточно острых вопросов и вполне обоснованных опасений относительно судьбы европейского континента, однако проблема заключалась в том, что оно лишь констатировало текущую неблагоприятную ситуацию — вместо того, чтобы предложить способ ее преодоления. По большому счету, это был классический ответ с чисто монистических позиций, отражавший далеко зашедшую инволюцию европейской системы обеспечения безопасности после окончания хо-

лодной войны. И, конечно же, данная ситуация многократно усугубилась после завершения эпохи холодного мира и начала новой холодной войны в Европе в 2014 г.

Исторический Запад — или «Малая Европа» — по-прежнему остаются важнейшим актором международных отношений как на региональном, так и на глобальном уровнях, однако в настоящее время Европа и близко не является той гигантской, несокрушимой силой, которая могла бы, как это ожидалось в последние годы холодной войны, запустить мощную цепную реакцию глобальных преобразований [McCormick 2007]. К сожалению, произошло как раз обратное: исключение России из проекта «Широкой Европы» стало одной из ключевых причин обострения напряженности в рамках всего региона, а территориальное расширение евроатлантического сообщества, в свою очередь, породило гегемонизм и монистические устремления целого ряда государств мира.

Однако сейчас, когда при президенте Дональде Трампе США, по-видимому, сами начинают отказываться от того порочного миропорядка, который некогда был ими создан, инволюция Европы вполне может завершиться. К настоящему моменту Дональд Трамп уже денонсировал целый ряд международных договоров — например, Совместный всеобъемлющий план действий (т.е. ядерную сделку) по Ирану от 18 октября 2015 г. и Парижское соглашение по климату от 22 апреля 2016 г., а также, в довершение ко всему, начал торговую войну с Европой. Более того, во время своего визита в Европу в июле 2018 г. Трамп фактически отказался от традиционных евроатлантических связей и обязательств и вместо этого предложил кардинально иную схему трансатлантического взаимодействия. В частности, речь шла о давнем требовании США относительно «более справедливого» распределения расходов на обеспечение европейской безопасности и содержание НАТО; с точки зрения Дональда Трампа, европейские государства должны были взять на себя обязательство по выделению как минимум 2% собственного бюджета на нужды обороны и безопасности. При этом Трамп продемонстрировал ничем не прикрытую враждебность по отноше-

⁴ Open Letter to the Obama Administration from Central and Eastern Europe // *Gazeta Wyborcza*, 15 July 2009. URL: http://wyborcza.pl/1,98817,6825987,An_Open_Letter_to_the_Obama_Administration_from_Central.html?disableRedirects=true (accessed: 13.01.2016).

нию к ЕС, и совершенно неудивительно, что вскоре появились слухи о том, что он якобы пытался принудить Францию к выходу из Евросоюза⁵. Более того, возникли даже предположения, что весь интеграционный проект ЕС вполне может окончательно «рухнуть» [Kearns 2018]. Как следствие, «призрак» многополярной Европы начал постепенно воплощаться в реальность [Krastev, Leonard 2010].

В настоящее время имеются все основания смотреть в будущее с оптимизмом, так как сейчас, после окончания эпохи холодного мира и возобновления глобального противостояния, существует, по крайней мере, пять потенциальных способов преодоления европейского упадка и инволюции.

Во-первых, наверное, самой благоприятной для Евросоюза альтернативой является осуществление проекта «стратегической автономии» ЕС, сформулированного в *Глобальной стратегии* данной организации (июнь 2016 г.). Выход Великобритании из состава ЕС («Брекзит») и, как следствие, устранение британской оппозиции расширению европейского сотрудничества в области обороны и безопасности явным образом ускорили движение в данном направлении. Более того, в ноябре 2017 г. 23 государства ЕС заявили о своем намерении участвовать в программе Постоянного структурированного сотрудничества по вопросам безопасности и обороны (PESCO) [Besch 2017]. Бесспорно, подобный внешнеполитический курс будет сопровождаться попытками общего повышения эффективности и согласованности внешней политики ЕС, в том числе в рамках Европейской службы внешних связей (European External Action Service, EEAS) [Lehne 2017]. Еще одним примером подобной тенденции можно назвать заявление президента Франции Эммануэля Макрона относительно планов ЕС по углублению экономической и бюджетной интеграции в рамках Еврoзоны [Grant 2018]. Данный вариант развития событий гарантирует масштабную структурную трансформацию ЕС

[Zielonka 2014], и, более того, углубление европейской интеграции, что, пожалуй, может стать подлинным кошмаром для евроскептиков и сторонников «Брекзита» [Booker, North 2016].

Во-вторых, существует своего рода контртенденция по отношению к проекту «Большой Европы», которая заключается в активизации дезинтеграционных процессов в рамках ЕС. В данном контексте «Брекзит» знаменовал собой поворотный пункт в истории европейской интеграции, которая до сих пор двигалась лишь в направлении углубления и расширения европейского интеграционного проекта. Проблема усугубляется еще и тем, что в настоящее время у власти в Польше и Венгрии находятся партии, откровенно враждебные по отношению к универсалистским ценностям ЕС, причем их национальные, автохтонные версии «нелиберальной демократии» явным образом входят в противоречие с демократическими принципами верховенства права и независимости судебной власти. Россию нередко обвиняли в попытках разрушения Европейского союза, однако необходимо признать, что очевидный рост популизма как левого, так и правового толка не имел ничего общего с политикой Москвы, хотя в некоторых случаях и присутствовала определенная общность взглядов. Более того, официальная позиция России заключалась в поддержке единства и в то же время абсолютной независимости ЕС. В этой связи очевидный рост недоверия между различными социальными слоями и представителями национальных элит европейских государств был вызван в первую очередь внутренними проблемами ЕС — например, объективными затруднениями в выработке единого общеевропейского курса в отношении таких вызовов региональной безопасности, как миграционный кризис, глобализация и др. Необходимо отметить и тот факт, что инициативу по урегулированию многих вышеперечисленных вопросов взяла на себя Германия, ввиду чего исторические опасения Маргарет Тэтчер и Франсуа Миттерана относительно «германизации» Европы уже не представляются совершенно беспочвенными.

В-третьих, в качестве своего рода антитезы монистической Европе можно рассматривать процесс евразийской интеграции, который вполне может стать действенным способом син-

⁵ Willsher K. Quit the EU for Better Trade Deal, Trump Reportedly Told Macron // The Guardian. 2018. 29 June. URL: <https://www.theguardian.com/business/2018/jun/29/quit-eu-bilateral-trade-deal-trump-told-macron-us-france-terms> (accessed: 20.07.2018).

теза и объединения всего европейского континента. Так, в своей программной статье по теме евразийской интеграции (2011) Владимир Путин, незадолго до своего возвращения на третий президентский срок, подчеркнул бесспорный успех проекта Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана, который был заключен 1 июля 2011 г., а также отметил предстоящее создание (с 1 января 2012 г.) единого экономического пространства между тремя государствами, которое должно внести значительный вклад в гармонизацию их национального законодательства и обеспечение свободного движения капитала, услуг и рабочей силы сквозь их границы. Кроме того, Путин изложил планы по расширению данного проекта, призванного охватить целый ряд иных государств постсоветского пространства, а также анонсировал предстоящее создание Евразийского экономического союза (ЕАЭС), а в перспективе — и Евразийского союза (ЕАС). С точки зрения Владимира Путина, мощный импульс к дальнейшему развитию евразийской интеграции был дан всемирным экономическим кризисом, однако основная причина успеха данного проекта заключалась все же не в этом, а в традиционных связях, основанных на взаимных интересах и потребностях ключевых региональных игроков. Предполагалось, что в будущем Евразийский союз (не путать с ЕАЭС!) будет напрямую управляться наднациональными структурами — в частности, речь шла о придании Евразийской комиссии Таможенного союза гораздо более широких полномочий.

В своей статье Владимир Путин также вкратце описал, каким образом был успешно пройден путь европейской интеграции — путь, занявший более 40 лет и начавшийся с Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), а завершившийся созданием полноценного Европейского союза. Путин высказал предположение, что на евразийском пространстве тот же самый путь будет пройден гораздо быстрее — в первую очередь потому, что его основой станет обширный опыт европейской интеграции. Кроме того, в своей статье он особо подчеркнул, что создание ЕАЭС ни в коем случае не стоит рассматривать как возрождение Советского Союза: новое интеграционное объединение будет открыто для всех заинтересованных государств

и при этом основано на либеральных принципах свободы торговли.

Таким образом, ЕАЭС должен был стать, по замыслу Владимира Путина, своего рода дополнением к Европейскому союзу, а отнюдь не его альтернативой. Цель данного проекта заключалась не в том, чтобы «отгородиться от кого-либо», а в создании нового объединения, которое бы строилось на «универсальных интеграционных принципах как неотъемлемая часть Большой Европы, объединенной едиными ценностями свободы, демократии и рыночных законов». Более того, можно сказать, что ЕАЭС планировался как своего рода «копия» ЕС, т.е. как интеграционное объединение, основанное на принципах максимальной свободы торговли и располагающее нормативно-правовой базой, в общем и целом сходной с законодательством ЕС. В данном контексте будет уместным сказать, что проект евразийской интеграции фактически представлял собой одну из моделей континентального панъевропейского объединения, которая рассматривалась не столько как вызов ЕС, сколько как реальная возможность повышения геополитического статуса евразийских держав. Другими словами, создание ЕАЭС, с одной стороны, можно расценивать как попытку превращения евразийского пространства в отдельный мощный полюс — своего рода столп — многополярной системы международных отношений, а с другой — данный процесс в значительной степени был обусловлен очевидным стремлением России придать больше правосубъектности тем политическим элементам, которые в перспективе могли бы внести существенный вклад в реализацию проекта «Большой Европы». Пожалуй, подобную модель региональной интеграции можно с должным на то основанием назвать одним из ключевых способов преодоления текущей инволюции европейского континента, а также прекрасной возможностью для общего укрепления позиций Европы по отношению к Китаю и всей Азии в целом. Таким образом, создание ЕАЭС было не только и даже не столько самоцелью, сколько действенным способом выстраивания взаимодействия с иными крупными международными акторами — в частности, с руководимым США евроатлантическим блоком, а также с синоцентричной

Азией. По большому счету, подобные задачи делали евразийскую интеграцию в высшей степени амбициозным инструментальным проектом, призванным укрепить позиции России на постсоветском пространстве, однако в то же самое время порождавшим значительные противоречия с соседними государствами [Sakwa 2016]. Пользуясь терминологией Хэлфорда Маккиндера, можно назвать данную политику концепцией обеспечения полного контроля над хартлендом — правда, в отношении евразийской периферии подобное обозначение представляется достаточно условным. С другой стороны, создание ЕАЭС стало своего рода геополитическим ответом на феномен евроатлантического монизма — ответом, утверждавшим принципы интегративного плюрализма.

В-четвертых, зарождение многоформатного проекта «Большой Евразии» представляет собой не только серьезный потенциальный вызов концепту «Большой Европы», но и весомую альтернативу внешнеполитической ориентации России исключительно на взаимодействие с ЕС. Так, Дмитрий Тренин [Trenin 2015] отмечает, что идея «Большой Европы» от Лиссабона до Владивостока постепенно уступает место концепции «Большой Азии» от Санкт-Петербурга до Шанхая. В настоящее время данный проект приобретает все более отчетливые очертания, причем одной из форм его реализации представляется дальнейшее расширение Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) — интеграционного блока, в который первоначально входили лишь Россия, Китай и целый ряд стран Центральной Азии. Однако после Уфимского саммита ШОС в июле 2015 г. было принято решение о расширении организации и присоединении к ней Индии, Пакистана и Ирана, а в перспективе — и еще нескольких государств региона. Таким образом, на сегодняшний день ШОС вышла уже далеко за пределы изначально планировавшейся оси Москва—Пекин и стала самостоятельным центром силы в международных отношениях. В частности, в тексте *Уфимской декларации ШОС 2015 г.* (пункт 6) особо отмечалось, «что мирное сосуществование государств невозможно без всеобщего, добросовестного и последовательного применения общепризнанных принципов и норм международного права». Пожалуй, данный пассаж можно рас-

сматривать как свидетельство возникновения мощного антигегемонистского дискурса, характерного для постзападного многополярного плюралистического мироустройства [Stuenkel 2016]. Подводя итог рассматриваемому вопросу, представляется целесообразным подчеркнуть, что взаимодействие блоков и интеграционных объединений по-прежнему остается серьезной проблемой в международных отношениях, однако оно же является и частью решения, поскольку предоставляет Европе уникальную возможность для выхода из текущего стратегического тупика и преодоления монистической инволюции.

В-пятых, стоит упомянуть о том, что хотя за последние десятилетия концепция «Большой Европы» и утратила значительную часть собственных апологетов на территории всего континента, тем не менее она по-прежнему являет собой наиболее реалистичный и самосогласованный сценарий макрорегиональной интеграции. Данный вариант панъевропеизма, с одной стороны, отнюдь не исключает сохранения исторической, или Малой Европы, а с другой — представляет собой действенный способ институционализации европейского политического плюрализма. Более того, модель «Большой Европы» позволит ЕС стать частью по-настоящему многоформатного проекта европейской интеграции, включающей в себя такие государства, как Россия и Турция, что станет важнейшим шагом на пути к деэскалации текущей напряженности на территории региона [Большая Европа... 2014]. В свою очередь, таким странам, как Украина, Беларусь и Грузия, более не придется делать непростой выбор в пользу той или иной модели интеграции — напротив, они будут действовать в рамках абсолютно плюралистического, а не монистического общеевропейского пространства. Однако и это еще не все: успешная реализация проекта «Большой Европы» и привлечение к нему России неминуемо повлечет за собой создание «Большого Запада», что опять же будет способствовать плюрализации всего мирового порядка.

Заключение

Концепция «Большой Европы», основанная на идее единства, но не унификации огромного континента, простирающегося от Атлантического до Тихого океана, подразумевает интеграцию

Европейского и Евразийского экономического союзов в единое экономическое и политическое целое. Однако в течение последних десятилетий подобные проекты оказались «зажаты» между молотом евроатлантического дискурса и накопленной новых могущественных государств Азии — и, прежде всего, Китая. На сегодняшний день уже выдвигаются амбициозные проекты паназиатской интеграции, в которую должны быть вовлечены Россия, Китай, Южная Корея и целый ряд иных стран мира; тем самым создается современный вариант концепции Шелкового пути. Масштабы и серьезность подобных сценариев значительно разнятся, однако все они нацелены на поиск той формулы, которая могла бы объединить самые разные государства в рамках постевропейского интеграционного процесса. Кроме того, до сих пор возникают жаркие дискуссии относительно того, до какой степени национальный суверенитет участвующих в интеграции государств должен ограничиваться полномочиями наднациональных органов. Однако, несмотря на все эти разногласия, данные концепции являются реальной альтернативой проектам «Малой» и «Широкой» Европы и подразумевают интенсивную интеграцию на евразийском и азиатском пространствах. На наш взгляд, подобный всплеск регионализма на макроуровне отражает попытку целого ряда международных акторов создать новые высокоэффективные политические институты в нестабильных условиях постбиполярного мира, тем самым преодолев очевидную асимметрию международной среды, возникшую после окончания холодной войны.

Таким образом, пространственно-временная конфигурация европейского и евразийского регионов продолжает меняться. В пространственном отношении формулировка трех классических концепций Европы — «Малой», «Широкой» (*wider*) и «Большой» — сопровождается интенсификацией макрорегиональных интеграционных проектов, которые вовлекают в свою орбиту ядро старой, исторической Европы. Вопреки надеждам и ожиданиям последнего периода холодной войны три вышеуказанные интеграционные концепции так и не воплотились в реальность ни в институциональном, ни процессуальном смысле; напротив, произошло дальнейшее усугубление противоречий между Россией и исторической Европой, вызванное, в том числе, включением в состав ЕС и НАТО целого ряда посткоммунистических государств Восточной Европы. В итоге четверть столетия «холодного мира» вплоть до 2014 г. войдет в историю как 25 потерянных лет, в течение которых так и не была решена ни одна из фундаментальных проблем европейской безопасности.

Вместо этого, напротив, постепенно нараставший антагонизм между Западом и Востоком вылился в серьезный и затяжной украинский кризис. «Единая и свободная Европа», создание которой провозглашалось в Парижской хартии 1990 г., так и не воплотилась в реальность; железный занавес вновь опустился на европейский континент, а расцвет государств Азии может окончательно похоронить идею «Большого Запада». ЕС же, не сумевший вырваться из «тисков» евроатлантизма, так и остался на обочине исторического процесса — и в данном контексте представляется вполне логичным, что подобное положение дел все чаще заставляет многих исследователей на Западе всерьез говорить о губительной «петле времени», в которую попала Европа⁶. Более того, инволюция ЕС нашла свое яркое отражение в вопиющей неспособности Европы преодолеть тяжкое наследие холодной войны и взять курс на объединение и примирение.

Проблема усугублялась еще и тем, что провал в реализации проекта «Большой Европы» сопровождался интенсификацией дезинтеграционных процессов. С одной стороны, ЕС стал в еще большей степени важнейшей — но все же частью — евроатлантического сообщества. По словам Вальца [Waltz 2000], «администрация Джорджа Буша-старшего, а затем и Клинтона продолжала видеть в НАТО лишь инструмент поддержания собственного влияния на внешнеполитический и военный курс европейских государств» — и подобная задача еще более облегчалась тем фактом, что Маастрихтский договор ЕС (декабрь 1991 г.) существенно ограничил полномочия европейских государств в сфере обороны и обеспечения региональной безопасности [Waltz 2000: 21]. В свою очередь, Лиссабонский договор 2007 г. окончательно передал

⁶ Jenkins S. Trump is Right: Nato is a Costly White Elephant // *The Guardian*. 2018. 13 July. P. 5.

всю полноту власти и полномочий в данной сфере Североатлантическому альянсу (НАТО), попутно очертив границы, причем достаточно узкие, для применения Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) ЕС. Наряду с этим в тексте *Глобальной стратегии Евросоюза (EUGS)* не говорилось ни слова о выстраивании партнерских взаимоотношений с Россией; напротив, речь шла о строгом осуждении политики Москвы в различных регионах мира, в то время как об основной причине нарастания взаимных противоречий — интенсивном расширении евроатлантической системы на Восток — вообще не упоминалось. Кроме того, данный документ постулировал «стратегическую автономию Евросоюза», а также планы дальнейшего расширения взаимодействия между ЕС с НАТО.

С наступлением новой эры конфронтации на территории европейского континента был разработан целый ряд схем и сценариев, направленных одновременно и на изоляцию России (например, создание Энергетического союза ЕС), и на активизацию сотрудничества с США — в том числе посредством запуска Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП) или даже создания «экономического НАТО». Однако параллельно с глобальной эскалацией напряженности у европейских государств все более крепло убеждение в том, что Россия всегда в обозримом будущем будет соседом ЕС и, следовательно, в интересах самой Европы как можно скорее отыскать новый *modus vivendi* (т.е. способ сосуществования) с мощной ядерной державой, расположенной на Востоке. В свою очередь, это означало настоятельную потребность в реализации концепции «Большой Европы», подразумевающей достижение взаимовыгодных договоренностей с Россией по вопросам обеспечения безопасности и решения ключевых проблем, стоящих перед регионом.

Таким образом, время продемонстрировало несостоятельность концепции «Малой Европы». В частности, резко обострившийся в 2015 г.

миграционный кризис ЕС стал наглядным свидетельством того факта, что только совместными усилиями «Большая Европа» может обрести причитающееся ей место на международной арене и донести до мирового сообщества свою собственную позицию относительно урегулирования крупных геополитических кризисов, разразившихся на территории Ближнего Востока и Северной Африки. «Малая Европа» физически не в состоянии обеспечить собственную безопасность без помощи извне — и в этой связи чем дольше она будет затягивать с примирением с Россией, тем в большей степени последняя будет переориентироваться на интеграцию в рамках широкого евразийского или азиатского пространства. Уже сейчас огромное и все более растущее влияние на ситуацию в Евразии оказывает Китай, а в перспективе, в тесном союзе с Россией, он способен играть роль первой скрипки как в европейской, так и в мировой политике. Опасность заключается в том, что современный антигегемонистский импульс в международных отношениях вполне может породить стремление целого ряда мировых акторов к полному сокрушению власти гегемона и лишению евроатлантической системы тех привилегий, которыми она располагает в настоящее время. Подобная ситуация напрямую ведет к ослаблению позиций Европы и в идеологической сфере, то есть к утрате ею контроля за формированием ценностного дискурса европейского региона. Подводя итог, можно сказать, что инволюция ЕС уже повлекла за собой паралич власти на территории всего континента. Многочисленные концепции, касающиеся будущего Европы, конечно же, по-прежнему будут существовать, но ни одна из них, скорее всего, так и не воплотится в реальность из-за очевидной неспособности европейских государств институционализировать и тем самым претворить в жизнь идею единой Европы, простирающейся от Лиссабона до Владивостока. И именно в этом и состоит трагедия современной Европы.

Библиографический список

- Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы* / под общ. ред. А.А. Громько, В.П. Фёдорова. М.: Издательство «Весь Мир», 2014.
- Besch S. PESCO: Paper Tiger, Paper Tanks? Centre for European Reform. 29 November 2017. URL: <https://cer.eu/publications/archive/bulletin-article/2017/pesco-paper-tiger-paper-tanks> (accessed: 12.01.2018).
- Biebuyck W., Rumford C. Many Europes: Rethinking Multiplicity // *European Journal of Social Theory*. 2012. Vol. 15. Iss. 1. P. 3—20. DOI: <https://doi.org/10.1177/1368431011423567>.

- Booker C., North R.* The Great Deception: Can the European Union Survive? — EU Referendum Edition. London: Bloomsbury, 2016.
- Borg S., Diez T.* Postmodern EU? Integration Between Alternative Horizons and Territorial Angst // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2016. Vol. 54. Iss. 1. P. 136—151. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcms.12327>.
- Brzezinski Z.* The Premature Partnership // *Foreign Affairs*. 1994. Vol. 73. No 2 (March—April). P. 67—82.
- Carr E.H.* The Twenty Years' Crisis, 1919—1939: An Introduction to the Study of International Relations. Reissued with a New Introduction and additional material by Michael Cox. London: Palgrave, 2001.
- Casier T.* The EU—Russia Strategic Partnership: Challenging the Normative Argument // *Europe—Asia Studies*. 2013. Vol. 65. Iss. 7. P. 1377—1395. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2013.824137>.
- Chakrabarty D.* Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference. Princeton: Princeton University Press, 2000.
- Charap S., Colton T.* Everyone Loses: The Ukraine Crisis and the Ruinous Contest for Post-Soviet Eurasia. London: Routledge/Adelphi, 2016.
- Chebankova E.* Ideas, Ideology and Intellectuals in Search of Russia's Political Future // *Daedalus*. 2017. Vol. 146. Iss. 2. P. 76—88. DOI: https://doi.org/10.1162/DAED_a_00436.
- Cooper R.* The Postmodern State and the World Order. London: Demos, 1998.
- Cooper R.* The Breaking of Nations: Order and Chaos in the Twenty-First Century. New York: Atlantic Monthly Press, 2003.
- Cottey A.* Security in the New Europe. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007.
- Diez T.* Normative Power as Hegemony // *Cooperation and Conflict*. 2013. Vol. 48. Iss. 2. P. 194—210. DOI: 10.1177/0010836713485387.
- Geis A.* “The Concert of Democracies”: Why Some States are More Equal than Others // *International Politics*. 2013. Vol. 50. Iss. 2. P. 257—277.
- Geuss R.* Philosophy and Real Politics. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2008.
- Goldgeier J.M., McFaul M.* Power and Purpose: US Policy Toward Russia after the Cold War. Washington, DC: Brookings Institution, 2003.
- Gorbachev M., Ikeda D.* Moral Lessons of the Twentieth Century: Gorbachev and Ikeda on Buddhism and Communism. London: I. B. Tauris, 2005.
- Grant C.* Macron's Plans for the Euro. Centre for European Reform, 23 February 2018. URL: <https://www.cer.eu/insights/macrons-plans-euro> (accessed: 13.06.2018).
- Grenier P.* Why Liberal Modernity Can't Live with any Principle of Order other than Itself: A Study // *Geo-political Philosophy*. 2015. (не опубли.).
- Gromyko A.* Russia, the US, and Smaller Europe (the EU): Competition for Leadership in a Polycentric World. Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences // Working Paper No. 14. 2015. URL: <http://en.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/wp14.pdf> (accessed: 13.06.2018).
- Horvath R.* Putin's 'Preventative Counter-Revolution': Post-Soviet Authoritarianism and the Spectre of Velvet Revolution. London & New York: Routledge, 2013.
- Kearns I.* Collapse: Europe after the European Union. London: Biteback, 2018.
- Krastev I., Leonard M., Bechev D., Kobzova J., Wilson A.* The Spectre of a Multipolar Europe. London: European Council on Foreign Relations, 2010.
- Lehne S.* Is There Hope for EU Foreign Policy? Carnegie Europe, December 2017.
- Lo B.* Medvedev and the New European Security Architecture. Centre for European Reform. July 2009. URL: http://www.cer.org.uk/sites/default/files/publications/attachments/pdf/2011/pbrief_medvedev_july09-741.pdf (accessed: 11.07.2018).
- Manners I., Whitman R.* Another Theory is Possible: Dissident Voices in Theorising Europe // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 2016. Vol. 54. Iss. 1. P. 3—18. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcms.12332>.
- Maslovskiy M.* The Imperial Dimension of Russian Modernisation: A Multiple Modernities Perspective // *Europe—Asia Studies*. 2016. Vol. 68. Iss. 1. P. 20—37. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2015.1116498>.
- McCormick J.* The European Superpower. Basingstoke: Palgrave, 2007.
- Mearsheimer J.J.* Why the Ukraine Crisis is the West's Fault: The Liberal Delusions that Provoked Putin // *Foreign Affairs*. 2014. Vol. 93. Iss. 5. P. 77—89.
- Ruggie J.* Territoriality and Beyond: Problematizing Modernity in International Relations // *International Organization*. 1993. Vol. 47. Iss. 1. P. 139—174.
- Sakwa R.* Russian Political Culture Through the Eyes of Vladislav Surkov: Guest Editor's Introduction // *Russian Politics & Law*. 2008. Vol. 46. Iss. 5. P. 3—7. DOI: <https://doi.org/10.2753/RUP1061-1940460500>.
- Sakwa R.* How the Eurasian Elites Envisage the Role of the EEU in Global Perspective // *European Politics and Society*. 2016. Vol. 17. Supplement. P. 4—22. DOI: <https://doi.org/10.1080/23745118.2016.1171038>.

- Sakwa R.* The Ukraine Syndrome and Europe: Between Norms and Space // *The Soviet and Post-Soviet Review*. 2017. Vol. 44. P. 9—31. DOI: <https://doi.org/10.1163/18763324-04401003>.
- The Struggle for the West: A Divided and Contested Legacy* / ed. by C.S. Browning & M. Lehti. London & New York: Routledge, 2010.
- Stuenkel O.* Post-Western World: How Emerging Powers are Remaking Global Order. Cambridge: Polity, 2016.
- Trenin D.* From Greater Europe to Greater Asia?: The Sino-Russian Entente. Moscow Carnegie Centre, May 2015. URL: <https://carnegie.ru/2015/04/09/from-greater-europe-to-greater-asia-sino-russian-entente-pub-59728> (accessed: 11.07.2018).
- Tsygankov A.P.* Vladimir Putin's Last Stand: the Sources of Russia's Ukraine Policy // *Post-Soviet Affairs*. 2015. Vol. 31. Iss. 4. P. 279—303. DOI: <https://doi.org/10.1080/1060586X.2015.1005903>.
- Waever O.* European Security Identities // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. 1996. Vol. 34. No. 1. P. 103—132.
- Waever O.* Insecurity, Security and Asecurity in the West European Non-War Community // *Security Communities* / ed. by E. Adler, M. Barnett. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 69—118.
- Waltz K.N.* Structural Realism after the Cold War // *International Security*. 2000. Vol. 25. Iss. 1. P. 5—41.
- Zielonka J.* Europe's New Civilizing Missions: The EU's Normative Power Discourse // *Journal of Political Ideologies*. 2013. Vol. 18. Iss. 1. P. 35—55. DOI: <https://doi.org/10.1080/13569317.2013.750172>.
- Zielonka J.* Is the EU Doomed? Cambridge: Polity Press, 2014.

Дата поступления: 02.10.2018

Для цитирования: Саква Р. Постевропейский мир, или Что нас ожидает после инволюции Европы? Монизм и отношения с Россией. Часть 2 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 1. С. 59—76. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-59-76.

Сведения об авторе: Ричард Саква — доктор политических наук, профессор Университета Кента (Великобритания) (e-mail: r.sakwa@kent.ac.uk).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-59-76

Beyond the Involution of Europe? Monism and Relations with Russia

Part 2

R. Sakwa

University of Kent, Canterbury, United Kingdom

Abstract. The crisis in relations between Russia and the European Union (EU) is part of the broader breakdown of the post-Cold War security order. This essay focuses on structural interpretation and identifies four interlinked processes shaping the crisis: tension between the logic of the enlargement and transformation; a dynamic of involution and resistance; the problem of monism, whereby the expanding self is unable adequately to engage with the un-integrated other; and the recent emergence of 'other Europes' that may potentially overcome involution. The erosion of the Atlantic system provides an opportunity for delayed institutional and ideational innovation.

Based on the methodology of classical realism and modern constructivist theories, the author analyzes how the lack of mutual understanding and mistakes in understanding the intentions and actions of Russia, on the one hand, and the West, on the other, led to deep structural and cognitive contradictions that managed to renew confrontation between the Euro-Atlantic bloc and Russia.

The author comes to the conclusion that the impossibility of implementing the "Greater Europe" project with the participation of Russia led to a deepening of the contradictions between Russia and the West, and also forced Moscow to look for an alternative to European integration in the "Greater Eurasia" project. At the same time, the European Union also entered a crisis stage, as evidenced by Brexit.

Key words: Russia, the European Union, monism, "Greater Europe", "Wider Europe", "Smaller Europe", post-bipolar world, involution

References

- Besch, S. (2017). *PESCO: Paper Tiger, Paper Tanks?* Centre for European Reform. URL: <https://cer.eu/publications/archive/bulletin-article/2017/pesco-paper-tiger-paper-tanks> (accessed: 12.01.2018).
- Biebuyck, W. & Rumford, C. (2012). Many Europes: Rethinking Multiplicity. *European Journal of Social Theory*, 15 (1), 3—20. DOI: <https://doi.org/10.1177/1368431011423567>.
- Booker, C. & North, R. (2016). *The Great Deception: Can the European Union Survive? — EU Referendum Edition*. London: Bloomsbury.
- Borg, S. & Diez, T. (2016). Postmodern EU? Integration Between Alternative Horizons and Territorial Angst. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 54 (1), 136—151. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcms.12327>.
- Browning, C.S. & Lehti, M. (Eds.) (2010). *The Struggle for the West: A Divided and Contested Legacy*. London & New York: Routledge.
- Brzezinski Z. (1994). The Premature Partnership. *Foreign Affairs*, 73 (2), March—April, 67—82.
- Carr, E.H. (2001). *The Twenty Years' Crisis, 1919—1939: An Introduction to the Study of International Relations. Reissued with a New Introduction and additional material by Michael Cox*. London: Palgrave.
- Casier, T. (2013). The EU—Russia Strategic Partnership: Challenging the Normative Argument. *Europe—Asia Studies*, 65 (7), 1377—1395. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2013.824137>.
- Chakrabarty, D. (2000). *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*. Princeton: Princeton University Press.
- Charap, S. & Colton, T. (2016). *Everyone Loses: The Ukraine Crisis and the Ruinous Contest for Post-Soviet Eurasia*. London: Routledge/Adelphi.
- Chebankova, E. (2017). Ideas, Ideology and Intellectuals in Search of Russia's Political Future. *Daedalus*, 146 (2), 76—88. DOI: https://doi.org/10.1162/DAED_a_00436.
- Cooper, R. (1998). *The Postmodern State and the World Order*. London: Demos.
- Cooper, R. (2003). *The Breaking of Nations: Order and Chaos in the Twenty-First Century*. New York: Atlantic Monthly Press.
- Cottey, A. (2007). *Security in the New Europe*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Diez, T. (2013). Normative Power as Hegemony. *Cooperation and Conflict*, 48 (2), 194—210. DOI: 10.1177/0010836713485387.
- Geis, A. (2013). “The Concert of Democracies”: Why Some States are More Equal than Others. *International Politics*, 50 (2), 257—277.
- Geuss, R. (2008). *Philosophy and Real Politics*. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2008.
- Goldgeier, J.M. & McFaul, M. (2003). *Power and Purpose: US Policy Toward Russia after the Cold War*. Washington, DC: Brookings Institution.
- Gorbachev, M. & Ikeda, D. (2005). *Moral Lessons of the Twentieth Century: Gorbachev and Ikeda on Buddhism and Communism*. London: I. B. Tauris.
- Grant, C. (2018). *Macron's Plans for the Euro*. Centre for European Reform. URL: <https://www.cer.eu/insights/macrons-plans-euro> (accessed: 13.06.2018).
- Grenier, P. (2015). Why Liberal Modernity Can't Live with any Principle of Order other than Itself: A Study. *Geo-political Philosophy*, 2015 (unpublished).
- Gromyko, A. (2015). *Russia, the US, and Smaller Europe (the EU): Competition for Leadership in a Polycentric World*. Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. Working Paper No. 14. URL: <http://en.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/wp14.pdf> (accessed: 13.06.2018).
- Gromyko, A.A. & Fedorov, V.P. (Eds.). (2014). *Greater Europe. Ideas, Reality, Prospects*. Moscow: Ves Mir.
- Horvath, R. (2013). *Putin's 'Preventative Counter-Revolution': Post-Soviet Authoritarianism and the Spectre of Velvet Revolution*. London & New York: Routledge.
- Kearns, I. (2018). *Collapse: Europe after the European Union*. London: Biteback.
- Krastev, I., Leonard, M., Bechev, D., Kobzova, J. & Wilson, A. (2010). *The Spectre of a Multipolar Europe*. London: European Council on Foreign Relations.
- Lehne, S. (2017). Is There Hope for EU Foreign Policy? *Carnegie Europe*.
- Lo, B. (2009). *Medvedev and the New European Security Architecture*. Centre for European Reform. URL: http://www.cer.org.uk/sites/default/files/publications/attachments/pdf/2011/pbrief_medvedev_july09-741.pdf (accessed: 11.07.2018).
- Manners, I. & Whitman, R. (2016). Another Theory is Possible: Dissident Voices in Theorising Europe. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 54 (1), 3—18. DOI: <https://doi.org/10.1111/jcms.12332>.
- Maslovskiy, M. (2016). The Imperial Dimension of Russian Modernisation: a Multiple Modernities Perspective. *Europe—Asia Studies*, 68 (1), 20—37. DOI: <https://doi.org/10.1080/09668136.2015.1116498>.
- McCormick, J. (2007). *The European Superpower*. Basingstoke: Palgrave.

- Mearsheimer, J.J. (2014). Why the Ukraine Crisis is the West's Fault: The Liberal Delusions that Provoked Putin. *Foreign Affairs*, 93 (5), 77—89.
- Ruggie, J. (1993). Territoriality and Beyond: Problematizing Modernity in International Relations. *International Organization*, 47 (1), 139—174.
- Sakwa, R. (2008). Russian Political Culture through the Eyes of Vladislav Surkov: Guest Editor's Introduction. *Russian Politics & Law*, 46 (5), 3—7. DOI: <https://doi.org/10.2753/RUP1061-1940460500>.
- Sakwa, R. (2016). How the Eurasian Elites Envisage the Role of the EEU in Global Perspective. *European Politics and Society*, 17 (suppl.), 4—22. DOI: <https://doi.org/10.1080/23745118.2016.1171038>.
- Sakwa, R. (2017). The Ukraine Syndrome and Europe: Between Norms and Space. *The Soviet and Post-Soviet Review*, 44, 9—31. DOI: <https://doi.org/10.1163/18763324-04401003>.
- Stuenkel, O. (2016). *Post-Western World: How Emerging Powers are Remaking Global Order*. Cambridge: Polity.
- Trenin, D. (2015). *From Greater Europe to Greater Asia?: The Sino-Russian Entente*. Moscow Carnegie Centre. URL: <https://carnegie.ru/2015/04/09/from-greater-europe-to-greater-asia-sino-russian-entente-pub-59728> (accessed: 11.07.2018).
- Tsygankov, A.P. (2015). Vladimir Putin's Last Stand: the Sources of Russia's Ukraine Policy. *Post-Soviet Affairs*, 31 (4), 279—303. DOI: <https://doi.org/10.1080/1060586X.2015.1005903>.
- Waeber, O. (1996). European Security Identities. *JCMS: Journal of Common Market Studies*, 34 (1), 103—132.
- Waeber, O. (1998). Insecurity, Security and Asecurity in the West European Non-War Community. In: *Security Communities*. Ed. by E. Adler, M. Barnett. Cambridge: Cambridge University Press, p. 69—118.
- Waltz, K.N. (2000). Structural Realism after the Cold War. *International Security*, 25, 1, 5—41.
- Zielonka, J. (2013). Europe's New Civilizing Missions: The EU's Normative Power Discourse. *Journal of Political Ideologies*, 18 (1), 35—55. DOI: <https://doi.org/10.1080/13569317.2013.750172>.
- Zielonka, J. (2014). *Is the EU Doomed?* Cambridge: Polity.

Received: 02.10.2018

For citations: Sakwa, R. (2019). Beyond the Involution of Europe? Monism and Relations with Russia. Part 2. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (1), 59—76. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-59-76.

About the author: Richard Sakwa — PhD, professor of Russian and European politics at the University of Kent (United Kingdom) (e-mail: r.sakwa@kent.ac.uk).

© Саква Р., 2019

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-77-88

Implications of «One Belt, One Road» Strategy for China and Eurasia

Cheng Guo, D.A. Degterev, Zhao Jieli

RUDN University
Moscow, Russian Federation

Chen Lu

University of Science and Technology of Nanjing
Nanjing, Peoples' Republic of China

Abstract. The «One Belt, One Road» (OBOR) initiative was proposed by Chinese President Xi Jinping during his visits to Kazakhstan and Indonesia, in 2013. The initiative «One Belt, One Road» could be fully treated as a comprehensive domestic and foreign policy concept. OBOR is designed to strengthen China as an attractive actor in the global market and advance its soft power. It is mostly aimed at increasing economic exchanges between China and the world.

Historically the concept of the «Silk Road» was not only focused on the trade agenda. It also had rather significant cultural meaning. Obviously, the OBOR initiative could serve as a cultural bridge between China and the world and in this sense, emphasizes the dialogue between civilizations, not only markets and forces. With its long-term interests, China treats OBOR as a grand strategy. The initiative has been extensively discussed among academics and policy-makers both inside and outside China.

The article shows also coordinating efforts of China and Russia in regional development as well as the internationalization of Central Asian region after 1991 and the role of China in this process. Contours of possible great powers rivalry as well as lack of mutual political trust between the Central Asian countries are described.

This article intends to provide the analysis on the issue from the Chinese scholars' perspective.

Key words: China, Silk Road, Maritime Silk Road, «One Belt, One Road», One Axis, Two Wings, National Strategy, FTA Strategy, Second Eurasian Continental Bridge, Central Asia

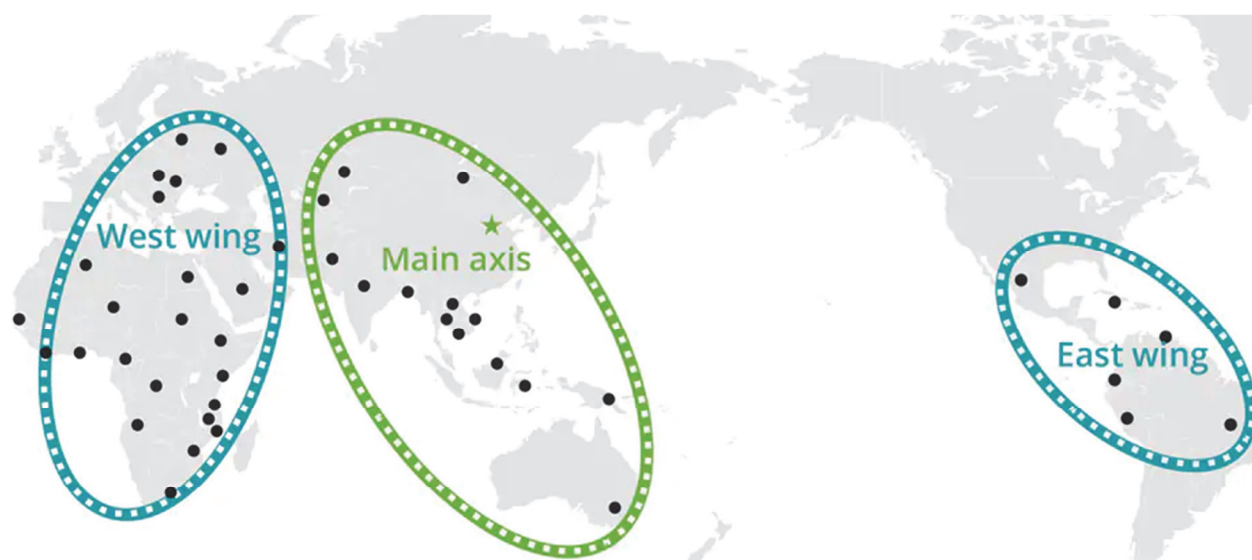
Nowadays the Asia-Pacific region is playing the role of global economic and financial center. Regional share in global gross domestic product (GDP) continues to increase, growing from 30.1 percent in 2000 to 42.6 percent in 2017¹. However, the economic development of various regional countries seems to be more isolated, partly due to the «fragmentation» of the development trend since the «cold war». The region still lacks an effective economic integration.

Moreover, there is a large gap on the level of economic development between countries of «One Axis, Two Wings» (fig. 1), including countries neighboring China (*main axis*), 24 countries in Europe, Africa and elsewhere in Asia (*west wing*) and 7 Latin American countries (*east wing*)², and other countries, engaged in global economic integration process³, promoted by United States and Europe [Fergusson, Williams 2016].

² Embracing the BRI ecosystem in 2018 // Deloitte Insights. February 12, 2018. URL: <https://www2.deloitte.com/insights/us/en/economy/asia-pacific/china-belt-and-road-initiative.html> (accessed: 02.10.2018).

³ Solis M. The Containment Fallacy: China and the TPP. The Brookings Institution. URL: <https://www.brookings.edu/blog/up-front/2013/05/24/the-containment-fallacy-china-and-the-tpp/> (accessed: 02.01.2019).

¹ ADB: Asia-Pacific region's share of global GDP rises to over 42 pct in 2017 // Xinhuanet. September 10, 2018. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-09/10/c_137458047.htm (accessed: 02.01.2019).

Fig. 1. “One Axis, Two Wings”

On January 23, 2017 the new US President D. Trump signed his first executive order to withdraw from Trans-Pacific Partnership, once again declaring his enormous preoccupation about American workers and historical goal to make America great again. Although this step is qualified in terms of Trump’s protectionism ideology, it created a best chance for China to fill the economic vacuum as America looks mostly inward, and expand its sway over Asia and beyond⁴.

On September 7th, 2013, Chinese President Xi Jinping delivered an important speech in Astana, Kazakhstan, where he proposed the Initiative «Silk Road Economic Belt» with innovative mode as the national strategy⁵. Later on October 3rd, 2013, President Xi proposed the «21st Century Maritime Silk Road» Initiative in his speech addressed to the Indonesian parliament⁶. And on March 5th, 2014, Chinese Premier Li Keqiang made the Government

Work Report on economic work, requiring a high level of opening-up strategy, seize planning and constructing of the “Land and Maritime Silk Road” and promoting “Bangladesh-China-India-Myanmar Economic Corridor”, also with the “China-Pakistan Economic Corridor” construction [Khan et al. 2018].

Some Historical Facts (or Traces)

«Silk Road» beyond the history begins east from Chang’an city, capital of both Han (The Han Dynasty is divided by Western Han Dynasty (206 BC — 24 AD) and Eastern Han Dynasty (25 AD — 220 AD)) and Tang Dynasty (618—907), through the Hexi Corridor and Xinjiang, then across Central Asia, West Asia to Europe, with a total length of 7000 km, and the continuation of 2,000 years. The ancient «Silk Road» is divided into northern, central and southern lines, and connected with three oceans (Pacific, Atlantic, Indian Ocean) and five seas (Caspian Sea, the Baltic, the Black Sea, the Mediterranean, the Red Sea). States surrounding did not only trade variety of goods, but also jointly safeguard and maintain the secure channel.

“Marine Silk Road” can be traced back to the Han dynasty, and reached its peak in the Ming dynasty. It is ancient maritime commercial trade route starting in Chang’an city, connecting Asia, Africa and Europe, for thousands of years it became an important corridor connecting with East and West. Nations frequently operated maritime trade peacefully, and promoted mutual exchanges among the coastal states.

⁴ See: Gomez E. US Withdrawal from TPP: Geopolitical and Geoeconomic Gift for China? How far will the U.S. pulling out of the TPP benefit China? // The Diplomat. January 25, 2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/01/us-withdrawal-from-tpp-geopolitical-and-geo-economic-gift-for-china/> (accessed: 02.01.2019).

⁵ President Xi Jinping proposes Silk Road economic belt // China Daily. 7 September 2013. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2013xivisitcenterasia/2013-09/07/content_16951811.htm (accessed: 05.12.2018).

⁶ Chronology of China’s Belt and Road Initiative. The State Council of the People’s Republic of China. URL: http://english.gov.cn/news/top_news/2015/04/20/content_281475092566326.htm (accessed: 02.01.2019).

Fig. 2. Geographic version of the “One Belt, One Road” (OBOR) initiative

Whether the “Silk Road Economic Belt” or the “21st Century Maritime Silk Road” (fig. 2) is the solid basis for economic cooperation and mutual benefits, cultural exchanges. From Chinese viewpoint, insisting on non-interference into internal affairs of regional countries, the initiative does not seek neither influencing regional affairs nor forming spheres of influence.

Geopolitics of Economic Corridors

“One Belt and One Road” is a comprehensive three-dimensional transport network interconnection across the Eurasian continent, consisting of railway, highway, air, maritime transport, oil and gas pipelines, transmission lines and communication networks. The initiative covers the following set of tasks: develop cooperation in capital flows and logistics, increase information exchanges, activate new potential and demonstrate an economic growth. These projects should promote economic prosperity and development in Central Asia, West Asia and South Asia, and the ASEAN region [Vinogradov 2013].

Globally “One Belt and One Road” strategy constitutes a new pattern of China’s all-round opening-up strategy and new strategic diplomatic framework. Many western experts (M. Almeida⁷;

⁷ Almeida M. China’s ‘Marshall Plan’ for the Arab world // Arab News. July 14, 2018. URL: <http://www.arabnews.com/node/1338856> (accessed: 02.01.2019).

M. Auerback⁸; E. Curran⁹; J. Higginbottom¹⁰, Sh. Tiezzi¹¹) qualified this strategy as China’s new “Marshall Plan”. From the connotation of opening-up strategy, from “bring in domestically” to “take outside globally” [Song 2012], opening-up can significantly promote reforms¹². From the scale of opening-up strategy, the implementation of westward strategy in order to develop China’s western region marks the formation of a new pattern. From the depth of opening-up strategy, comply with the development trend of global regional economic integration, accelerate the implementation of the free

⁸ Auerback M. China’s Belt and Road Initiative: a Marshall Plan in reverse // Asia Times. December 5, 2018. URL: <http://www.atimes.com/chinas-belt-and-road-initiative-a-marshall-plan-in-reverse/> (accessed: 02.01.2019).

⁹ Curran E. China’s Marshall Plan // Bloomberg. August 07, 2016. URL: <https://www.bloombergquint.com/china/china-s-marshall-plan#gs.yimC7u4z> (accessed: 02.01.2019).

¹⁰ Higginbottom J. Why China’s Marshall Plan is scaring the neighbors? // OZY. December 10, 2018. URL: <https://www.ozy.com/fast-forward/why-chinas-marshall-plan-is-scaring-the-neighbors/90914> (accessed: 02.01.2019).

¹¹ Tiezzi Sh. The New Silk Road: China’s Marshall Plan? // The Diplomat. 6 November 2014. URL: <http://thediplomat.com/2014/11/the-new-silk-road-chinas-marshall-plan/> (accessed: 05.12.2018)

¹² Xi Jinping and His Era // China Daily. November 18, 2017. URL: http://www.chinadaily.com.cn/kindle/2017-11/18/content_34683261.htm (accessed: 02.01.2019).

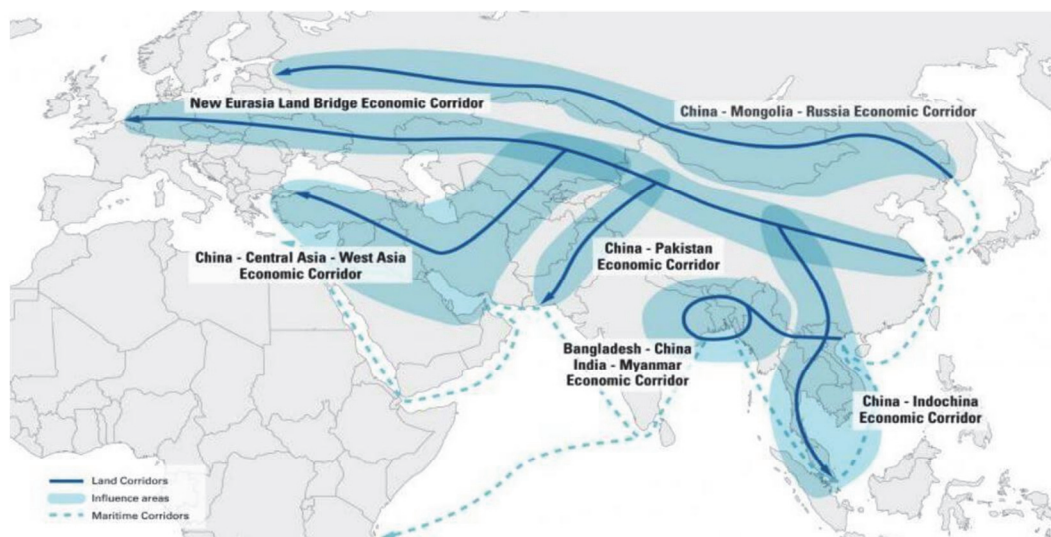

Fig. 3. Overview of the economic corridors of the OBOR initiative

trade zone strategy in order to achieve free flow of goods, capital and labor. Meanwhile, the geographical scope of “One Belt and One Road” is open. It primarily comes from but is not limited to the ancient “Silk Road” and “Marine Silk Road”. Central Asia, Russia, South Asia and Southeast Asia are being key priority. Middle East and East Africa are basically the intersection land of “One Belt and One Road”. Europe, CIS and Africa should also be taken into account in the long term strategic consideration [Degterev, Li Yan, Trusova, Cherniaev 2018].

China contributed to creation of the transport channel from Pacific Ocean to Baltic Sea via the Second (New) Eurasian Continental Bridge (fig. 3) in the northwest, strengthening energy and infrastructure cooperation with Central Asian countries, and closely connecting Central Asia’s “depressed area” with the world’s largest economy EU and the global economic center. China and Pakistan have jointly built “China-Pakistan economic corridor” by opening up passage from Xinjiang through Pakistan to the Indian Ocean. Southwest China is also committed to creating «Bangladesh-China-India-Myanmar Economic Corridor» (see fig. 3) in order to connect southwest China, Indochina and the Malay Peninsula [Du, Ma 2015].

“Marine Silk Road” is based on policy of opening-up southeastern China’s coastal areas to the Asia-Pacific region via FTA negotiations with Japan and South Korea; strengthening investment, trade and financial cooperation with Chinese Taiwan; es-

tablishing the upgrade China-ASEAN Free Trade Zone; speeding up infrastructure interoperability; and further broadening financing channels for co-operation projects. “Marine Silk Road” can further extend northward and connect with Russia’s “North Sea Road” (Arctic route), strengthening port and other infrastructure construction cooperation with Russia [Yagiya, Kharlampieva, Lagutina 2015].

Free Trade Areas Strategy of China

WTO Doha Round of negotiations have stranded, showing that WTO is becoming a minimum threshold of global free trade cooperation. Foreign trade strength of the developed countries under the impact of the current round of economic crisis has declined, and the market potential of emerging economies is further highlighted. In order to weaken the influence of emerging states on the international economic order, regional trade liberalization has gradually become a policy tool for balancing global trade patterns for traditional European and American economic powers. The global trading system has witnessed some major changes with its key trend — the regional trade liberalization, which prioritizes the free trade zone strategy. For example, Japan launched the full free trade area strategy, widely practicing free trade agreements in Asia¹³.

¹³ Yoichiro S. Free-Trade Agreements in the Asia-Pacific: Competitive Aspects of Sub-Regional Trade Institution Building. URL: <https://apcss.org/Publications/Edited%20Volumes/RegionalFinal%20chapters/Chapter14Sato.pdf> (accessed: 02.01.2019).

The process of regional trade liberalization development implies the formation of new international trade rules. For China, the most important task is to provide these rules in accordance with China's own wishes. However, these rules are often formed by the developed countries, and consequently reflect their demands and interests. If these rules eventually dominate the new order, then it could lead to the emergence of new global political and economic development imbalances. In this case, China has to develop an overall strategic plan to actively respond to the challenges of the regional trade liberalization.

At present, China's FTA strategy has an initial prototype, with a total of 18 free trade areas undergoing, involving 31 countries and regions worldwide. 12 free trade agreements have officially been negotiated and signed, involving 20 countries and regions; 6 FTAs are being negotiated, involving 22 countries [Kostyunina, Baronov 2018; Zeng 2016]. Despite the significant achievements, the following set of problems is still present at the China's FTA strategy:

1. *Narrow geographical range, low economic levels.* Covering mainly the area in Southeast Asia, Central America and Oceania, the key trading partners are mostly developing countries. In this regard it's difficult to compare China's FTA strategy with any other current existing trade agreements in scope.

2. *Simple form, lack of depth.* Agenda includes mainly the tariff concessions, with limited coverage of intellectual property, competition policy and other non-traditional issues.

3. *Lack of leadership for regional trade cooperation without enough potential for changing the international trade system.*

China and Russia: Regional Co-development

With the interest to strengthen the economic ties between European and Asian countries, deepen the mutual cooperation and accelerate promotion of "Silk Road Economic Belt" construction, China and Central Asian countries should negotiate and make appropriate arrangements on the promotion of trade and investment facilitation issue. Some Central Asian countries such as Kazakhstan and Kyrgyzstan are members of Eurasian Economic Union, thus the FTA negotiations between China and Central Asian countries implies negotiations between China and Eurasian Union with participa-

tion of Russian Federation. China should also actively participate in regional organizations such as Shanghai Cooperation Organization [Zhu, Han 2015; Yurtaev, Rogov 2017].

China's revitalization of North-East strategy can effectively be associated and coordinated with Russia's strategy aimed at developing Eastern Siberia and the Far East. The 2012 APEC summit that took place in the Far Eastern city Vladivostok, Russia, marks the launch of Russia's new Asia-Pacific strategy. Sanctions launched by Western countries against Russia since 2014 around the Ukraine crisis prompted Russia to accelerate speed of strategic eastward development. So, the eastern part of Russia due to its geographical conditions, is getting great opportunity of participating in the Asia-Pacific political and economic integration process. Thus, Russia's strategy is closely linked to China's, both governments need to revise and review "North-East China, East Siberia and the Far East Russia Cooperation Plan (2009—2018)" which had officially been signed by China and Russia in 2009¹⁴. However, so far, the Plan was not successfully developed due to multiple complicated reasons¹⁵.

Comparing China's "One Belt and One Road" strategy with the «Silk Road» plan or program that United States or Europe have ever offered, the biggest feature is its openness and inclusiveness. United States' "New Silk Road" plan¹⁶ is aimed to open up a south channel to the Indian Ocean for Central Asia through Afghanistan, Pakistan and India, in order to make Central Asian countries get rid of dependence on Russia and China. Europe's "Europe-Caucasus-Asia transport corridor" (TRACECA) program¹⁷ has almost the same goals with the United States' "New Silk Road" plan (fig. 4).

¹⁴ Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири России и Северо-Востока КНР на 2009—2018 гг. URL: http://www.russchinatrade.ru/assets/files/ru-ru-cn-coop/programm_coop.pdf. Дата обращения: 19.12.2018.

¹⁵ Zuenko I. A Chinese-Russian Regional Program Ends With a Whimper // Carnegie Moscow Center, 26.09.2018. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77341> (accessed: 02.01.2019).

¹⁶ U.S. Support for the New Silk Road. U.S. Department of State. URL: <https://2009-2017.state.gov/p/sca/ci/af/newsilkroad/index.htm> (accessed: 02.01.2019).

¹⁷ EU support to the Europe—Caucasus—Asia Transport Corridor. Brussels. February 28, 2012. European Commission. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-12-141_en.htm?locale=en (accessed: 02.01.2019).

Fig. 4. Eurasian Railway and Road Corridors

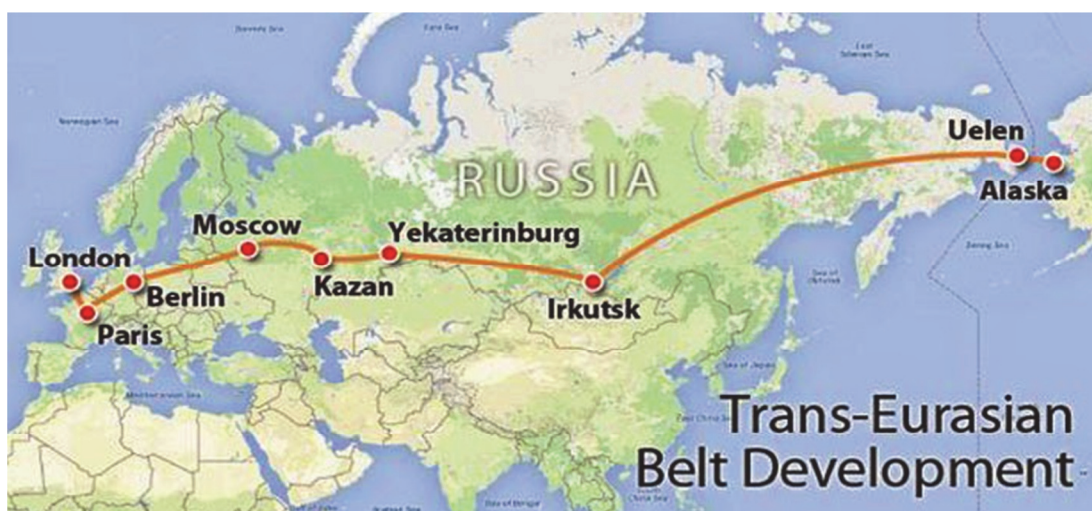

Fig. 5. Russia's "Trans-Eurasian belt development program"

The purpose of the Russia-led Eurasian integration process is to re-integrate original Soviet Republics in the region through the Eurasian Economic Union. Meanwhile, Russia also realizes the geopolitical importance of the Caspian Sea as a transport hub, and takes active participation in the Pan-European transport network with European standards on "North-South transport corridor" project (see fig. 4). The main purpose of "North-South transport corridor" is to ensure transport and logistics security of the Nordic countries, Russia and the Persian Gulf, the Indian Ocean and Southeast Asian countries through Iran; and ensure cargo security from Europe and the Nordic countries to Moscow and St. Peters-

burg; and through ports of Caspian Sea to the Central Asian countries.

In addition, the "Trans-Eurasian Belt Development Program"¹⁸ proposed by the Russian national railway company has been demonstrated by the Bureau of the Russian Academy of Sciences, and has the high potential to become major national strategy (fig. 5). As an important starting point of the development of Siberia and the Far East, the concept

¹⁸ Trans-Eurasian Belt Development: A Long Trip Home. URL: <http://sites.psu.edu/markmarich/2016/04/13/trans-eurasian-belt-development-a-long-trip-home/> (accessed: 02.01.2019).

of “Trans-Eurasian belt development program” uses the Trans-Siberian railway as the backbone, to build a grand belt development corridor starting from the Atlantic Ocean to Europe, to Siberia and to the Pacific Ocean, and then across the Bering Strait into Alaska to connect with North America which integrates transportation, energy and telecom. That will favor Russia in becoming the core of the interests of three regions: Western Europe, North America and Southeast Asia, geographically and geopolitically [Lukin, Yakunin 2018].

The first Eurasian continental bridge (or the Eurasian Land Bridge) is the rail transport route for moving freight and passengers overland between Pacific seaports in the Russian Far East and China and seaports in Europe via “Transsib” railroad¹⁹. The starting point of the Pacific Vladivostok harbor is frozen in winter, though another Russian port — Nakhodka (Nakhodka Commercial Sea Port) — located not far from Vladivostok port, is one of leading non-freezing ports in the Far East. As Nakhodka Port has recently been declared a Free Economic Zone, it can get numerous advantages being a key point within the “One Belt and One Road”.

Internationalizing Central Asia

In the 1990s, after the independence of the Central Asian countries, the construction of the Second Eurasian Continental Bridge had been actively promoted by China. The opening in 1992 of international rail transport at the border-crossing points, Dostyk-Alashankou and Altynkol-Khorgos, connecting China and Kazakhstan has promoted the economic ties between the Central Asian states and foreign countries²⁰. The scope of the Second Eurasian Continental Bridge is broad, including not only the interconnection, but also highways, aviation, communications, and other aspects such as customs cooperation, transit, rail freight, etc. The Second

¹⁹ See: Debreczeni G. The New Eurasian Land Bridge: Opportunities for China, Europe, and Central Asia // The Public Sphere. URL: http://publicspherejournal.com/wp-content/uploads/2016/02/02.eurasian_land_bridge.pdf (accessed: 02.01.2019).

²⁰ See: Nuryshv S. Kazakhstan and China: Strategic Partnership and Good-Neighborliness. The Ministry of Foreign Affairs of Kazakhstan. URL: <http://mfa.gov.kz/en/content-view/shakhrat-nuryshv-kazakhstan-and-china-strategic-partnership-and-good-neighborliness> (accessed: 02.01.2019).

Eurasian continental bridge could contribute for Central Asia to build a solid road transport hub on the Eurasian continent.

The international community demonstrates an unprecedented enthusiasm in this regard, some financial institutions are being actively involved in the launch of the transportation cooperation projects, both in Europe²¹ and in Asia (Central Asia Regional Economic Cooperation (CAREC) project proposed by the Asian Development Bank²²).

China provided exports ports for Kazakhstan goods, and opened up a number of land crossings²³. Turkmenistan, a landlocked and resource-rich Central Asia country, routing by a 925-km stretch of railway, built jointly by the three Caspian neighbours (Kazakhstan, Turkmenistan and Iran), eases the exchange of goods between the Turkmenistan and the countries lying along the Indian Ocean and the Persian Gulf²⁴. Flood of cheap goods from China, Iran, Turkey and other countries were exported into Central Asian countries to alleviate domestic economic crisis and ensure the basic needs of people.

Due to the slow economic recovery of Central Asia, limited transit capacities, and security threats, the economic cooperation within the region still remains very smooth, transport cooperation faces real troubles. Western countries are mostly concerned about the energy development in Central Asia and democratic process. Transportation plans of the United States and Europe towards Central

²¹ European Commission identifies the infrastructure priorities and investment needs for the Trans-European Transport Network until 2030. European Commission. URL: https://ec.europa.eu/transport/themes/infrastructure/news/2015-01-15-corridors_en (accessed: 02.01.2019).

²² Central Asia Regional Economic Cooperation: Supporting Capacity Development Needs of CAREC 2020. Asian Development Bank. Technical Assistance Report. Project Number: 46140-001. December 2012. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/project-document/75173/46140-001-reg-tar.pdf> (accessed: 02.01.2019).

²³ See: Nuryshv S. Kazakhstan and China: Strategic Partnership and Good-Neighborliness. The Ministry of Foreign Affairs of Kazakhstan. URL: <http://mfa.gov.kz/en/content-view/shakhrat-nuryshv-kazakhstan-and-china-strategic-partnership-and-good-neighborliness> (accessed: 02.01.2019).

²⁴ See: Gurt M. Landlocked Central Asia gets shorter railway link to Persian Gulf // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/turkmenistan-railway/landlocked-central-asia-gets-shorter-railway-link-to-persian-gulf-idINKCN0JH1Q820141203> (accessed: 02.01.2019).

Asia are focused on preventing Russian geopolitical growth.

The Central Asian countries can't accept the construction of standard gauge railway: transit operations are hindered by the difference in railway track gauges in China and the EU (1.435 m), and in Russia, Belarus, and Kazakhstan (1.520 m) which also affects the transport and customs clearance facilitation. In this case, the Second Eurasian continental bridge still remain in the conception and planning, hardly be operated, and hardly be an optimistic international transport option [Rakhimov 2014]. "Silk Road economic belt" can help to break these challenges, and promote the implementation of a number of international projects, giving the Second Eurasian continental bridge new vitality.

Great Game around OBOR

"One Belt and One Road" could seriously change regional status-quo and thus it faces serious geopolitical challenges implicating major powers, including US.

Over the past decade, USA launched two wars in Afghanistan and Iraq, and also engaged in "Great Central Asia Program", "New Silk Road Program", "Great Middle East initiative", etc., in order to bring Eurasian area into the direct US sphere of influence. The formation and development of the China's "Silk Road economic belt" will absolutely improve China's strategic position and obviously challenge the US strategic interests. Actually, many American scholars consider "Silk Road" as China's counter strategy in responding the US containment [Wuthnow 2017]²⁵.

Apart from China and USA, Russia and Iran are states which have close relations with five Central Asian countries. Cross ties between these four countries are very complicated. Thus, Sino—US relations reflect the track "rising power" — "hegemon". Russia and Iran are strengthening their ties in the framework of the Syrian conflict settlement. China and Russia have the comprehensive strategic cooperative partnership, though relations between China and US are also solid [Badrutdinova, Degterev, Stepanova 2017]. Iran is China's largest trading partner in the West Asia.

Russia historically considers Central Asia as its "backyard". The formation of the "Silk Road economic belt" should be natural process with respecting equality principle and advocating mutual benefits, finally strengthening common dreams for countries and peoples. Bilateral relations between Russia and China are deepening, especially in security and political areas. However, Russia have some concerns regarding China's growing influence in Central Asia [Dadabaev 2018]. In fact, without Russia's support "Silk Road economic belt" is difficult to be formed.

Apart from major powers rivalry, there is a certain lack of mutual political trust between the Central Asian countries. Central Asia possesses a number of regional integration mechanisms (Organization of Collective Security Treaty, Shanghai Cooperation Organization, etc), with different directions of integration process [Haas 2017]. The successful regional economic cooperation should start as a precondition from having stable political relations and the commitment to transfer a part of "sovereignty", which requires a high level of political confidence and mutual trust.

Central Asian countries still have vulnerability and uncertainty of political environment. "Three evil forces" (terrorism, separatism and extremism) is essentially a political issue, but it has significantly closed ties with the Islamic Revival Movement which raised since the 1970s. The color revolutions in Kyrgyzstan and other Central Asian countries in the recent years provoked the formation and development of religious extremism, terrorism and ethnic separatist forces [Vinokurov, Libman 2012].

At present, relations between China and relevant countries involved into "Silk Road Economic Belt" are generally favorable, but mainly reflect the level of senior government. The local civil attitude towards China is still quite complicated: realizing the positive trend for the common development, societies are deeply concerned and even worried about the rapid Chinese development. The so called "China threat theory" has a great market among Central Asia countries [Denoon 2015]. And US' Central Asia policy, aimed at containing China, has penetrated the "Anti-China" ideology into local people's concept [Dobbins 2018]. It makes China more difficult to demonstrate its own competence of soft power skills in the region.

²⁵ Cooley A. New silk route or classic developmental cul-de-sac? The prospects and challenges of China's OBOR initiative // Ponars. 2015. URL: <http://www.ponarseurasia.org/node/7833> (accessed: 21.11.2018).

***

It is expected that a thorough coordination of efforts and flexible strategies of the relevant countries of the “Silk Road Economic Belt” initiative would permit to form a third economic cooperation shaft axis across the Eurasian continent, besides the Atlantic and Pacific Economic Cooperation axis in the global scale. China, as a country that has conceived this initiative, should be mostly focused on advancing common goals rather than its own national interests.

China has clearly declared that it does not and will not seek the great power status in this belt, neither any other countries will seek for “core and edge” exploitative economic relations, nor attached with the attachment unequal economic relations. All countries involved are equal participants, participating in the project on the principles of equality and

mutual benefit. In this process, China advocates a new concept of justice and value of “giving more, taking less”, which is essentially different from the underlying purpose of the “New Silk Road Plan” pushed by certain hegemonic countries. China should fully apply and explain this viewpoint to neighboring countries and other states in order to get more trust and support and to avoid the rebound of “neo-colonial theory” or “spheres of influence” theory.

“One Belt, One Road” is an open cooperation initiative, countries outside the region are always welcomed to participate. The cooperation with Russia and Central Asian countries is actively developing. The possibility of cooperation with the US and European powers in this framework should not be excluded.

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the scientific project of Russian Humanitarian Scientific Fund — Chinese Academy of Social Sciences No 17-27-21002 «Russian and Chinese assistance to Asian and African countries: comparative analysis and coordination prospects».

REFERENCES

- Badrutdinova, K., Degterev, D. & Stepanova, A. (2017). Interconnections among the United States, Russia and China: Does Kissinger’s American Leadership Formula Apply? *International Organisations Research Journal*, 12 (1), 81—109. DOI: 10.17323/1996-7845-2017-01-81. (In Russian).
- Dadabaev, T. (2018). “Silk Road” as foreign policy discourse: The construction of Chinese, Japanese and Korean engagement strategies in Central Asia. *Journal of Eurasian Studies*, 9 (1), 30—41. <https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.12.003>. (In Russian).
- Degterev, D.A., Li Yan, Trusova, A.A. & Cherniaev, M.S. (2018). Priorities of Russian and Chinese Development Cooperation to Asia and Africa: A Comparative Analysis. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (4), 888—905. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-888-905. (In Russian).
- Denoon, D. (2015). *China, The United States, and the Future of Central Asia: U.S.—China Relations*. Vol. 1. N.Y.: New York University Press.
- Dobbins, J. (2018). *Conflict with China: Prospects, Consequences, and Strategies for Deterrence*. RAND: Arroyo Center. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/occasional_papers/2011/RAND_OP344.pdf (accessed: 17.12.2018).
- Du, D. & Ma, Y. (2015). One Belt One Road: Grand geo-strategy for the rising China. *Geographical Research*, 34 (6), 1005—1014.
- Fergusson, I.F. & Williams, B.R. (2016). *The Trans-Pacific Partnership (TPP): Key Provisions and Issues for Congress*. Congressional Research Service 7-5700. R44489. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R44489.pdf> (accessed: 26.10.2018).
- Haas, M. (2017). Relations of Central Asia with the Shanghai Cooperation Organization and the Collective Security Treaty Organization. *The Journal of Slavic Military Studies*, 30 (1), 1—16.
- Zhu, C. & Han J. (2015). The Status Quo of FTAs along the Proposed Route of the “Belt and Road Initiative” and China’s FTA Strategy. *Asia-Pacific Economic Review*, 4, 44—50.
- Khan, M., Sandano, I., Pratt, C. & Farid T. (2018). China’s Belt and Road Initiative: A Global Model for an Evolving Approach to Sustainable Regional Development. *Sustainability*, 10 (11), 1—20. DOI:10.3390/su10114234.
- Kostyunina, G.M. & Baronov, V.I. (2018). China’s Regional Integration Agreements in the Framework of Model “South—South”. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (3), 612—627. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-3-612-627. (In Russian).
- Lukin, A. & Yakunin, V. (2018). Eurasian integration and the development of Asiatic Russia. *Journal of Eurasian Studies*, 9 (2), 100—113. (In Russian).

- Muratshina, K.G. (2017). The Programme of Cooperation Between Russian Far East and Eastern Siberia and Chinese North-Eastern Regions (2009—2018) and its role, evolution and risks in the Russian-Chinese cross-border interaction. *Tomsk State University Journal*, 417, 110—121. DOI: 10.17223/15617793/417/16. (In Russian).
- Rakhimov, K.K. (2014). Infrastructure Projections of Geoeconomics in the Central Asia. *Vestnik RUDN. International Relations*, 14 (4), 137—147. (In Russian).
- Song, G. (2012). China's Free Trade Agreement Strategies. *The Washington Quarterly*, 35 (4), 107—119. DOI: <https://doi.org/10.1080/0163660X.2012.726425>.
- Vinogradov, A. (2013). Politics and Economics: 35 Years of Discussion. In: *The 18th Congress of the CPC: New Tasks and Development Prospects*. Proceedings of the Annual Scientific Conference of the Center for Policy Studies and Forecasts, RAS Institute of Far Eastern Studies. Information materials. Series B "Society and the State in China in the Period of Reforms". Moscow, Iss. 28, p. 65—75. (In Russian).
- Vinokurov, E. & Libman, A. (2012). *Eurasian Integration: Challenges of Transcontinental Regionalism*. London: Palgrave Macmillan.
- Wuthnow, J. (2017). *Chinese Perspectives on the Belt Road Initiative: Strategic Rationales, Risks, and Implications*. Center for the Study of Chinese Military Affairs, Institute for National Strategic Studies. Washington: National Defense University.
- Yagiya, V.S., Kharlampieva, N.K. & Lagutina, M.L. (2015). The Arctic — a New Region for the China's Foreign Policy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 15 (1), 43—52. (In Russian).
- Yurtaev, V.I. & Rogov, A.S. (2017). BRICS and SCO: Particular Qualities of Formation and Activities. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (3), 469—482. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-469-482. (In Russian).
- Zeng, K. (2016). China's Free Trade Agreement Diplomacy. *The Chinese Journal of International Politics*, 9 (3), 277—305. DOI: <https://doi.org/10.1093/cjip/pow009>.

Received: 03.12.2018

For citations: Cheng Guo, Chen Lu, Degtarev, D.A. & Zhao Jelin. (2019). Geopolitical Implications of China's "One Belt One Road" Strategy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (1), 77—88. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-77-88.

About the authors: *Cheng Guo* — Postgraduate Student, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: ivanlee25@gmail.com).

Chen Lu — Professor, University of Science and Technology of Nanjing, China (e-mail: hanfeng68@sina.com).

Degtarev Denis Andreevich — PhD in Economics, Head of Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia (e-mail: degtarev-da@rudn.ru).

Zhao Jelin — Postgraduate Student, Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: zhaojelin@163.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-77-88

Значение стратегии «Один пояс, один путь» для Китая и Евразии

Чэн Го, Д.А. Дегтерев, Чжао Цзелинь

Российский университет дружбы народов,
Москва, Российская Федерация

Чэнь Лу

Университет науки и технологий Нанкина
Нанкин, Китайская Народная Республика

Инициатива «Один пояс, один путь» была предложена президентом Китая Си Цзиньпином во время его визитов в Казахстан и Индонезию в 2013 г. Данная инициатива может восприниматься в качестве инструмента как внутренней экономической, так и внешней политики КНР. Стратегия призвана укрепить Китай как привлекательного игрока на мировом рынке и усилить его мягкую силу. Реализация стратегии предусматривает в основном расширение экономических обменов между Китаем и внешним миром.

Исторически концепция «Шелкового пути» была ориентирована не только на развитие международной торговли. Она также имеет значительную гуманитарную составляющую. Очевидно, что данная инициатива будет служить культурным мостом между Китаем и зарубежными странами и в этом смысле способствует формированию диалога между цивилизациями, а не только между рынками или крупнейшими мировыми игроками. Китай с его долгосрочными интересами рассматривает «Один пояс, один путь» как важную составляющую своей большой стратегии. Эта инициатива широко обсуждается учеными и политиками как в Китае, так и за его пределами.

В статье показаны координация усилий Китая и России по вопросам регионального развития, а также интернационализация региона Центральной Азии после 1991 г. и роль Китая в этом процессе. Описаны контуры возможного соперничества великих держав, а также отсутствия взаимного политического доверия между странами Центральной Азии в контексте реализации стратегии.

Данная статья позволяет взглянуть на вопрос реализации стратегии «Один пояс, один путь» с точки зрения китайских исследователей.

Ключевые слова: Китай, «Шелковый путь», «Морской шелковый путь», «Один пояс, один путь», Второй Евразийский континентальный мост, Центральная Азия

Благодарности: Статья подготовлена в рамках научного проекта РГНФ — Китайская академия общественных наук (КАОН) № 17-27-21002 на тему «Российская и китайская помощь странам Азии и Африки: сравнительный анализ и перспективы координации».

Библиографический список

- Бадрутдинова К.Р., Дегтерев Д.А., Степанова А.А.* Отношения в треугольнике США—РФ—КНР: соблюдается ли формула лидерства Г. Киссинджера? // *Вестник международных организаций*. 2017. Т. 12. № 1. С. 81—109. DOI: 10.17323/1996-7845-2017-01-81.
- Виноградов А.В.* Политика и экономика: 35 лет дискуссии // «18 съезд КПК: новые задачи и перспективы развития». Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН. Информационные материалы. Серия В «Общество и государство в Китае в период реформ». М., 2013. Вып. 28. С. 65—75.
- Дадабаев Т.* «Шелковый путь» как внешнеполитический дискурс: построение китайских, японских и корейских стратегий взаимодействия в Центральной Азии // *Журнал евразийских исследований*. 2018. Т. 9. № 1. С. 30—41. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2017.12.003>.
- Дегтерев Д.А., Ли Я., Трусова А.А., Черняев М.С.* Приоритетные направления российской и китайской помощи в целях развития странам Азии и Африки: сравнительно-сопоставительный анализ // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 4. С. 888—905. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-4-888-905.
- Костюнина Г.М., Баронов В.И.* Особенности региональных интеграционных соглашений с участием Китая в рамках модели Юг—Юг // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2018. Т. 18. № 3. С. 612—627. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-3-612-627.
- Лукин А., Якунин В.* Евразийская интеграция и развитие азиатской России // *Журнал евразийских исследований*. 2018. Т. 9. № 2. С. 100—113. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.euras.2018.07.003>.
- Муратишина К.Г.* Программа сотрудничества регионов Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009—2018 гг. в российско-китайском трансграничном взаимодействии: значение, эволюция, риски // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 417. С. 110—121. DOI: 10.17223/15617793/417/16.
- Рахимов К.К.* Инфраструктурные проекции геоэкономики в Центральной Азии // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2014. № 4. С. 137—147.
- Юртаев В.И., Rogov A.C.* ШОС И БРИКС: Особенности участия в процессе евразийской интеграции // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 3. С. 469—482. DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-3-469-482.
- Ягья В.С., Харламьева Н.К., Лагутина М.Л.* Арктика — новый регион внешней политики Китая // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Международные отношения. 2015. № 1. С. 43—52.
- Denoon D.* China, The United States, and the Future of Central Asia: U.S. — China Relations, Vol. 1. N.Y.: New York University Press, 2015.
- Dobbins J.* Conflict with China: Prospects, Consequences, and Strategies for Deterrence. RAND: Arroyo Center, 2018. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/occasional_papers/2011/RAND_OP344.pdf (accessed: 17.12.2018).
- Du D., Ma Y.* One Belt One Road: Grand geo-strategy for the rising China // *Geographical Research*. 2015. Vol. 34. No. 6. P. 1005—1014.

- Fergusson I.F., Williams B.R.* The Trans-Pacific Partnership (TPP): Key Provisions and Issues for Congress. Congressional Research Service, 2016. 7-5700. R44489. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/R44489.pdf> (accessed: 26.10.2018).
- Haas M.* Relations of Central Asia with the Shanghai Cooperation Organization and the Collective Security Treaty Organization // *The Journal of Slavic Military Studies*. 2017. Vol. 30. No. 1. P. 1—16.
- Zhu C., Han J.* The Status Quo of FTAs along the Proposed Route of the “Belt and Road Initiative” and China’s FTA Strategy // *Asia-Pacific Economic Review*. 2015. No. 4. P. 44—50.
- Khan M., Sandano I., Pratt C., Farid T.* China’s Belt and Road Initiative: A Global Model for an Evolving Approach to Sustainable Regional Development // *Sustainability*. 2018. Vol. 10. No. 11. P. 1—20. DOI:10.3390/su10114234.
- Song G.* China’s Free Trade Agreement Strategies // *The Washington Quarterly*. 2012. Vol. 35. No. 4. P. 107—119. DOI: <https://doi.org/10.1080/0163660X.2012.726425>.
- Vinokurov E., Libman A.* Eurasian Integration: Challenges of Transcontinental Regionalism. London: Palgrave Macmillan, 2012.
- Wuthnow J.* Chinese Perspectives on the Belt Road Initiative: Strategic Rationales, Risks, and Implications. Center for the Study of Chinese Military Affairs, Institute for National Strategic Studies. Washington: National Defense University, 2017.
- Zeng K.* China’s Free Trade Agreement Diplomacy // *The Chinese Journal of International Politics*. 2016. Vol. 9. No. 3. P. 277—305. DOI: <https://doi.org/10.1093/cjip/pow009>.

Дата поступления статьи: 03.12.2018

Для цитирования: *Cheng Guo, Chen Lu, Degterev D.A., Zhao Jielin.* Implications of «One Belt, One Road» Strategy for China and Eurasia (Чэн Го, Чэнь Лу, Дегтерев Д.А., Чжао Цзелинь. Значение стратегии «Один пояс, один путь» для Китая и Евразии) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 1. С. 77—88. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-77-88.

Сведения об авторах: Чэн Го — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: ivanlee25@gmail.com).

Чэнь Лу — профессор Университета науки и технологий Нанкина (e-mail: hanfeng68@sina.com).

Дегтерев Денис Андреевич — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: degterev-da@rudn.ru).

Чжао Цзелинь — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: zhaojielin@163.com).

© Chen Guo, Chen Lu, Degterev D.A., Zhao Jelin, 2019

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-89-99

Саммит БРИКС в Йоханнесбурге: больше новых механизмов и меньше конкретных решений

А.А. Игнатов

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Центр исследований международных институтов, Москва, Российская Федерация

В статье представлен анализ итогов десятого юбилейного саммита БРИКС в Йоханнесбурге, ЮАР, а также встреч на уровне министров стран — членов объединения. Достижения министерских встреч и основного саммита анализируются с учетом таких параметров, как реализация приоритетов страны — председателя объединения; обеспечение преемственности повестки дня БРИКС; выдвижение новых инициатив и принятие решений, соответствующих интересам страны-председателя и партнеров по объединению. Наряду с этим в статье представлены результаты анализа содержания текстов итоговых документов с точки зрения распределения функций глобального управления («обсуждение», «принятие решений», «определение направлений деятельности», «выполнение решений») и вопросов глобального управления по количеству использованных символов.

Автор статьи применял метод контент-анализа при рассмотрении стратегических документов ЮАР по вопросам долгосрочного развития и документов, принятых в ходе второго председательства ЮАР в БРИКС, а также метод исторического анализа для определения влияния ЮАР на повестку объединения и успешности председательства.

ЮАР в роли председателя объединения обеспечила преемственность повестки БРИКС по ключевым вопросам (макроэкономическая политика, сотрудничество в гуманитарной сфере и др.). Вопросы сотрудничества в области безопасности не получили должного развития, хотя и были заявлены страной-председателем в списке приоритетов.

Решения, принятые на саммите БРИКС в Йоханнесбурге и в ходе министерских встреч, сопровождаются созданием новых рабочих механизмов в рамках объединения (PartNIR, Центр изучения и создания вакцин и др.), что отвечает текущим глобальным вызовам и интересам сторон. Тем не менее, значительно снизилась доля функции «принятие решений» на фоне роста доли функции «обсуждение» в общем массиве документов председательства, что говорит о несовпадении интересов сторон по ряду обсуждаемых вопросов.

Ключевые слова: БРИКС, ЮАР, глобальное управление, саммит в Йоханнесбурге, приоритеты председательства

В 2001 г. аналитик Goldman Sachs Джим О'Нил впервые использовал акроним БРИК для обозначения группы стран (Бразилия, Россия, Индия и Китай), обладающих значительным потенциалом для экономического роста в долгосрочной перспективе на фоне общности приоритетов развития. Формально БРИК был создан «на полях» 61-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 2006 г. В 2011 г. на саммите в г. Санья, КНР, состоялось торжественное принятие ЮАР в состав членов объединения, после чего акроним приобрел современный вид — БРИКС.

Несмотря на свою сравнительно недолгую историю, за первое десятилетие своего существования БРИКС состоялся как институт глобального управления: «на полях» ежегодных самми-

тов было принято 531 конкретное решение, средний уровень исполнения которых остается неизменно высоким и по итогам 2017 г. достиг 79%¹; страны — члены БРИКС создали Новый банк развития с капиталом 100 млрд долл. США; взаимная торговля стран — членов объединения возросла с 13 млрд долл. США и на своем пике достигла 297 млрд долл. США (2013 г.) [Шарова 2016: 151]; функционирует формат БРИКС+, способствующий вовлечению в переговоры стран — представителей ключевых регионов мира [Петраков 2017: 32].

¹ 2017 BRICS Xiamen Summit Final Compliance Report. URL: https://www.ranepa.ru/images/media/brics/2017_xiamen_%D1%81ompliance.pdf (accessed: 03.08.2018).

Вступив в состав БРИК, Южная Африка заявила о себе как о представителе интересов стран Африки, чему способствует уникальная международная позиция ЮАР, которая является единственной из африканских стран, одновременно состоящей в «Группе двадцати», БРИКС и Африканском союзе. Свое первое председательство в БРИКС в 2013 г. ЮАР использовала для закрепления африканской повестки в работе объединения, что привело к включению специальных решений по Африке в Этеквинскую декларацию [Юртаев 2016: 196]. Среди прочих достижений первого председательства ЮАР в БРИКС следует отметить создание формата «аутрич», в работе которого вот уже более пяти лет принимают участие представители ключевых стран различных регионов. Кроме того, именно в ходе южноафриканского председательства было принято решение о создании Нового банка развития БРИКС, который начал свою работу в 2015 г. [Шелепов 2016: 135].

В 2018 г. ЮАР уже во второй раз принимает на своей территории саммит БРИКС, темой которого была выбрана «БРИКС в Африке: сотрудничество с развивающимися странами в интересах инклюзивного роста и общего процветания в эпоху Четвертой промышленной революции». Кульминацией второго председательства ЮАР в БРИКС стала встреча лидеров стран-членов, которая прошла в Йоханнесбурге с 25 по 27 июля и завершилась принятием итоговой Декларации. Анализ принятых на саммите и в ходе министерских встреч решений особенно актуален в контексте подготовки ко второму председательству России в БРИКС в 2020 г., в концепции которого необходимо учитывать достижения предшествующих председательств.

Выводы о степени успешности председательств основываются на анализе степени соответствия достигнутых результатов трем основным критериям, разработанным в работах отечественных и зарубежных исследователей: 1) обеспечение преемственности повестки института; 2) степень соответствия выдвинутых инициатив интересам страны-председателя и стран-партнеров; а также 3) реализация национальных приоритетов страны-председателя в условиях новых и существующих вызовов [Kirton 2012; Ларионова, Рахмангулов и др. 2013: 122; Ларионова 2012: 8—16].

Статья разделена на два раздела: в первом анализируются основные ориентиры национального развития и внешней политики ЮАР с точки зрения их влияния приоритеты страны в БРИКС; второй раздел посвящен анализу достижений второго председательства ЮАР в БРИКС, закрепленных в документах, принятых по итогам специальных встреч на уровне министров и саммита в Йоханнесбурге. В заключение представлен прогноз относительно влияния принятых решений на будущее БРИКС.

ЮАР в БРИКС: Африка в центре внимания

Статус страны — председателя института международного управления дает обладателю преимущество в продвижении собственных интересов в повестку института и тем самым возможность добиваться принятия необходимых решений на основе консенсуса. Даже с учетом необходимости в обеспечении преемственности обсуждаемых вопросов и принимаемых решений для поддержания эффективности работы института каждое председательство обладает уникальными особенностями, обусловленными приоритетами национального развития и внешней политики принимающей страны [Ларионова 2015: 128—129]. В случае ЮАР, характерной чертой продвигаемой повестки в БРИКС является фокусирование внимания партнеров по объединению на проблемах развития стран Африки, что перекликается с декларируемыми ЮАР приоритетами развития.

В первом разделе работы были рассмотрены основные ориентиры национального развития и внешней политики ЮАР, в частности место БРИКС в политике руководства страны.

К особенностям национального развития ЮАР относится ряд факторов социально-экономического и природно-географического характера. Имеющиеся исследования в первую очередь выделяют такие факторы, как смешанный языковой и этнический состав населения, высокий уровень бедности и значительный разрыв в уровнях доходов. Данные особенности рассматриваются исследователями как наследие долгого периода апартеида в ЮАР, поскольку проблемы неравенства и бедности в основном распространены среди чернокожего населения

**Основные экономические показатели стран БРИКС /
Economic indicators of BRICS countries**

Страна / Country	Площадь, млн км² / Area, mln km²	Население, млн человек (2017) / Population, mln people (2017)	Показатель ВВП, трлн долл. США (2017) / GDP, trillion, USD (2017)	ВВП на душу населения, тыс. долл. США (2017) / GDP per capita, thousand, USD (2017)
Бразилия / Brazil	8,5	209,2	2,056	9,821
Индия / India	3,3	1 339,0	2,597	1,939
Россия / Russia	17,1	144,5	1,578	10,743
Китай / China	9,6	1 386,0	12,238	8,826
ЮАР / South Africa	1,2	56,7	0,349	6,160

Источник / Source: World Bank Open Data. URL: <https://data.worldbank.org/> (accessed: 03.08.2018).

страны. Вместе с тем ЮАР обладает значительной ресурсной базой и в целом более развитой в масштабах Африканского континента экономикой, а также стабильным финансовым положением [Сахаров 2012: 171].

В данном контексте основной целью развития ЮАР является искоренение бедности и сокращение имущественного неравенства. Спектр стратегических задач, которые руководство ЮАР ставит перед собой для достижения озвученных целей, включают меры внутренней (создание рабочих мест, развитие инфраструктуры, развитие человеческого потенциала и др.) и внешней политики (реформа институтов глобального управления, решение экономических и социальных проблем региона, предотвращение вооруженных конфликтов и т.п.). Данные вопросы подробно рассматриваются в Стратегии национального развития ЮАР до 2030 г.²

Несмотря на то что ЮАР значительно уступает по площади, численности населения и ряду основных экономических показателей партнерам по БРИКС (табл. 1), среди стран — соседей ЮАР занимает лидирующие позиции и претендует на статус представителя интересов стран континента в системе глобального управления [Shubin 2018: 223; Alden, Schoeman 2015: 240; Besada, Tok 2014: 77—78]. Этот тезис закреплен в Стратегии

внешней политики ЮАР на 2015—2020 гг. и опирается на принципы так называемой африканской повестки (the African agenda), в которую входят содействие развитию Африки через механизмы международного партнерства и развитие региональных экономических объединений в интересах углубления экономической интеграции³.

В своей внешней политике ЮАР уделяет большое внимание участию в работе региональных объединений, среди которых основная роль отводится органам и механизмам Африканского союза (АС). Южная Африка является одним из стран — лидеров объединения, чему во многом способствует статус ведущего спонсора наряду с Нигерией, Египтом и Алжиром — взносы каждой из этих стран составляют приблизительно по 12% от суммы средств, поступающих от стран-членов в бюджет Африканского Союза⁴. С 2012 по 2017 г. бывший министр иностранных дел ЮАР⁵ Нкосазана Дламини-Зума занимала пост Председателя Комиссии

³ Revised Strategic Plan of International Relations and Cooperation Department of South Africa. URL: http://www.dirco.gov.za/department/strategic_plan_2015_2020_revised2/strategic_plan2015_2020_revised2.pdf (accessed: 20.07.2018).

⁴ African Union Handbook 2017: Budget and Scale of Assessment. URL: <https://au.int/sites/default/files/pages/31829-file-african-union-handbook-2017-edited.pdf> (accessed: 20.07.2018).

⁵ Начиная с 2009 г. должность носит название «Министр международных отношений и сотрудничества».

² National Development Plan 2030. URL: <https://www.poa.gov.za/news/Documents/NPC%20National%20Development%20Plan%20Vision%202030%20lo-res.pdf> (accessed: 20.07.2018).

Африканского союза. Под ее началом был принят основной документ организации по вопросам долгосрочного развития Африканского континента — Повестка 2063 (the Agenda 2063)⁶. Под влиянием ЮАР усилилось взаимодействие стран — членов организации в деле предотвращения конфликтов и поддержания региональной безопасности. Примером подобной кооперации является военная операция Африканского союза в Бурунди [Landsberg, Kondlo 2007: 2].

Рассмотренные приоритеты политики ЮАР находят свое отражение в декларируемых интересах страны в БРИКС. ЮАР рассматривает участие в работе БРИКС в качестве инструмента усиления своего влияния в региональном и глобальном масштабе. В официальных документах подчеркивается, что ЮАР, будучи наименьшим по размерам экономики членом БРИКС, может опираться на иные сравнительные преимущества, в частности на богатую ресурсную базу и успешно функционирующие бизнес-институты и научно-исследовательские центры⁷. Исследователи выделяют в качестве сравнительных преимуществ ЮАР растущий в течение многих лет после упразднения политики апартеида международный имидж и инструменты «мягкой силы» [Tella 2017: 394]. Стратегия внешней политики увязывает участие страны в БРИКС с поддержанием имиджа ЮАР как представителя интересов стран глобального Юга и в особенности африканских стран, а также площадки для поддержания контактов в ключевых сферах, например, в науке, образовании и медицине. Белая книга внешней политики ЮАР указывает на важность взаимодействия со странами БРИКС в интересах реформирования структуры глобального управления и фокусирования работы глобальных институтов на проблемах развития стран Африки и глобального Юга⁸.

Президент ЮАР Сирил Рамапоса вскоре после победы на выборах в феврале 2018 г. вы-

ступил с речью «О положении в стране», где обозначил основные приоритеты работы новой администрации. Избранный Президент не обошел своим вниманием и интересы страны в БРИКС, куда вошли развитие торговли товарами с добавленной стоимостью и усиление инвестиционных потоков между странами БРИКС⁹.

Суммируя вышесказанное, мы приходим к следующим выводам. Во-первых, ЮАР стремится закрепить статус регионального лидера и представителя интересов стран Африки на международной арене в интересах создания более благоприятных условий для развития всех стран региона. Для достижения этой цели ЮАР задействует механизмы Африканского союза на региональном уровне, а на международном — продвигает Африканскую повестку в БРИКС. Во-вторых, ЮАР заинтересована в привлечении ресурсов стран — партнеров по БРИКС в собственную экономику и экономику стран-соседей, решение экономических и социальных проблем которых отвечает приоритетам развития ЮАР. Приоритеты в области региональной безопасности, продвигаемые ЮАР на площадке Африканского союза, также находят свое отражение в интересах страны в БРИКС.

Министерские встречи, БРИКС+ и саммит в Йоханнесбурге

Рассмотрение итогов встреч высокопоставленных представителей стран-членов в рамках второго председательства ЮАР в БРИКС следует начать с анализа внутривластного контекста ЮАР в год юбилейного саммита.

Еще до официального начала периода председательства ЮАР в БРИКС¹⁰ среди экспертов существовали опасения относительно готовности руководства страны обеспечить успешное проведение саммита и других мероприятий в рамках председательства. Эти опасения были связаны со сложной внутривластной ситуацией

⁶ Agenda 2063 Africa We Want. URL: <https://archive.au.int/assets/images/agenda2063.pdf> (accessed: 20.07.2018).

⁷ National Development Plan 2030. URL: https://www.gov.za/sites/default/files/NDP-2030-Our-future-make-it-work_r.pdf (accessed: 20.07.2018).

⁸ См.: Building a Better World: The Diplomacy of Ubuntu. URL: https://www.gov.za/sites/default/files/foreignpolicy_0.pdf (accessed: 20.07.2018).

⁹ State of the Nation Address by President of the Republic of South Africa, Mr Cyril Ramaphosa. URL: <http://www.thepresidency.gov.za/speeches/state-nation-address-president-republic-south-africa%2C-mr-cyril-ramaphosa> (accessed: 20.07.2018).

¹⁰ Официальной датой начала второго председательства ЮАР в БРИКС является 1 января 2018 г.

в ЮАР, обусловленной постепенным ослаблением позиций правящей партии Африканский национальный конгресс (АНК), получившей значительно меньше голосов избирателей по итогам местных выборов 2016 г, чем ожидалось [Архангельская, Кочетов 2017: 36]. Обвинения в коррупции в адрес бывшего руководителя АНК и экс-президента ЮАР Джейкоба Зумы привели к его отходу от партийного управления, а затем и к снятию с президентского поста. Неоднозначный статус отстраненного политика породил сомнения относительно будущего одного из основных внешнеполитических достижений его президентства — членства ЮАР в БРИКС, которое изначально сопровождалось критикой со стороны противников идеи присоединения страны к «незападному миру» [Makgetlaneng 2015: 164—172; Шубин 2015: 231—232], а также тех, кто рассматривает в качестве препятствия для продвижения интересов страны в БРИКС небольшой размер экономики ЮАР в сравнении с другими членами объединения [Neethling 2017: 57; Petropoulos 2015: 161]. Тем не менее, после относительно спокойного транзита власти к новоизбранному Президенту Сирилу Рамапосе и уже упомянутого программного выступления основные опасения были развеяны.

Темой юбилейного саммита стала «БРИКС в Африке: сотрудничество с развивающимися странами в интересах инклюзивного роста и общего процветания в эпоху Четвертой промышленной революции». Инициативы, выдвинутые ЮАР для обсуждения с партнерами по объединению на юбилейном саммите, включают создание Рабочей группы по миротворчеству, создание Центра изучения и создания вакцин, учреждение Форума БРИКС по проблемам женщин и гендера и Сотрудничества БРИКС по туризму, а также корректировку Стратегии экономического развития БРИКС в соответствии с вызовами Четвертой промышленной революции. В этом ключе с начала года и до основного саммита были проведены несколько министерских встреч, в ходе которых был принят ряд важных документов.

В сравнении с результатами первого председательства ЮАР в БРИКС [Ларионова 2015] можно отметить, что охват проводимых мероприятий с точки зрения затрагиваемых сфер рас-

ширился, в частности, активизировались такие треки, как безопасность и окружающая среда.

Одно из наиболее насыщенных направлений работы министров стран БРИКС — вопросы стабильного экономического развития в условиях Четвертой промышленной революции. В данном блоке центральным вопросом стало внедрение и применение в хозяйстве цифровых технологий («цифровизация»). В целях углубления сотрудничества по данному направлению министры промышленности стран БРИКС на встрече в Магалисбурге (ЮАР) договорились о создании Партнерства БРИКС для Новой промышленной революции (PartNIR). Инициатива призвана расширить взаимодействие стран — членов объединения в деле обмена опытом и наилучшими практиками по поддержке процесса цифровизации экономики, обеспечения всеобъемлющего и стабильного роста в новых условиях и вовлечения заинтересованных сторон в данные процессы для обеспечения синергии финансовых и человеческих ресурсов. В рамках Партнерства планируется создать постоянную группу экспертов из пяти стран, на которую будет возложена задача по разработке долгосрочного плана работы в сфере применения цифровых технологий в промышленности¹¹.

Еще одной важной темой в экономическом блоке повестки председательства ЮАР стали вопросы, связанные с обеспечением свободы торговли и борьбы с протекционизмом. Восьмая встреча министров торговли стран БРИКС, прошедшая 5 июля в Магалисбурге (ЮАР) включала в повестку обсуждения вопросы, связанные с соблюдением правил Всемирной торговой организации. Стороны выразили свою обеспокоенность односторонними мерами, не соответствующими правилам, установленным ВТО, а также трудностями, связанными с назначением членов Апелляционного органа ВТО. В ходе обсуждения были также рассмотрены вопросы наращивания инвестиционного сотрудничества и торговли товарами с добавленной стоимостью между странами БРИКС¹².

¹¹ Declaration of the BRICS industry ministers. URL: https://www.ranepa.ru/images/media/brics/sapresidency2/BRICS_industry_2018.pdf (accessed: 20.07.2018).

¹² 8th Meeting of the BRICS Trade Ministers: Joint Communiqué. URL: https://www.ranepa.ru/images/media/brics/sapresidency2/brics_trade_2018.pdf (accessed: 20.07.2018).

Помимо вопросов экономического характера на полях министерских встреч обсуждались вопросы национальной и региональной безопасности. Встреча специальных представителей по вопросам безопасности в Дурбане в июне 2018 г. завершилась договоренностью стран БРИКС о создании Форума разведсообществ, целью которого является обмен информацией и координация усилий по борьбе с международным терроризмом и киберугрозами. Министры иностранных дел, а также специальные представители стран БРИКС по Ближнему Востоку и Северной Африке по итогам встреч сделали схожие по духу совместные заявления об обеспеченности текущей ситуацией в Сирии, Ливии и Палестине и призвали к соблюдению решений Совета Безопасности ООН и других форматов многостороннего мирного урегулирования.

ЮАР продолжила курс китайского председательства в БРИКС 2017 г. на углубление сотрудничества в имплементации Целей устойчивого развития ООН [Сафонкина 2018: 360—361]. Данная тема обсуждалась на встрече министров окружающей среды в Дурбане (ЮАР) и министров сельского хозяйства стран БРИКС в Скукузе (ЮАР). Отдельные аспекты реализации ЦУР были затронуты на встрече министров образования в Кейптауне.

Наряду со встречами на уровне министров и их заместителей, а также специальных представителей по ключевым вопросам, активная работа в рамках южноафриканского председательства велась в формате БРИКС+. Приглашенными странами в 2018 г. стали Аргентина, Индонезия, Египет, Ямайка и Турция. Заявленный состав стран поддерживает преемственность с председательством Китая в 2017 г., в рамках которого во встрече формата БРИКС+ приняли участие Мексика, Таджикистан, Египет, Гвинея и Таиланд — представители всех регионов планеты. ЮАР определила список приглашенных государств исходя из порядка ротации в международных объединениях: Аргентина — председатель «Группы двадцати» в 2019 г., Индонезия — со-председатель Нового партнерства для Азии и Африки, Египет — председатель «Группы 77», Ямайка — председатель КАРИКОМ и, наконец, Турция — председатель Организации Исламского Сотрудничества. В списке приглашенных стран также фигурирует ряд африканских стран южнее Сахары — Руанда, Габон,

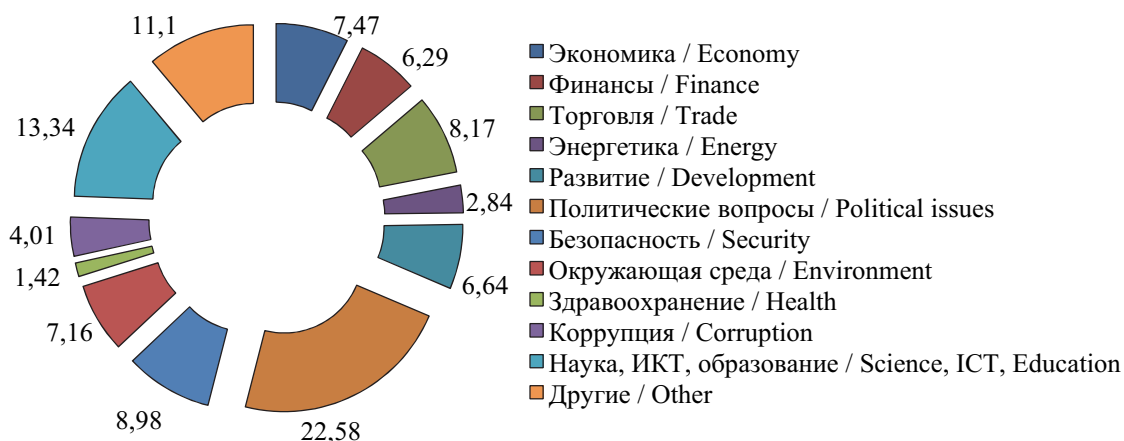
Уганда, Эфиопия, Того, Бурунди, Намибия и Ангола. Приглашение к участию также было направлено Генеральному секретарю ООН Антониу Гуттеришу и Председателю Африканского союза Полю Кагаме, Президенту Республики Руанда¹³.

Юбилейный 10-й саммит БРИКС завершился принятием Йоханнесбургской декларации¹⁴. Наибольший интерес страны — члены БРИКС проявили к вопросам макроэкономической политики, инвестиционного и торгового сотрудничества, научным и гуманитарным обменам, сотрудничеству в области здравоохранения. Лидеры стран БРИКС одобрили создание нового Партнерства БРИКС (PartNIR) и Центра изучения и создания вакцин, высказались в поддержку создания сети научных парков БРИКС. Наряду с остальными вопросами большое внимание в тексте декларации было уделено наращиванию туристических потоков между странами БРИКС — в целях укрепления данного направления сотрудничества было решено создать специальную рабочую группу.

В отношении вопросов безопасности необходимо отметить следующее. По сравнению с предыдущими председательствами в БРИКС существенно сузился географический охват обсуждаемых «болевых точек». В 2018 г. были упомянуты всего пять: Сирия, Палестина, Йемен, Афганистан и Корейский полуостров, т.е. в год председательства «под знаком Африки» в итоговом документе подробно не рассматриваются проблемы стран принимающего региона. Лидеры БРИКС упомянули инициативу ЮАР по созданию Рабочей группы по миротворчеству, однако никаких конкретных решений по этому поводу принято не было. Лидеры ограничились упоминанием роли Африканского союза в урегулировании региональных конфликтов в Африке и вновь отметили, что центральная роль в осуществлении миротворческой деятельности принадлежит ООН.

¹³ South Africa's 2018 BRICS Summit will be a wide affair. URL: <https://www.ujuh.co.za/south-africas-brics-summit-will-be-a-continent-wide-affair-see-list/> (accessed: 20.07.2018).

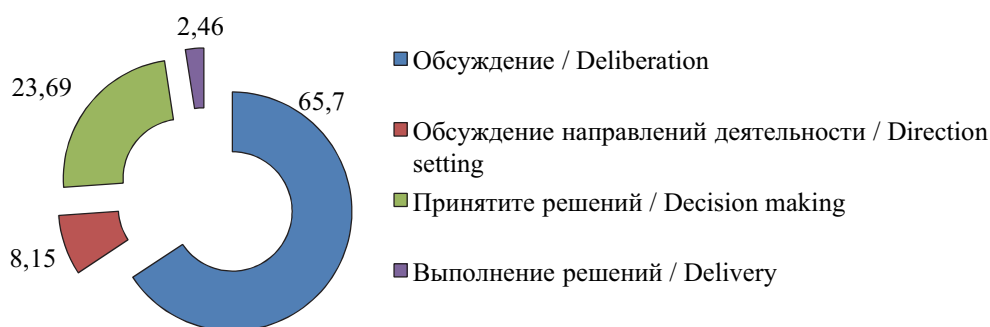
¹⁴ Йоханнесбургская декларация Десятого саммита БРИКС 26 июля 2018 г. URL: https://www.ranepa.ru/images/media/brics/sapresidency2/BRICS_2018_declaration.pdf (accessed: 03.08.2018).

Рис. 1. Доли отдельных вопросов в тексте Йоханнесбургской декларации 2018 г., % от общего количества символов /

Fig. 1. Issues mentioned in the Johannesburg Declaration, 2018, share of total number of symbols used

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author

Рис. 2. Доли функций глобального управления в текстах итоговых документов министерских встреч и саммита в Йоханнесбурге, 2018 г., % от общего количества символов /

Fig. 2. Functions of global governance in ministerial documents and the Johannesburg Declaration, 2018, share of total number of symbols used

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author

Гендерная повестка также оказалась невос-
требованной в контексте принятых на саммите
решений. Лидеры отметили роль женщин в про-
движении инклюзивного развития и парламен-
тской деятельности, однако выдвинутая ЮАР
инициатива по созданию Женского форума
БРИКС не удостоилась пристального внимания.

Несколько иначе ситуация выглядит с точки
зрения конкретных значений — количества упо-
минаний тех или иных проблем в тексте Декла-
рации, доли отдельных вопросов в тексте до-
кумента и т.п. (рис. 1 и 2).

***

Значительную часть Декларации составля-
ют вопросы политического характера и безопас-
ности, за которыми следуют экономика, наука,
торговля и финансы. Следует отметить, что
с точки зрения распределения функций («при-
нятие решений», «обсуждение», «выполнение
решений» и «определение направления деятель-
ности»), Йоханнесбургская декларация и приня-
тые на уровне министров документы характери-
зуются значительно возросшей долей функции
«обсуждение» по сравнению с итогами 2013 г.
[Ларионова 2015] (см. рис. 2).

Несмотря на то что формальный срок второго председательства ЮАР в БРИКС продлится до 31 декабря 2018 г., основная часть работы в рамках председательства уже фактически завершена вместе с саммитом в Йоханнесбурге, что дает возможность подвести некоторые предварительные итоги.

Итак, ЮАР во время своего второго председательства в БРИКС осталась верной заявленной еще во время подготовки к вступлению в члены объединения повестке — развитие Африканских стран и переустройство глобальной системы управления для реализации интересов развивающегося мира. По сравнению с саммитом 2013 г. в 2018 г. ЮАР расширила обсуждаемую повестку, в то же время сохраняя преемственность достижений саммита в Китае в 2017 г. Активно обсуждались научная, гуманитарная, экономическая и экологическая компоненты повестки дня БРИКС, поддерживаемые партнерами по объединению. Заявленная ЮАР рабочая повестка по вопросам безопасности с фокусом на проблемы Африки не встретила активной поддержки со стороны партнеров за исключением вопросов информационного обмена на новой создаваемой площадке для сотрудничества разведывательных ведомств; не было единодушия среди членов БРИКС и по выдвинутой Южной Африкой гендерной и женской повестке. В итоге это привело к снижению доли конкретных ре-

шений и увеличению количества общих формулировок в документах председательства.

Особенность и первого и второго председательств ЮАР в БРИКС — активная институционализация в рамках объединения. Такие инициативы Дурбанского саммита, как Новый банк развития БРИКС и формат БРИКС+, были поддержаны странами-членами и продолжают успешно функционировать. В Йоханнесбурге страны — члены БРИКС одобрили создание ряда новых рабочих инструментов, таких как PartNIR и Центр изучения и создания вакцин. В силу того что принятие подобных решений в Йоханнесбурге было продиктовано существующими глобальными вызовами и соответствует интересам всех заинтересованных сторон, можно ожидать, что они будут востребованы и в дальнейшем.

В итоге текущие достижения второго председательства ЮАР в БРИКС можно охарактеризовать двояко. С одной стороны, решения, принятые на юбилейном саммите БРИКС в ЮАР, а также в ходе министерских встреч, характеризуются меньшей долей конкретных решений и большим количеством общих формулировок; с другой стороны, ЮАР сумела добиться консенсуса относительно некоторых из предложенных инициатив, а также сохранила преемственность повестки работы БРИКС.

Благодарности: Исследование выполнено в рамках научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС «Сравнительная оценка исполнения коллективных обязательств членами «Группы двадцати и БРИКС» (2018 г.).

Библиографический список

- Архангельская А.А., Кочетов Д.В. Динамика внешней политики ЮАР в контексте кризисной внутривнутриполитической ситуации в стране // *Азия и Африка сегодня*. 2017. № 9. С. 36—42.
- Ларионова М.В. Модель обеспечения баланса реальных и прогнозируемых внешних условий и национальных приоритетов для формирования предложений к повестке дня «Двадцатки», «Восьмерки» и БРИКС // *Вестник международных организаций*. 2012. № 4. С. 7—17.
- Ларионова М.В. Председательство ЮАР в БРИКС. Региональная держава у руля глобального объединения // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2015. № 1. С. 125—134.
- Ларионова М.В., Рахмангулов М.Р., Сафонкина Е.А., Сахаров А.Г., Шелепов А.В. Председательство Российской Федерации в «Группе двадцати»: в поисках баланса и путей обеспечения фискальной устойчивости и уверенного роста // *Вестник международных организаций*. 2013. Т. 8. № 4. С. 122—179.
- Петраков М.И. К 25-летию установления дипломатических отношений России и ЮАР // *Международная жизнь*. 2017. № 2. С. 19—33.
- Сафонкина Е.А. Китайское председательство в БРИКС в 2017 г.: расширяя горизонты сотрудничества // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2018. Т. 18. № 2. С. 356—367.

- Сахаров А.Г. Южно-Африканская Республика // Вестник международных организаций. 2012. Т. 7. № 4. С. 171—183.
- Шарова Е.А. Взаимная торговля стран БРИКС на современном этапе // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 2. С. 150—174.
- Шеленов А.В. Сравнительные перспективы развития Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и Нового банка развития // Вестник международных организаций. 2016. Т. 11. № 3. С. 132—152.
- Шубин В.Г. ЮАР в БРИКС: последняя по очереди, но не по важности // Вестник международных организаций. 2015. Т. 10. № 2. С. 229—247.
- Юртаев В.И. БРИКС: вызовы сотрудничества на Африканском континенте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2016. № 2. С. 191—202.
- Alden C., Schoeman M. South Africa's symbolic hegemony in Africa // International Politics. 2015. Vol. 52. No 2. P. 239—254. DOI: 10.1057/ip.2014.47.
- Besada H., Tok E. South Africa in the BRICS: Soft Power Balancing and Instrumentalization // Journal of International & Global Studies. 2014. Vol. 5. No 2. P. 76—95.
- Kirton J. G20 Governance for a Globalized World. Farham: Asgate, 2012.
- Landsberg C., Kondlo K. South Africa and the 'African Agenda' // Policy: Issues & Actors. 2007. Vol. 20. No 13. URL: https://www.researchgate.net/publication/265078544_South_Africa_and_the_'African_Agenda' (accessed: 03.08.2018).
- Makgetlaneng S. The Theoretical Marginalization of South Africa's Membership to BRICS by some South African Scholars: Key Issues // Africa's Growing Role in World Politics / ed. by T. Deych, A. Zhukov, O. Kulkova and E. Korendyasov. Moscow: Institute for African Studies Russian Academy of Sciences, 2015. P. 163—175.
- Neethling T. South Africa's Foreign Policy and the BRICS Formation: Reflections on the Quest for the 'Right' Economic-diplomatic Strategy // Insight on Africa. 2017. Vol. 9. No 1. P. 39—61. DOI: 10.1177/0975087816674580.
- Petropoulos S. Opportunities, challenges and prospects of South Africa in the BRICS // The European Union and the BRICS: Complex Relations in the Era of Global Governance / ed. by M. Rewizorski. Kolobrzeg: Springer International Publishing, 2015. P. 161—180.
- Shubin V. South Africa in BRICS: Last But Not Least // BRICS and the Global Governance / ed. by J. Kirton, M. Larionova. London: Routledge, 2018. P. 223—242.
- Tella O. South Africa in BRICS: The Regional's Power's Soft Power and Soft Balancing // Politikon. 2017. Vol. 44. No 3. P. 387—403. DOI: 10.1080/02589346.2017.1295620.

Дата поступления статьи: 04.09.2018

Для цитирования: Игнатов А.А. Саммит БРИКС в Йоханнесбурге: больше новых механизмов и меньше конкретных решений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 1. С. 89—99. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-89-99.

Сведения об авторе: Игнатов Александр Александрович — младший научный сотрудник Центра исследований международных институтов (ЦИМИ), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: ignatov-aa@ranepa.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-89-99

BRICS Summit in Johannesburg: More Instruments and Fewer Decisions

A.A. Ignatov

The Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russian Federation

Abstract. This article presents an analysis of the outcomes of the tenth anniversary BRICS summit that took place in Johannesburg, South Africa, and the meetings of ministers of BRICS countries. The achievements of the ministerial meetings and the main summit were analyzed taking into account such parameters as the implementation of the priorities of the host country; ensuring continuity of the BRICS agenda; launching new initiatives and making decisions that are in line with the interests of the host

country and BRICS partners. Beyond that, the article presents analysis of distribution of the functions of global governance (“Discussion”, “Decision making”, “Direction setting”, “Delivery”) and issues of the global governance by the number of symbols used in the texts of the Johannesburg declaration and the documents agreed during ministerial meetings.

The author used the method of content analysis when reviewing the strategic documents of South Africa on issues of national development and the documents agreed during the ministerial meetings and the summit in Johannesburg, and the method of historical analysis when determining impact of South Africa on the BRICS agenda and success of the chairmanship.

South Africa as the BRICS chair country preserved continuity over the key issues of the agenda (macroeconomic policy, cooperation in humanitarian sphere, etc.). Security issues were not fully developed, although they were put on the priority list by the chair country.

Decisions made at the summit in Johannesburg and during the ministerial meetings result in creation of new working mechanisms (PartNIR, BRICS Vaccine Development and Research Center, etc.) that meet the current global challenges and match the interests of the parties. Nevertheless, the share of “Decision making” function decreased significantly against the background of the growing number of “Deliberation” function in the documents that were analyzed, which indicates a divergence of interests of the parties on a number of issues under discussion.

Key words: BRICS, South Africa, global governance, Johannesburg summit, chairmanship priorities

Acknowledgments: The study was carried out within the framework of the research work of the state task of the RANEPА “Comparative assessment of the G20 and BRICS members’ compliance with commitments made at the summits” (2018).

References

- Alden, C. & Schoeman, M. (2015). South Africa’s symbolic hegemony in Africa. *International Politics*, 52 (2), 239—254.
- Archangelskaya, A. & Kochetov, D. (2017). Dynamics of South Africa’s Foreign Policy in the Context of the Current Political Situation. *Asia and Africa Today*, 9, 36—42. (In Russian).
- Besada, H. & Tok, E. (2014). South Africa in the BRICS: Soft Power Balancing and Instrumentalization. *Journal of International & Global Studies*, 5 (2), 76—95.
- Kirton, J. (2012). *G20 Governance for a Globalized World*. Farham: Asgate.
- Landsberg, C. & Kondlo, K. (2007). South Africa and the ‘African Agenda’. *Policy: Issues & Actors*, 20 (13). URL: https://www.researchgate.net/publication/265078544_South_Africa_and_the_'African_Agenda' (accessed: 03.08.2018).
- Larionova, M. (2015). South Africa’s BRICS Presidency: Regional Power at the Helm of a Global Governance Forum. *Vestnik RUDN. International Relations*, 1, 125—134. (In Russian).
- Larionova, M.V., Rakhmangulov, M.R., Safonkina, E.A., Sakharov, A.G. & Shelepov, A.V. (2013). The Russian Federation G20 Presidency: in Pursuit of a Balance between Fiscal Consolidation and Sustainable Growth. *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 8 (4), 122—179. (In Russian).
- Larionova, M. (2012). Supply-Demand Model for Developing a Presidency Proposals for Reform Agenda and Priorities in Informal International Institutions (G20, G8, BRICS). *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 7 (4), 7—17. (In Russian).
- Makgetlaneng, S. (2015). The Theoretical Marginalization of South Africa’s Membership to BRICS by some South African Scholars: Key Issues. In: *Africa’s Growing Role in World Politics*. Ed. by T. Deych, A. Zhukov, O. Kulkova and E. Korendyasov. Moscow: Institute for African Studies Russian Academy of Sciences, p. 163—175.
- Neethling, T. (2017). South Africa’s Foreign Policy and the BRICS Formation: Reflections on the Quest for the ‘Right’ Economic-diplomatic Strategy. *Insight on Africa*, 9(1), 39—61. DOI: 10.1177/0975087816674580.
- Petrakov, M. (2017). On Occasion of 25th Anniversary of Russia — South Africa Diplomatic Relations. *International Affairs*, 2, 19—33. (In Russian).
- Petropoulos, S. (2015). Opportunities, Challenges and Prospects of South Africa in the BRICS. In: *The European Union and the BRICS: Complex Relations in the Era of Global Governance*. Ed. by M. Rewizorski. Kolobrzeg: Springer International Publishing, 161—180.
- Safonkina, E. (2018). Chinese 2017 BRICS Presidency: expanding cooperation horizons. *Vestnik RUDN. International Relations*, 18 (2), 356—367. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-356-367. (In Russian).
- Sakharov, A. (2012) South African Republic. *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 4 (39), 171—183. (In Russian).
- Sharova, E. (2016). BRICS internal trade at the present time. *National Strategy Issues*, 2 (35), 150—174. (In Russian).
- Shelepov, A. (2016). Comparative Prospects of the New Development Bank and Asian Infrastructure Investment Bank. *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 11 (3), 51—67.
- Shubin, V. (2015). South Africa in the BRICS: Last but not Least. *International Organisations Research Journal (IORJ)*, 10 (3), 51—67.

- Shubin, V. (2018) South Africa in BRICS: Last But Not Least. In: *BRICS and the Global Governance*. Ed. by J. Kirton, M. Larionova. London: Routledge, p. 223—242.
- Tella, O. (2017). South Africa in BRICS: The Regional's Power's Soft Power and Soft Balancing. *Politikon*, 44 (3), 387—403. DOI: 10.1080/02589346.2017.1295620.
- Yurtaev, V. (2016). BRICS: Cooperation Challenges in Africa. *Vestnik RUDN. International Relations*, 2, 191—202. (In Russian).

Received: 04.09.2018

For citations: Ignatov, A.A. (2019). BRICS Summit in Johannesburg: More Instruments and Fewer Decisions. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (1), 89—99. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-89-99.

About the author: Ignatov Alexander Alexandrovich — Junior Researcher, Center for International Institutions Research (CIIR), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (e-mail: ignatov-aa@ranepa.ru).

© Игнатов А.А., 2019

ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-100-118

Western Europe through the Eyes of Students of Kazakhstan Universities: Countries' Images and Driving Force for their Formation

A.B. Yessimova

South-Kazakhstan State Pedagogical University, Shymkent, Kazakhstan

S.A. Panarin

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

We are told about the world before we see it. We imagine most things before we experience them. And those preconceptions, unless education has made us acutely aware, govern deeply the whole process of perception. They mark out certain objects as familiar or strange, emphasizing the difference, so that the slightly familiar is seen as very familiar, and the somewhat strange as sharply alien.

Walter Lippman. Public Opinion

Abstract. The image of a country, and especially how the country is viewed from beyond its borders, is becoming an increasingly important resource capable of exerting positive or negative influence in various fields, including international relations. In the USSR, Western Europe was endowed with a dual image of cultural treasury and the territory dominated by classes and forces hostile to the socialist camp. After the collapse of the USSR, Western Europe began to be perceived as a capitalist model to be coped, and it is from those years that the contemporary ideas of the youth in Kazakhstan about its image have been originated. In order to probe them, a pilot sociological survey was conducted in two Kazakhstani universities, one of which is located in the north-east of the country, in the city of Ust'-Kamenogorsk, the second is in the south, in Shymkent.

The results obtained allow us to assert with confidence that students do not have a holistic image of Western Europe; their views are dominated by images of individual European countries, and these images differ greatly in the degree of completeness. The most developed images are those of France and Germany, but even they represent no more than a set of widespread stereotypes about the economic, political, cultural characteristics of both countries. It is also striking that the images of Western European countries, which emerge from the students' answers, are generally deprived of any meaningful and easily recognizable embodiment, i.e. they are very rarely identified with historically, politically and culturally significant personalities. According to the authors, this feature indicates that students view Western Europe most and foremost as a place where their various consumer needs can be satisfied.

Key words: image, Western Europe, Kazakhstan, surveys of students, symbolic personification

The notion of “image” is applied to different spheres and activities and its meaning is therefore hard to define. Speaking of persons and groups, the following interpretation is deemed most relevant: “Image is an impression made by a person, company or an institution on a group or some groups of people. It is not a drawing, not a sketch, not a detailed painting. Rather it is an assembly of vivid particulars capable of making an emotional impression” [Korol'ko 2003: 307].

This is an apt definition, even more so because it is applicable to an image of a country. Another good point is its emphasis on emotional effects of an image (rather than its contents). Finally, it alludes to the affinity between images and stereotypes. Taken both in its psychological and political meanings, “stereotype is a standardized, schematized, reduced and flattened image of social and political subject or phenomenon, or else process; having been always necessarily stable and charged with certain emotion

(emphasis added. — *A.Y., S.P.*), stereotypes represent only some — and not infrequently unsubstantial — features of what they are expected to represent” [Ol’shansky 2001: 81]. Then we could categorize that an *image of country* is no more than simplified yet stable similitude of that desired yet hardly accessible holistic view one could combine from numerous facets of the country’s reality; and that simplification notwithstanding — or even thanks to it — this similitude is capable to provide a strong emotional impact upon the perceiver¹.

The images of countries/states are being studied both by theorists and by experts in applied science. The former usually consider images on the context of international relations² [Pardo 2010; Dobler 1997; Andersson, Hilson 2009], often through the lens of Joseph Nye’s “soft power” concept [Nye 2004] or identity studies. Speaking of applied approaches, there are two main avenues for the study of countries’ images. Adherents of the first study countries images in details — their formative constituencies, origins, continuity and changes, distinctive features and, finally, their ability to attract or repulse people living across their frontiers³. While those belonging to the other direction focus themselves generally on the practical task: they try to correct or invent technologies which supposedly help to improve images of that or this country [Govers 2009].

The images of Western Europe in general and its countries in particular are increasingly studied in the context of European Union image [Therkelsen, Gram 2010; Adam et al. 2002; Holland, Chaban 2011]. However, as Sonja Lucarelli has argued in her historiography review of image studies, “the greatest methodological difficulty is to design research that will capture the relationship between images of Europe (frequently historically shaped) and of the EU, without simply conflating them” [Lucarelli 2014: 12]. Taking the route of historically shaped images, we arrive earlier or later at the harbor of identities; and if we follow the other path, perhaps, we would agree with Anholt that “individu-

ally, the member states of Europe wield the most important soft power capability on the planet, but collectively, Europe is far less than the sum of its parts” [Anholt 2010: 116]. Consequently, we can predict that in some cases the image of EU and Europe as a whole might appear, particularly beyond their frontiers, as a less elaborated and less familiar ones than the images of its separate country members, or even might be nearly absent.

The plausibility of this hypothesis is to be tested in our paper. While preparing it, we chose the first avenue of applied studies of countries’ images, i.e. we decided to elucidate the key components of the images of Europe and European countries in Kazakhstan. Also, we were more interested in the result than in the process — what had formed, and not how it has been forming. Nevertheless, we were not going to omit the process of image formation altogether: as a reader can easily deduce from the epigraph to the article, we expected to answer the question, to what extent this process falls under the power of popular stereotypes about ‘others’. For, we could not ignore that the majority of citizens of Kazakhstan, who travel to other countries with business or educational purposes or visit relatives, went to the CIS states⁴, and the prime targets for tourism and recreation voyages were Turkey, China and United Arab Emirates. These three states have received a lion’s share of Kazakhstanis travelling beyond the borders of CIS in 2014 (74.4%), whereas only 11% traveled to Europe⁵. Western business in the country is represented mainly by transnational corporations; in public mind they are not relate to any particular country, or associated with the United States. Much more important to the way the image of Western Europe in Kazakhstan is formed are not personal impressions, but information from parents and peers, as well as cinema, Internet and print media — just those sources that are most thoroughly infected with stereotypes.

⁴ In 2008 5,242,643 citizens of Kazakhstan went outside the country, in 2014 — 10,449,972 people, of which 4,557,146 and 9,375,785 left for CIS states, respectively. See: Turizm Kazakhstana (Tourism in Kazakhstan), 2009. 2004—2008. Statisticheskii sbornik. Astana; Turizm Kazakhstana (Tourism in Kazakhstan), 2015. 2010—2014. Statisticheskii sbornik. Astana.

⁵ Calculations based upon: Turizm Kazakhstana (Tourism in Kazakhstan), 2015. 2010—2014. Statisticheskii sbornik. Astana.

¹ For more details, see: [Yessimova, Panarin 2008: 7—8].

² In any case, this observation is applicable to the image of Western European states.

³ Simon Anholt combines both approaches quite well. See, e.g.: [Anholt 2007].

Let us briefly outline the spatial boundaries of Western Europe image. In the Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary the following definition is provided: “Western Europe is how the whole Europe to the west of Russia’s borders is called, with an exception of the Balkan peninsula” [The Brokgauz and Efron Encyclopedic Dictionary 1890—1907: 243]. In the Soviet era, it was assumed that Western Europe begins just beyond the western border of the Soviet state [The Great Soviet Encyclopedia 1972: 15]. After the fall of the USSR and NATO’s expansion to the East such a localization of Western Europe appears even more grounded. In our paper, “Western Europe” refers to all the states located to the West of the border of the former USSR. Baltic countries, Belorussia, Moldova and Ukraine are therefore not included — simply because the authors would like to focus on the political and cultural space that is perceived as foreign and even alien. As the results of our study have shown, this distinction is still valid in the contemporary images of Europe.

Image: the Structure of Influence

A carrier of an image usually sees it as something positive. However, a positive self-image might be accompanied by a negative counter-image or anti-image. Contemporary media technologies have led to information wars of growing intensity, the prime objective of which is to destroy the positive images of the country or its leading politicians and to create/spread their counter-images. The depictions of Ukraine in Russia and Russia in Ukraine that have become entrenched in the media of both countries after the conflict in Donbass had begun in 2014 are a vivid example.

Those who are in possession of or endowed with images can be individuals and communities of differing size — up to nations or places of variegated space, from village to states and continents or else numerous institutions — such as governments, corporations or universities, etc. Images of all of them are formed either without conscious efforts of image-bearer, or by means of its purposeful policy, or as a result of some mixture of the former and the latter. Images and counter-images are intentionally created by individuals, private companies and special institutions funded or set up

by the state. Any image, positive or negative, has its goal — speaking of the former, it is the successful positioning of a country on the international scene and global/regional markets. The more advanced, wealthy and powerful a country is, the more it is famous. The active policy of public relations pursued by the state plays a prominent role in this process. Still, as Simon Anholt aptly noted, “there are certainly policy approaches which enable places to improve the speed, efficiency and effectiveness with which they achieve a better image... but that better image can only be earned; it cannot be constructed or invented” [Anholt 2010: 11].

There are many ways to promote a given image — even an appearance of diplomats may help. For example, French Ministry of Foreign Affairs advises the heads of embassies “to order the clothes only from well-known fashion designers, to be always physically fit, to look like suntanned optimists” [Pocheptsov 2003: 61]. Yet other channels are more important: mass-media, tourists, personal contacts between people, business dealings, goods sold and advertised abroad. In other words, there are actors of image formation and channels used by these actors, yet the latter may serve as a kind of natural nursery for rising of a certain image regardless of the actors’ will. Anyway, the multiple manifestations of a country are reflected in its image. The volume and intensity of economic and cultural contacts between nations plays a substantial role. If activities of a state abroad are weakened or severed, its image becomes threadbare⁶.

The countries that purposefully form their image we will refer to as addressers, the countries targeted by these image-making activities — as addressees. The addressers may simultaneously act as addressees, and vice versa. We divide the addressers into three main types. The addressers of the first kind are aggressive: they use any means available to promote an image of their country. Second type is merely active: they do a lot, yet do not engage in aggressive expansive propaganda. The third type combines passive addressers: they do neither produce nor uphold the image due the lack of interest

⁶ This and the two next paragraphs that follow to the end of the section on the image represent an edited and shortened version of the corresponding piece from our earlier paper in Russian, see: [Yessimova, Panarin 2008: 11—12].

in such activities, lack of understanding of its importance or lack of funds. The addressees may also be broken down into three types: open, closed and semi-open. The first are open to the stream of information. The closed addressees make every effort to prevent information to penetrate field under their control by foreign influences — in other words, they try to become image monopolists. Those in the intermediate group receive and transmit a limited stream of information.

These constructs are valid under the condition of the lack of language barrier. If such barrier is present, there is one more player to the scene — a commutator. This term is derived from Latin verb *commutare*: to apply or to change. Basically it means that a certain country acts as an intermediary, forming an image of another country and translating it to the third state in this model. The role of a commutator implies a political engagement and may be attained under auspicious geopolitical circumstances, active position on the international scene and abundant information resources. The activities of commutators might be augmented by the use of channels controlled by the addresser itself. In Kazakhstan, Russia plays the role of commutator. The influence of Russian media is so huge that even Kazakhstani journalists perceive the West through its prism. This is the result of socially limited and often inconsistent knowledge of the European languages. Such a barrier prevents a direct perception of European programs⁷.

Sources and Methods

This article is based on the results of quick surveys undertaken among the students of two Kazakhstan universities in 2008 (April) and in 2014 (November). Both are located in provincial towns: Technical University of East Kazakhstan (TUEK) in Ust'-Kamenogorsk and Shymkent Institute of International Kazakhstan-Turkey University (SIKTU) named after Khoja Ahmad Yasawi in Shymkent. In 2011 the latter was renamed into South Kazakhstan State Pedagogical Institute (SKSPI).

20 TUEK students took the first survey. Two of them aged 18, nine aged 19, eight aged 20, one

aged 21; there were 19 women and one man; and 11 people identified themselves as Russians, eight as Kazakhs, and one as German. Only two of them visited Western Europe (UK and Germany). 21 students participated in SIKTU survey: 19 women and two men; one student aged 18, 11 aged 19, eight aged 20 and one aged 21. Ethnic composition turned out to be much more diverse: five Kazakhs, five Uzbeks, four Russians, three Koreans, one Turk, one Greek, one Azeri and one Kurd. 25 TUEK students participated in the second survey: four aged 18, 20 aged 19 and one aged 21; and there were 11 men and 14 women. All participants identified themselves as Kazakhs. In SKSPI 20 students took the second survey: 17 women and three men, with seven aged 17, eight aged 18 and five aged 19. Eight Kazakhs, eight Uzbeks, three Russians and one Azeri constituted this sample. None of the informants in 2014 surveys ever visited any Western European country.

The choice of students as respondents was due to their predictable role in the process of image formation and transformation. It is reasonably to suppose that issuing from their acquaintance, even if superficial, with such domains of humanities as history, international relations, political and regional/area studies students are generally able now and will be even more capable after graduating to exert growing influence upon both general public worldview and its specific image-relating constituency. Ust'-Kamenogorsk and Shymkent were chosen because these two cities are important regional centers, and yet different in many significant parameters. Ust'-Kamenogorsk is the capital of East Kazakhstan region, with its mainly urban population (59%). Shymkent is the capital of South Kazakhstan region, where only 39% of people live in towns and cities⁸. Mining is the staple of East Kazakhstan economy, whereas agriculture dominates the economy of the South. Russians make up 58% of the East Kazakhstan population, Kazakhs — 38%. However, under

⁷ See in this regard: M. Tazhin instructed to create several mobile groups of leading journalists for the preparation of “live” specials reporting on the situation in the world. Information Agency Kazinform. URL: <http://www.inform.kz/rus/article/2537288> (accessed: 25.11.2015).

⁸ Here and from this point on all the data is taken from or calculated based upon: Dynamics of population. The official statistical information. Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan, committee on statistics. URL: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersPopulation?_afLoop=22050164825025727#%40%3F_afLoop%3D22050164825025727%26_adf.ctrl-state%3Db83gwwlcf_163 (accessed: 10.12.2015).

the pressure of the fact that the majority of local Russians are prone more and more to get higher education in Russia, by the time of the second survey Kazakhs had grown into a disproportionately large percentage of students in Ust'-Kamennogorsk. Kazakhs are the dominant ethnic group in South Kazakhstan (73%), followed by Uzbeks (17%) and Russians (5%). The Kazakhs' share in total population of Shymkent amounts to 67%, those of Uzbeks (14%) and Russians (13%) gravitate to parity. The region is adjacent to Uzbekistan and is considered — in its culture and outlook — as “Oriental” because its ethnic groups, excepting Russians, staunchly adhere to their traditions, and Shymkent itself has to an extent a reputation of “Oriental” city [Alexeenko 2004; Aubakirova 2010].

In Ust'-Kamenogorsk, the questionnaires were handed out to the students who composed one of the groups attending the flow lecture on history of Kazakhstan. In Shymkent, an analogous group was selected from a general stream of listeners to lecture on political science. In both cases the sample was random, of cluster type and had to be recognized unrepresentative one in case that the aim of our research would be finding out image visions of the entire student population in each university. In fact, we pursued less ambitious goal to gain a benchmark or more or less assured starting-point for future researches of Western Europe images persistent in the student milieu. We would like to add that because all the members of groups involved as the survey units shared one and the same aspiration for higher education, the groups themselves can be rea-

sonably called, according to Neil Smelser's terminology, natural and instrumental ones [Smelser 1994: 167]. As to its size, it proved to be pre-ordained with the numerical strength of majority of student groups which fluctuated between 20 and 25 people.

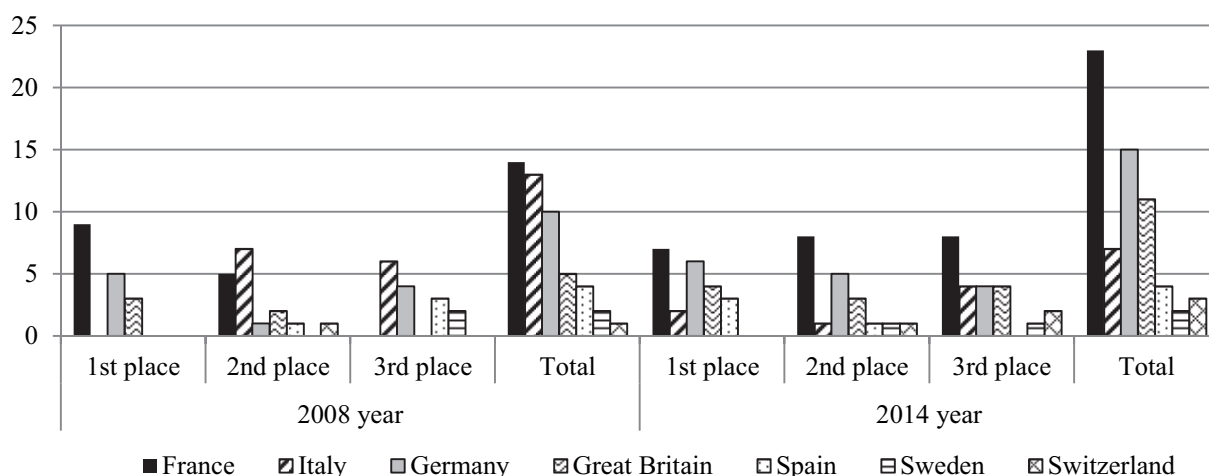
The surveyed were asked to

- indicate their age, gender, nationality and to state whether they visited the countries of Western Europe;
- write down, rapidly and briefly, the associations that first came to their mind when they hear (or see) the words “Western Europe”;
- list the states that they perceive as a part of Western Europe;
- name the leading states among those;
- write down images associated with each of these countries.

To make a list of Western European states turned out to be the hardest task. In general, the students listed the states of European Union, adding Norway to them.

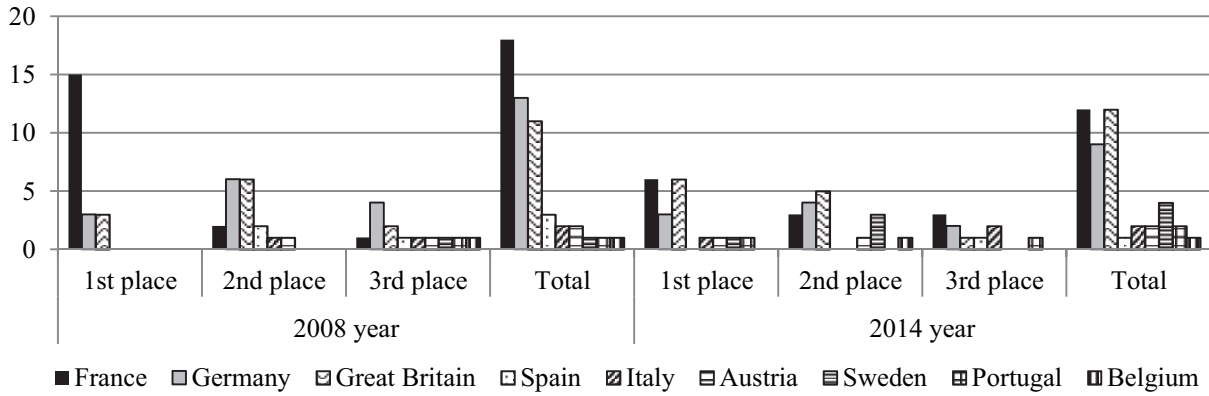
Western Europe in the Eyes of the Students: the Region as a Whole

While starting the study we assumed that the image of Western Europe would essentially match the image of the European Union, and that the students would mention key figures of European science and culture. Both hypotheses proved to be false.

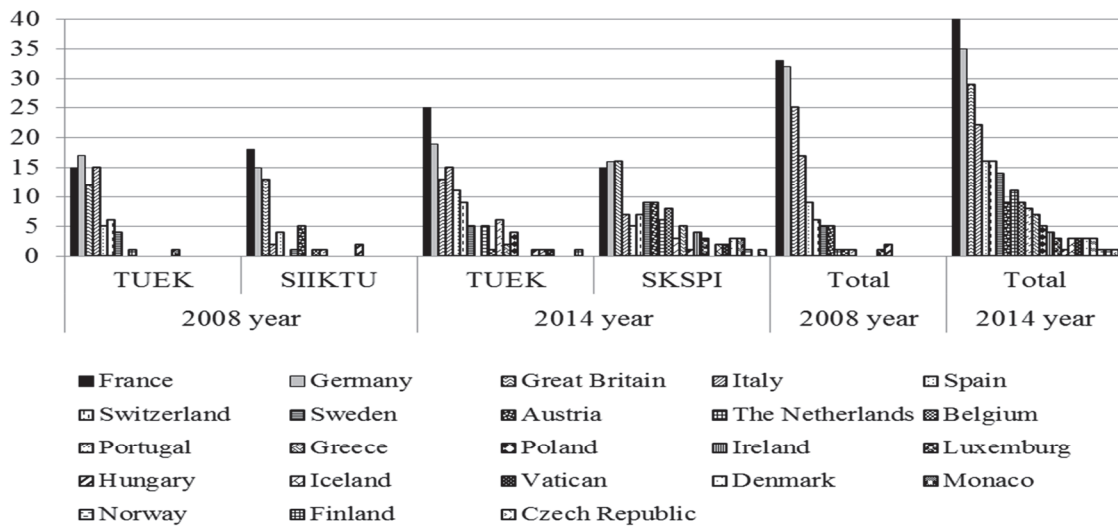

Fig. 1. TUEK: The most important states of Western Europe (first three positions)

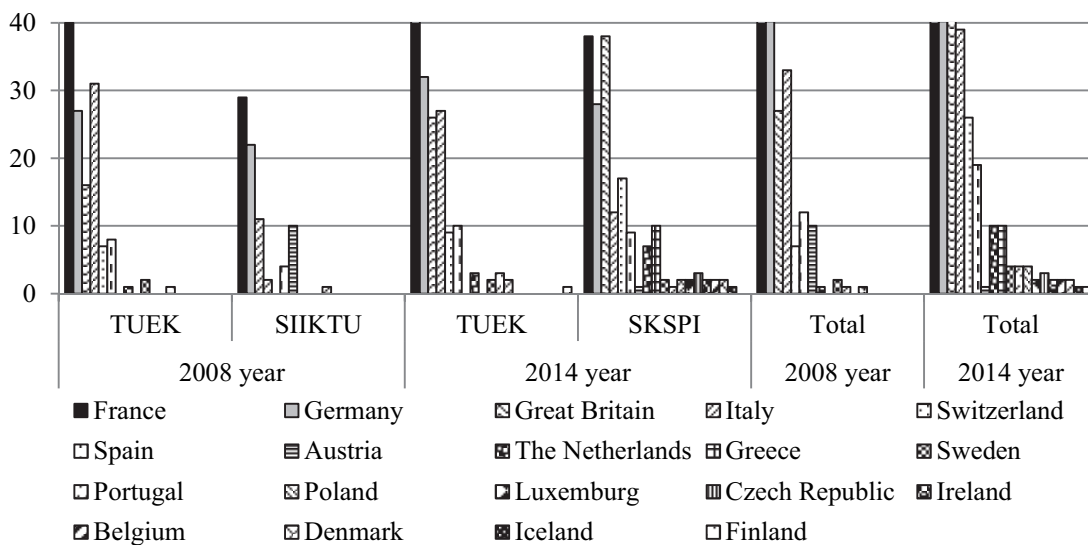

Fig. 2. SIIKTU/SKSPI: The most important states of Western Europe (first three positions)

Fig. 3. Countries of Western Europe ranked by the frequency of mentions

Fig. 4. Countries of Western Europe ranked by the quantity of associations

The Ust'-Kamenogorsk students selected seven European countries which were regarded by them as the most famous and developed (Fig. 1); the students in Shymkent selected nine (Fig. 2). Judging by first positions in the list, France is the “face” of Europe for all the students. In 2008, ranked second and third were correspondingly Italy and Great Britain in Ust'-Kamenogorsk, and Germany and Great Britain in Shymkent. Six years later, France was followed by Germany and Great Britain in Ust'-Kamenogorsk, whereas in Shymkent Britain scored almost as many votes as France received and Germany shifted to third place. Summing up the results of the two surveys, France got 67 total “votes”, Germany — 47, Great Britain — 39, and Italy — 24.

It should be noted that the frequency of how the states of Western Europe were mentioned not only in the first three positions of the list, but in all the replies in general, is also a very important indicator (Fig. 3). The leaders are the same — France, Germany and Great Britain. The SIIKTU/SKSPI students did not mention Switzerland at all, rarely mentioned Italy, but number of countries they mentioned grew between 2008 and 2014.

Another important indicator of the knowledge of a certain country is the number of image-words which the students used to describe it (Fig. 4). France is again the absolute leader, with Germany and Great Britain following her. The quantity of words-associations also grew in 2014.

It is interesting to note that the rank of France, Germany and Great Britain does not agree with the statistics of travel voyages of Kazakhstan citizens. In 2008 only 413 persons went to France (772 in 2007), 39,150 (41,269 in 2007) went to Germany, and 13,347 (13,327 in 2007) — to Great Britain. In 2014 the trends hardly ever changed: 526 persons went to France (589 in 2013), 48,536 went to Germany (49,723 in 2013), 21,694 went to Great Britain (18,065 in 2013). Netherlands went well ahead Great Britain, both in 2007—2008 and 2013—2014: 30,788 in 2008 (28,558 in 2007), and 39,622 in 2014 (34,754 in 2013). It means that Great Britain ranked fourth. Austria took the fifth place, while France (uncontested leader, according to our surveys) was among the last: less people visited France than Czech Republic, Bulgaria, Greece and Italy⁹. Basically

⁹ See: Turizm Kazakhstana (Tourism in Kazakhstan), 2015. 2010—2014. Statisticheskiy sbornik. Astana; Turizm Kazakhstana (Tourism in Kazakhstan), 2009. 2004—2008. Statisticheskiy sbornik. Astana.

that means that the primacy of France in the students' perception is not based upon personal experience. Students rarely visit the shores of the Seine, Rhone and Loire, and their knowledge of France stems from cinema, literature, media and Internet. Moreover, the statistics of visits to Europe (and the salience of Netherlands there — the country that never made it to the top three in our surveys) testifies to the fact that images of Germany and Great Britain were also formed at a distance via texts and pictures. There is a small difference, however: the perceptions of the last two states might be somehow shaped by the personal experiences of students' relatives and/or acquaintances which had travelled to these countries.

The words-associations reported by the students were divided into groups. Each group includes relatively homogeneous characteristics of the image of Western Europe. The first group comprises spatial features, the second — cultural traits, the third — anthropological issues, the fourth — economic traits, and the fifth — political features. We also picked out a separate group of generalized features of more or less evaluative character.

*The image of Western European space*¹⁰. Apart from individual images of certain states, it is formed by meaningful locations and features of urban and natural landscapes (plus climate). Judging by the places mentioned by survey participants, France is once again the symbol of the whole Western Europe. Its preponderance appeared to be on the wane, however: in 2008 France was mentioned in four location-specific associations out of nine, in 2014 — in four associations out of seventeen (“France” was mentioned once, “Paris” — thrice). In an earlier survey, only “England”, “Berlin” and “Vienna” were mentioned, while in 2014 the list of locations became more comprehensive: “Germany”, “Italy”, “London” and “Prague” were added.

As Western Europe is a heavily urbanized region, various urban images were abundant in the survey. In 2008 *big cities, skyscrapers* (TUEK — each image mentioned once), *cars* (SIIKTU — twice), *good paving asphalt, roads, parks, bridges*

¹⁰ Here and below, while speaking about contents and data and some issuing conclusions from our earlier meanings of the students replies collected in 2008, we borrow from work published in Russian [Yessimova, Panarin 2009].

(SIIKTU — each mentioned once) were on the list. In 2014 *capital city, cities of high culture, big buildings* (SIIKTU — each mentioned once), *cities, big buildings, big skyscrapers, bridges, cars, stadiums, double-decker buses* (SKSPI — each mentioned once) were on the list. In this case two sets of associations are relatively similar. The representations of climate and landscape underwent a substantial change, however. In 2008 Europe was associated with *temperate climate* and *fog*, in 2014 things got better: the region was interpreted with the words *sunny* (twice), *heat, hot, hot days, warm weather, wind, cloudy weather, rain*. In Shymkent, the greatest diversity was reported in 2008: *rocks* (twice), *rain* (twice), *mountains, forest, coolness, cloudy weather, snow, autumn* (once), and in 2014 only image *green* was mentioned.

Culture related images. This group of images is relatively well developed, especially among TUEK students mentioned *culture* (six times), *cultured* (1), *peculiar culture* (1), *dominant Anglo-Saxon culture* (1), *the center of culture, cleanness, new inventions* (1); in 2014 — *culture* (1), *beautiful* (4), *sights* (1), *art* (1), *high culture* (1), *cultured* (1).

A significant share of answers forms the aesthetic sub-image of Europe. The word *beauty* turned up three times in TUEK and four times in SIIKTU in 2008, the word *cleanness* was mentioned two and three times, respectively. Along with that, were mentioned once *beautiful streets, beautiful houses, beautiful setting* in TUEK, and *beautiful streets, beautiful cities, beautiful roads, beautiful things* in SIIKTU. In 2014 *beauty* emerged three times, and *cleanness* — five times, not to mention *beautiful buildings and edifices, beautiful nature, beautiful houses* (TUEK, once), *beautiful cities* (TUEK, three times), *beautiful places* (SKSPI, three times).

Aesthetic associations are adjoined by architectural sub-image (Table 1). It should be noted, however, that associations belonging to this category are generally rather vague: only palaces and museums are singled out, and no distinct architectural styles were mentioned. Still, some landmark buildings were listed (mainly by TUEK students in 2008): Big Ben (mentioned 12 times in total), Eiffel Tower (seven mentions) and a few others.

Table 1

Architectural images/associations of Western Europe (N of mentions)

2008		2014	
TUEK	SIIKTU	TUEK	SKSPI
Detailed			
Big Ben (6)	Big Ben (5)		Big Ben (1)
Eiffel Tower (2)		Eiffel Tower (2)	Eiffel Tower (3)
Arc de Triomphe (2)			
Stonehenge (1)			
Colosseum (1)			
Champs-Élysées (1)			
			Disneyland (1)
Generalized			
Historical cities (1), monuments (1)	Historical buildings (3)	Historical monuments (1)	Historical monuments (1)
Architecture (2)	Architecture (beautiful buildings) (1)	Architecture (2)	Architecture(1), splendid architecture (1)
Buildings (1)	Buildings (1)		Buildings (1)
	High buildings/houses (3)		High buildings/towers (2)
Palaces (1)	Museums (1)	Fortress (1)	Castles (3) Statues (1)
			Streetlights (1)

In 2008 fashion industry was well represented: TUEK — *fashion* (7), *fragrances* (6), *beauty* (3), *perfume* (2), *haute couture* (1); SIKTU — *fashion* (1), *perfume* (3), *fashion house* (1), “*French house*”¹¹ (1). In 2014 only Shymkent informants gave such images: *fashion* (1), *fashionable and high-quality clothes* (1), while those from Ust’-Kamenogorsk mentioned “male” cars: *Mercedes* (2), *Porsche* (1), *BMW* (1), *Audi* (1), *Bugatti* (1).

Resort area is yet another cultural sub-image of Western Europe. In 2008 the students from TUEK suggested seven such associations: *tourism* (2), *recreation* (2), *sun* (1), *beach* (1), *sea* (1). SIKTU students gave similar replies 12 times: *sea* (4), *resort* (2), *sun* (1), *beach* (1), *sand* (1), *ships* (1), *swimming pools* (1) and even *amusement ride* (1). In 2014, there were less replies falling into that category. In TUEK those were *sea* (2), *sun* (1), *tourism* (1), *developed tourism* (1), *recreation* (1), *shopping* (1), *nature* (1); in SKSPI — just *tourism* (2). This information hints at the general integrity of perceptions, structured by a certain “tourist” view of West-

¹¹ A retail chain in Kazakhstan selling French perfume and makeup.

ern Europe. For Ust’-Kamenogorsk students the cultural component of this tourist image was more important, whereas Shymkent students were focused on the entertainment/recreation component.

In 2014 new sub-images came to the fore. Sport (football, namely) is one of them: this word was mentioned twice both in TUEK and SKSPI. Education also gained prominence: TUEK students mentioned *science* and *knowledge*, SKSPI — *good education* (2), *universities* (2), *Sorbonne* (1), *Oxford* (1). In SKSPI there was a hint at gastronomical sub-image: it was expressed, however, in more or less bleak images reminiscent of a university canteen — *cuisine*, *sausages*, *tea*, and *schnitzel*.

Anthropological traits are akin to cultural, yet their focus on individual human beings justifies their singling out as a separate group (Table 2). The images given are almost all positive or neutral. The only exception is a TUEK student who in 2008 expressed a stereotype that was first coined by Russian thinkers of the 19th century (the Slavophiles): *regress in spiritual development of human beings*. Two “demographical” traits also stand aside: *many people*, *elderly people*.

Table 2

Anthropological images/associations of Western Europe (N of mentions)

2008		2014	
TUEK	SIKTU	TUEK	SKSPI
Famous people (2)	People (3), intelligent people (2)		
The birthplace of great artists and musicians (1)	Educated people (2)		Intelligentsia (1), Highly cultured people (1)
Gentlemanly people (1)	Gentlemanly behavior (2)		Modern civilized people (1)
Neat (1)	Neatness (2)		
Accuracy (1)			Punctuality (1)
Good organization (1), orderliness (1)			
	Sociability (1)		More open people (1), sociable (1)
Polite people (1)			Politeness (1)
Entrepreneurial people (1)			
The people are different there (1)	Free people (1)	Other values (1) Mentality (1), Manner (1), Unusual (1)	A different culture (1), Other mentality (1), Other values (2), Other ideas (1)
		Europeans (1)	Europeans (1), white (1)
English people (1)		English-speaking world (1)	
			Women at the wheel (1), Ladies with dogs (1)
Regress in spiritual development of human being (1)			Spirituality, but not always (1)

Table 3

Social and economic images/associations of Western Europe (N of mentions)

2008		2014	
TUEK	SIKTU	TUEK	SKSPI
Highly developed (3)	Developed countries (4)	Developed (1)	Developed countries (1), state of being developed (2)
High standard of living (2) / everyday life (1)	High standard of living (1)		
Rich (1), riches (1), luxury (1)	Rich (1)	Rich (1)	
Dollars (2), euro (1)	Money (1)	Euro (1)	Single currency (1)
Highly developed countries (1), an assembly of developed countries (1), everything is well-developed (1)	Highly developed states (1)		Developed economy (1)
Industrially developed country (1)			Developed medicine (1) / science (1)
Strong economy (1)			Many jobs (1)
Business (1)		Trade (1)	Industry (1)
Shops (1) / world-famous brands (1)			

Economic facets of European image are rather lop-sided (Table 3): Western Europe is seen as an economic paradise, a paragon of development, the society of well-being with no conflicts, or of richness and luxury.

Political component proved to be the least salient and expressed mainly in neutral images. In 2008 these were *queen* (TUEK, twice), *conservative* (TUEK, once) and *kings, democracy, transparent borders, foreign states* (SIKTU, once). In 2014 — *globalization* (TUEK, once), *queen, iridescent flag, adversaries of Russia* (SKSPI, once). Political images are adjoined by the rarest legal notions: *law, human rights* (TUEK, 2008, mentioned once), *discipline, order* (SIKTU, 2008, mentioned once) and *freedom of speech* (SKSPI, 2014, once).

Generalized features of Western Europe were rather diverse and often contradictory. Some mentioned *traditions* (TUEK, once), *coexistence of old traditions and innovations* (SIKTU, twice), others preferred *modernity* (SIKTU, twice), *trendsetter of all things modern* (TUEK, once). Europe was also associated with *energy* (TUEK, once), *ample opportunities / prospects* (SIKTU, twice). There

is actually a sizeable layer of emotionally positive and by their emotional upsurge even exoticizing images: *bright, singularity, admiration, uniqueness, all the positive things* (TUEK, once), *exotic countries, fairy tale* (SIKTU, once). Just three Shymkent students were less rosy about Europe: for them Western Europe was something *fashionable* and therefore transitory. Also it should be noted that all these images are from 2008, and no emotionally positive associations were reported in 2014. In that year, however, new association was on the table: *Napoleon*.

Western Europe in the Eyes of the Students: Individual Countries

France. We already noted that this state is usually perceived as the symbol of Europe as a whole. The symbol of France (Table 4) itself is the Eiffel Tower. Key elements of the image of France are the same among the students of both universities — perfume, fashion, beauty, Paris, love. The image of France in general is highly positive one, only two negative associations were listed. Still, in 2014 previously absent social and political issues turned up.

Table 4

Images/associations of France (N of mentions)

2008		2014	
TUEK	SIKTU	TUEK	SKSPI
Eiffel Tower (9)	Eiffel Tower (14)	Eiffel Tower (15)	Eiffel Tower (9)
Paris (2)	Paris (1) / beautiful town (1)	Paris (4)	Paris (2) / Paris, my dream city (1)
Arc de Triomphe (2)			
Champs-Élysées (1)			Champs-Élysées (1)
Fashion (7) / Haute couture (1)	Fashion (1) / Fashion house (1)	Fashion (1) / world of fashion (1)	Fashion (3) / Fashion industry (1)
Fragrance (6) / perfume (2)	Perfume (3) “French House” (1)	Fragrance (3) / Perfume (2) / cosmetics (1)	Perfume (3) / cosmetics (1)
Beauty (3)	Beauty (2) / beautiful buildings (2)	Beautiful (1)	Very beautiful places (1)
	Cleanliness (1)		Cleanliness (1)
Roads (1) / wash roads with shampoo (1)			
Shops (1) / Boutiques (1)		Shops (1) / shopping (1), brand clothes (1)	Sailors’ clothing (1)
		Nature (1)	
	Museum (1), bridges, parks (1)		Architecture (1)
	People (1) / French (1)		Immigrants (1)
	Beautiful women (1)		
Love (1)	Love (1)	Love (3) / the city of love (2)	
Beautiful language (1)		Language (1)	Wonderful (1) / Very beautiful language (1)
Aestheticism (1)	Glamour (1)	Harmony (1) cozy (1)	
	Romantic (1)	Romance (2)	
Football (1)		Zinedine Zidane (1)	Paris Saint-Germain F.C. (1)
	Actors, movies (1)		Movie “Taxi” (1)
	Cheese (1)	Pasta (1)	Baguettes (1)
	More developed (1)		
			Sorbonne (1)
	Technical equipment (1), transport (1)	Peugeot (1)	
	Cunning, flattery, foppery (1)		
			Freedom of speech (1)
			Strikes (1)
			Nuclear superpower, one of five permanent members of UN Security Council (1)

Germany. Students from two universities turned out to be most univocal in expressing opinions about this country, while the images provided show maximum preciseness and diversity. The informants indicated a largest amount of the features of national character — and no negative traits. On the other

hand, the students remember negative image of Germany obviously inherited from their grand-parents, personified in the figure of Hitler. Also, in 2014 German football clubs and Angela Merkel came to the scene (Table 5).

Table 5

Images/associations of Germany (N of mentions)

2008		2014	
TUEK	SHIKTU	TUEK	SKSPI
Automobiles (5), cars (2)	Mercedes-Benz (1) / powerful (1) / Expensive cars (1)	Cars (5), Mercedes-Benz (2) / BMW (1) / Porsche (1)	Autos (1) / technics (1)
	Roads (1)		
	Quality (1)	Quality (1)	
	Preciseness (2)	Preciseness (1)	Preciseness (2)
Tidiness (1)	Tidiness (2)	Tidiness (3)	Tidiness (2)
	Neat (2)		Neatness (2)
	Punctuality (1)		Punctuality (2)
Manners (1)			
	Practicality (1)		
Order (2)	Integrity (1)		Following all the rules (1) / order (2)
Strict laws (1)	Strictness (1)		
Conservatism (1)			
Music (1)	Music (1)		
		Medicine (2)	Medicine (1)
	Philosophy (1)		
		German language (4)	German language (1)
Nazis (1)	Fascists (1)	Fascists (1), 1941 war (1), Hitler (2)	Hitler (2)
Kind people (1)	Very developed, intelligent people (1)		
	A different mentality (1)		
		Germans (2)	Germans (2)
			Guys with moustache (1) / Ladies with dogs (1)
Rain (1)			
Landscape, verdure (1)	Trees, flowers (1)		
Sights (1), buildings (1)	Historical buildings (1)		
	The Berlin Wall (1)	The Berlin Wall (1)	
		Reichstag (1)	
		Arc of Triumph (1)	
	Berlin (1) / Beautiful city (1)		Berlin (1)
Small country (1)			Located in the center of Europe (1)
Chocolate (3)	Chocolate (1)		
Beer (1)		Beer (2), sausages (1)	Beer (1), sausages (1)
			Football club (1) FC Bayern München (2) FC Borussia (1)
			A. Merkel (1)

Great Britain. Its landmarks are the Big Ben and the queen (her name was only mentioned in 2014, though). Other changes between 2008 and

2014 include more details about the universities, a mention of a famous car brand, a football team, a playwright and a literature personality (Table 6).

Table 6

Images/associations of Great Britain (N of mentions)

2008		2014	
TUEK	SIKTU	TUEK	SKSPI
Big Ben (6)	Big Ben (5)	Big Ben (4) / clock (2)	Big Ben (3)
Queen (2), kingdom (1)		Queen (2), monarchy (1)	Queen (2) / Elizabeth (1) / and her family (1), monarchy (1)
Cultured people (1), culture (1)			Cultured people (1), culture (1)
		History (1)	
	Universities (2)	Oxford (1)	Oxford (2) Cambridge (1) education (1)
			Films (1)
	London (1)	London (3)	London (4)
		Manchester (1)	
Scotland (1)			
	Rich people (1)		
			Immigrants (1)
			Every man to himself (1)
			Men wearing cut-down trousers because of frequent rains (1)
	Tact (1)		
Architecture (1)		Skyscrapers (1)	Large buildings (1)
			Castles (1)
Stonehenge (1)		Stonehenge (1)	
			London Bridge (2)
			Wembley Stadium (1)
	Paved road (1)		
	Football (1)	Football (2)	Football (1), Manchester United (1)
Shops (1)			
		Double-decker buses (1)	Double-decker buses (1), excursions (1)
		Aston Martin (1)	
Ocean (1)	Rain, tornado (1)	Rain (2), Fog (1), umbrella (1)	Rains (1) / fog (1)
	Coffee (1)	Five o'clock (1)	
			Shakespeare (1)
			The Beatles (1)
			Sherlock Holmes (1)

Italy. In 2008 the students from two universities gave entirely opposite answers. Those from Ust'-Kamenogorsk reported tourism-oriented, rather vague yet positively charged "map" of the country. Shymkent students gave just two images of Italy, both highly negative. Such a clear-cut dissimilarity is very intriguing and demands additional explanation (Table 7).

It is already clear, however, that the image of one of the biggest and the most developed states of Western Europe, heir to Ancient Rome and Renaissance,

a home to a huge number of historical and cultural monuments, is perceived in Kazakhstan mostly through the lens of consumerism. As with France and Germany, students of two universities provided generally similar answers in what concerns the structure of replies. In 2014 SKSPI students gave even more similar answers and indicated no negative images, as well. Moreover, it was Shymkent where the students coined an image comparable to Big Ben for Britain and Eiffel Tower for France — the "boot" (an image that resembles the outline of Italy on the map).

Table 7

Images/associations of Italy (N of mentions)

2008		2014	
TUEK	SIKTU	TUEK	SKSPI
			Boot/heel (2)
Pasta (4) / spaghetti (2)		Pasta (2) / spaghetti (1) / pasta (1), pizza (2)	Pizza (2)
Famous Italian (1) / tasty cuisine (1)		Cuisine (1)	
		Wine (2)	Wine (1)
Coffee (1)			
Tomato (1)			
Footwear (5)			
Fashionable clothes (2), Italian fashion (1)		Clothing (1)	Fashion (1)
Furniture (2)			
Art (1), paintings (1)		Art (1)	Culture (1)
Dances (1)			
		Beauty (1), harmony (1)	
Resort (2), coast (1), mountains (1)		Tourism (1)	
		Nature (1), hot days (1)	
	Uneven development (1)		
	Mafia (1)		
Love (1)			
Beautiful language (1)			
		Rome (2)	Rome (1)
		Vatican (2)	
Venice (1)		Venice (1)	
			Milan (1)
Colosseum (1)		Colosseum (1)	
		The Leaning Tower of Pisa (1)	
		Castles (1)	
			Bridges (1)
			Little streets (1)
Football (1)		Football (1)	Football (1)
Rodeo (1)			
		Boat (1)	
		The Pope (1)	

Students' images of other European states were scanty, fragmentary and stereotypical. *Spain* for TUEK students means *dance* (3), *tourism* (2), *big passion* (1), *national costumes* (1) and *resort* (1) in 2008, and *bulls* (1), *Real Madrid FC* (2), *football* (1), *Spanish dances* (1), *songs* (1), *language* (1), *red* (1), *crisis* (1) in 2014. The Southern Kazakhstan selection is more or less similar: *tango* (1), *Real Madrid FC* (1), *coffee* (1) and *corrida* (1) in 2008, and *football* (2), *Barcelona* (2), *Madrid* (2), *Spanish dance* (1), *tango* (1), *pasta* (1), *bull* (1) in 2014. Cervantes, Velasquez, Salvador Dali and even Spanish guitar did not get a single mention. The

image of the country is comprised of basically three components (football — *corrida* — dance), and even the dance hails from Argentina.

Switzerland is another example of highly stereotypical perception. In 2008 it was mentioned only in TUEK, and it was associated with *watches* (4), *nature* (1), *resorts* (1) and *mountains* (1). In 2014 more images came to the scene: *watches* (5), *mountains* (2), *Alps* (1), *skirt* (2)¹² and Ibrahimović (foot-

¹² It looks like a student had a kilt in mind. He, most likely, took one mountainous country (Scotland) for another (Switzerland).

ball player who is actually a Swede) — in TUEK; *watches* (4), *banks* (3), *Alps, green mountains, clean city, fields, flowers, gardens, snow, resorts, schnitzel* (once each) — in SKSPI.

The Netherlands in 2008 were mentioned only once: *flowers* (TUEK). In 2014, named in a more familiar way (Holland) brought forward more associations: *Amsterdam, legality* (of light drugs, probably), *orange, cheese* in TUEK, and *football, cold, Amsterdam, water, Saba* (a resort island in the Antilles, currently a Dutch territory), *cigars, red lights street* in SIIKTU. **Greece**, ignored in 2008, later got its fair share of images in Shymkent: *Athens, myths, historical monuments, ruins, wine, Greeks, Greek salad, beautiful braided things, footwear, Greek braids*. **Austria** was mentioned only in TUEK in 2008: *Danube river* (2), *silence* (1), *church buildings* (1), *kingdom* (1), *gardens* (1), *guys* (1), *far away* (1), *déjà vu* (1). In 2014 it was mentioned only as a *Germany's ally* in SIIKTU.

Other European countries proved to be even less lucky. **Sweden** meant *high standard of living* and *many elderly people* (TUEK, 2008), *Swedish table* and *watch* (SKSPI, 2014; here Sweden was obviously mistaken for Switzerland). **Luxembourg** was mentioned in 2008 in TUEK as *a small country*; in 2014 it was mentioned only in SKSPI: *castle* and *mountains*. **Portugal** was mentioned in all the surveys: *beautiful beaches* (TUEK, 2008), *football* (2), *Cristiano Ronaldo, Lisbon* (TUEK, 2014), *Cristiano Ronaldo* (SKSPI, 2014). Finally, five remaining European states mentioned in these two surveys were **Ireland** (*fisheries, castles*), **Belgium** (*wafers, cheese*), **Denmark** (*war, dolphin massacre*), **Iceland** (*volcanoes*), and **Monaco**: *monarchy, prince, resorts, banks, recreation* (2).

The interim results of this study are as follows:

1. The sample is very small, and it means that the choice of images was substantially shaped by personal sympathies/antipathies of individual informants, their (and their friends'/relatives') peculiar experiences of visiting certain European countries. The appearance of football associations in 2014 is merely indicative of the fact that a handful of football fans took part in the survey. Images are born on the individual level — to a great extent so. Austria is a good example of this: it accidentally appeared and disappeared, and images of this country are pretty whimsical (personal observations in a bizarre mix with second-hand historical knowledge).

2. All in all, France, Germany and Great Britain are European leaders, while Italy took a notable place in the east and Austria in the south of Kazakhstan. The weight of the last two countries is most likely due to chance, while the leadership of the “big three” is more than justified because they are constantly and intensely represented in the media.

3. The images transmitted by mass-media, however, are subject to substantial change on the level of individual perception. The parameters of such shifts are defined by informants' social background, their education, relationships, their proclivity towards reflection and other personal and group traits. One may assume that the leading role of the images of France is due to gender imbalance among the informants — women make up the majority, and France for women of CIS is an established paragon of fashion, beauty and romance.

4. Images of France, Germany and Great Britain are remarkable for the opposition “Us versus Them”. This dichotomy may be expressed in more direct terms: *different people, different mentality* (2008); *differing culture, other values, mentality, manners, unusual, different mentality, different life* (2), *other concepts* (2014). Quite often, though, it is implicit and expressed in a choice of positive traits that are evidently contrasted with Kazakhstan deficiencies.

5. In general Western Europe for Kazakhstan students is a kind of consumer paradise — a place to spend vacations, make shopping and have fun in. At the same time this “paradise” is a distant and vague place, more of a mirage than an actual locality.

Conclusion

Western Europe is not yet perceived in Kazakhstan as an entity by student youth. European space is not demarcated by them exactly and definitively, its borders are usually defined by political yardstick, although this political principle — treating all what extends to the west of Brest as Western Europe and what stretches to the east of this border point symbolizing the separation of the two worlds as Eastern Europe — is getting more and more outdated. It also should be taken into account that within a European space demarcated in such a manner there are historical, cultural, religious, ethnic and other delimitations that may look more like insurmountable barriers, especially from the outside.

Such a fragmented image is somehow justified by the fact that Western Europe was — and in many respects still remains — a most heterogeneous region consisting of countries with centuries-old capitalism and market newcomers, states with uneven level of economic development, those of Catholic, Protestant and Orthodox traditions, etc. This fact, as well as differences in a political “weight” of Western European countries on international stage, and their unequal contribution to the hall of fame of art and culture, hinders the formation of integral image of Western Europe.

There is another side of the story: our study, however small it is, indicates that dominant representations of Western Europe in Kazakhstan are vague and stereotypical despite the fact that our informants belong to one of the most well-informed and educated groups. Particularly surprising was that there were no attempts, except for the taken by a single student, to personify the image of Western Europe; besides, Napoleon named by this student looks as a not very suitable figure for such an embodiment because for a half of Western Europe he was more a destroyer than creator. Why has nobody said that Western Europe is Leonardo da Vinci or Albert Einstein, Giuseppe Verdi or Richard Wagner, or at least Patricia Kaas? Why, unlike that of Russia¹³, the image of Western Europe in Kazakhstan has no “face” and bears no “name”? Equally, this question appears with separate European countries. At the country level of images probing our informants mentioned just six people, half of them football players: Hitler, Merkel, Elizabeth II, Shakespeare, Zidane, Ibrahimović, Ronaldo and additionally one multiple personality — “The Beatles”. That is to say, not only Europe as a whole, but also individual states gave out nothing else but just the same few names.

What is the reason behind this phenomenon? To give a definite answer to this question a new study with much more numerous sample used would be required, nevertheless, even now we can exclude safely some directions of search. Thus, the national education system cannot be blamed for lack of cul-

tural knowledge about Western Europe. Since 1991, the school and university curricula has undergone significant changes, first of all, by increasing the hours devoted to studying the contribution of ethnic Kazakhs to the national history and culture. Nevertheless, let the duration and content of those courses, lessons and lectures that introduce the audience to non-Kazakh deeds and feats in domains of arts, science and humanities seem to be partly curtailed, they are still continue to inform in sufficient details about achievements of European thinkers, scientists, artists, musicians, etc. More to that, a very plethora of widely-known names included in the curricula is partly responsible — truly, in the lesser part — for students’ failures: it was difficult to select a certain representative personality in a short amount of time that was reserved for this operation. However, this reason is too minor to remove the above question.

Similarly, we should not refer to the total absence among the overwhelming majority of our respondents of any personal “clear-cutting” visual impressions accumulated in the course of their stay, even short-term one, in Western Europe. It is no coincidence that our article was preceded by an epigraph concerning role of stereotypes in worldview taken from the famous book by Walter Lippmann. We really “imagine most things before we experience them” and the limiting force of this pre-ordained imagination is capable to prolong, perpetuate, eternalize not only our misunderstanding but even the unconscious self-exclusion from vision of some important characteristic features of foreign life that we did not encounter with earlier. The more important is that while staring at ones European features and omitting others we are guided by — perhaps, unconsciously once more — our own life preferences of the moment. Speaking in other words, a paucity of the Europe personification exposed so clearly by our respondents has something to do with the way both Western Europe and its countries are perceived. According to this specific perception, neither European Union nor France with its “French fashion houses” nor Germany with its *autobahns* **have no need** for a symbolic figure to personify the centuries of struggles and achievements of European genius that laid the foundation of the comfortable universe of motorways and supermarkets. Most probably, image recipients have just found in Western Europe a convenient symbol of well-being, of

¹³ In 2004 and 2007, during the surveys about the image of Russia, undertaken in the same two universities, the students mentioned about 30 persons seen as the symbols of Russia: politicians, writers, sportsmen, historical figures and singers. See: [Yessimova, Panarin 2008].

earthly goods that spread beyond their place of origin. To put it differently, Western Europe failed to acquire a “face” exactly because a consumer paradise has no need for a face. Yet the continent itself is hardly to blame. Its impersonal image has come to the scene, firstly, as derivative from the Soviet ideological heredity, secondly, as a result of the scarcity of image translated by the Russian intermediary, and thirdly and most importantly, because of the informants’ inner disposition to choose just a consumerist image of Europe at the expense of its other possible images.

References

- Adam, F., Hafner-Fink, M. & Uhan, S. (2002). Public Conceptions and Images of the European Union: The Case of Slovenia. *Innovation: The European Journal of Social Science Research*, 15 (2), 133—147. DOI: 10.1080/1351161022000001278.
- Alexeenko, A.N. (2004). The Kazakhstan Road towards Modernization. *Acta Eurasica*, 1 (24), 122—151. (In Russian).
- Andersson, J. & Hilson, M. (2009). Images of Sweden and the Nordic Countries. *Scandinavian Journal of History*, 34 (3), 219—228. DOI: 10.1080/03468750903134681.
- Anholt, S. (2007). *Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions*. Palgrave Macmillan.
- Anholt, S. (2010). *Places: Identity, Image and Reputation*. Palgrave Macmillan.
- Aubakirova, J.S. (2010). *The Reproduction of Kazakhstan Population: An Ethnic-cum-Regional facets*. Ust'-Kamenogorsk: Librius. (In Russian).
- The Brokgauz and Efron Encyclopedic Dictionary (1890—1907). Vol. XII. Saint-Petersburg. (In Russian).
- Dobler, W. (1997). Britain's Image in Germany: A Survey of Poll Results on German Attitudes towards Britain and Other EU Member Countries. *German Politics*, 3 (3), 152—165. DOI: 10.1080/09644009708404494.
- Govers, R. & Go, F. (2009). *Place Branding. Glocal, Virtual and Physical Identities, Constructed, Imagined and Experienced*. Palgrave Macmillan.
- The Great Soviet Encyclopedia (1972). Vol. 19. Moscow: Soviet Encyclopedia. (In Russian).
- Holland, M. & Chaban, N. (2011). The EU as an Agent for Democracy: Images of the EU in the Pacific Media “Mirror”. *Journal of European Integration*, 33 (3), 285—302. DOI: 10.1080/07036337.2011.558898.
- Korol'ko, V.G. (2003). *The Foundation of Public Relations*. Moscow: Refl-buk, Kiev: Vakler. (In Russian).
- Lucarelli, S. (2014). Seen from the Outside: The State of the Art on the External Image of the EU. *European Integration*, 36 (1), 1—16. DOI: 10.1080/07036337.2012.761981.
- Nye, J.S. (2004). *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. Public Affairs.
- Ol'shansky, D.V. (2001). *The Foundation of Political Psychology*. Ekaterinburg: Business book. (In Russian).
- Pardo, S. (2010). Understanding Israeli — EU Relations: A Matter of Perceptions and Images. *Israel Journal of Foreign Affairs*, IV, 63—75. DOI: 10.1080/23739770.2010.11446401.
- Pocheptsov, G.G. (2003). *Imigeology*. Moscow: Refl-buk, Kiev: Vakler. (In Russian).
- Smelser, N. (1994). *Sociology*. Moscow: Phoenix. (In Russian).
- Therkelsen, A. & Gram, M. (2010). Branding Europe — Between Nations, Regions and Continents. *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*, 10 (2), 107—128. DOI: 10.1080/15022250903561903.
- Yessimova, A.B. & Panarin, S.A. (2008). Образ and Image of Russia in Kazakhstan. In: *Russia and EU in Central Asia*. Ed. by M.G. Nosov. Moscow: Russian Souvenir, p. 40—66. (In Russian).
- Yessimova, A.B. & Panarin, S.A. (2009). Kazakhstan: Image of Western Europe or Images of European Countries? In: *Russia and EU in Central Asia*. Ed. by M.G. Nosov. Moscow: Russian Souvenir, p. 7—42. (In Russian).

Received: 01.07.2018

For citations: Yessimova, A.B. & Panarin, S.A. (2019). Western Europe through the Eyes of Students of Kazakhstan Universities: Countries' Images and Driving Force for Their Formation. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (1), 100—118. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-100-118.

About the authors: Yessimova Aigul' Begenovna — PhD in History, Associate Professor in Sociology, South-Kazakhstan State Pedagogical University, Shymkent, Kazakhstan (e-mail: ayessimova@gmail.com).

Panarin Sergei Alekseevich — PhD in History, Head of the Department for the Study of Contemporary East, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: sergpanar@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-100-118

Западная Европа глазами студентов казахстанских вузов: образы стран и движущая сила их формирования

А.Б. Есимова

Южно-Казахстанский государственный педагогический университет,
Шымкент, Республика Казахстан

С.А. Панарин

Институт востоковедения РАН, Москва, Российская Федерация

Имидж страны и в особенности та его версия, которая воспринимается за ее границами, становится все более важным гуманитарным ресурсом, способным оказывать позитивное или негативное влияние в разных областях, включая и область международных отношений. В СССР Западная Европа и образующие ее страны были наделены двойственным имиджем: в нем соединялись представления о сокровищнице культуры и о территории господства классов и сил, враждебных социалистическому лагерю. После распада Советского Союза Западная Европа стала восприниматься на постсоветском пространстве как образцовая капиталистическая модель, на которую следует походить.

Представления молодежи Казахстана об имидже Западной Европы формировались как раз в этот период. С целью их зондирования был проведен пилотный социологический опрос студентов двух казахстанских вузов, один из которых расположен на северо-востоке страны, в г. Усть-Каменогорске, второй на юге, в Шымкенте. Полученные результаты позволяют с уверенностью утверждать, что у студентов нет целостного имиджа Западной Европы. В их представлениях господствует совокупность имиджей отдельных европейских стран в составе региона, сильно различающихся между собой по степени полноты. Наиболее разработаны имиджи Франции и Германии. Но и они, не говоря уже об имиджах стран, меньших по размерам и реже упоминаемых в СМИ, основываются преимущественно на широко распространенных стереотипных представлениях об экономических, политических, культурных характеристиках этих стран. Также бросается в глаза, что имиджи западноевропейских стран, вырисовывающиеся из ответов студентов, практически не персонифицированы — очень редко отождествляются с той или иной личностью, значимой в историческом, политическом и культурном отношении. По мнению авторов, эта особенность ответов может считаться одним из индикаторов преобладания у студентов восприятия Западной Европы как такого места, где могут быть удовлетворены их различные потребительские запросы.

Ключевые слова: имидж, Западная Европа, Казахстан, опросы студентов, символическая персонификация

Библиографический список

- Алексеев А.Н.* Казахстанский путь модернизации // Вестник Евразии. 2004. № 1. С. 122—151.
- Аубакирова Ж.С.* Воспроизводство населения Казахстана: этнорегиональный аспект. Усть-Каменогорск: Либриус, 2010.
- Большая Советская Энциклопедия.* Изд. 3-е. Т. 19. М.: Советская энциклопедия, 1972. С. 15.
- Есимова А.Б., Панарин С.А.* Образ и имидж России в Казахстане // Россия и ЕС в Центральной Азии / отв. ред. М.Г. Носов. М.: Русский сувенир, 2008. С. 40—66.
- Есимова А.Б., Панарин С.А.* Казахстан: Имидж Западной Европы или имидж стран Европы? // Россия и формирование образа ЕС в Центральной Азии / отв. ред. М.Г. Носов. М.: Русский сувенир, 2009. С. 7—42.
- Королько В.Г.* Основы публичных речей. М.: Рефл-бук, Киев: Ваклер, 2003.
- Ольшанский Д.В.* Основы политической психологии. Екатеринбург: Деловая книга, 2001.
- Почепцов Г. Г.* Имиджелогия. М.: Рефл-бук, Киев: Ваклер, 2003.
- Смелзер Н.* Социология. М.: Феникс, 1994.
- Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Санкт-Петербург, 1890—1907. Т. XII.
- Adam F., Hafner-Fink M., Uhan S.* Public Conceptions and Images of the European Union: The Case of Slovenia // Innovation: The European Journal of Social Science Research. 2002. Vol. 15. No 2. P. 133—147. DOI: 10.1080/1351161022000001278.
- Andersson J., Hilson M.* Images of Sweden and the Nordic Countries // Scandinavian Journal of History. 2009. Vol. 34. No 3. P. 219—228. DOI: 10.1080/03468750903134681.
- Anholt S.* Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions. Palgrave Macmillan, 2007.
- Anholt S.* Places: Identity, Image and Reputation. Palgrave Macmillan, 2010.

- Dobler W.* Britain's Image in Germany: A Survey of Poll Results on German Attitudes towards Britain and Other EU Member Countries // *German Politics*. 1997. Vol. 3. No 3. P. 152—165. DOI: 10.1080/09644009708404494.
- Govers R., Go F.* Place Branding. Glocal, Virtual and Physical Identities, Constructed, Imagined and Experienced. Palgrave Macmillan, 2009.
- Holland M., Chaban N.* The EU as an Agent for Democracy: Images of the EU in the Pacific Media "Mirror" // *Journal of European Integration*. 2011. Vol. 33. No 3. P. 285—302. DOI: 10.1080/07036337.2011.558898.
- Lucarelli S.* Seen from the Outside: The State of the Art on the External Image of the EU // *European Integration*. 2014. Vol. 36. No 1. P. 1—16. DOI: 10.1080/07036337.2012.761981.
- Nye J.S.* *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. Public Affairs, 2004.
- Pardo S.* Understanding Israeli — EU Relations: A Matter of Perceptions and Images // *Israel Journal of Foreign Affairs*. 2010. No IV. P. 63—75. DOI: 10.1080/23739770.2010.11446401.
- Therkelsen A., Gram M.* Branding Europe — Between Nations, Regions and Continents // *Scandinavian Journal of Hospitality and Tourism*. 2010. Vol. 10. No 2. P. 107—128. DOI: 10.1080/15022250903561903.

Дата поступления статьи: 01.07.2018

Для цитирования: *Есимова А.Б., Панарин С.А.* Западная Европа глазами студентов казахстанских вузов: образы стран и движущая сила их формирования // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2019. Т. 19. № 1. С. 100—118. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-100-118.

Сведения об авторе: *Есимова Айгуль Бегеновна* — кандидат исторических наук, доцент социологии, Южно-Казахстанский государственный педагогический университет, Шымкент, Казахстан (e-mail: ayessimova@gmail.com).
Панарин Сергей Алексеевич — кандидат исторических наук, заведующий Центром исследования общих проблем современного Востока, Институт востоковедения Российской академии наук (e-mail: sergpanar@mail.ru).

© Yessimova A.B., Panarin S.A., 2019

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-119-129

Японское университетское сообщество в международном окружении: маневры или курс на снижение?

Л.В. Жилина

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Омск, Российская Федерация

В статье рассматриваются вопросы, с которыми в последние годы сталкиваются японские университеты, стремящиеся попасть в первые строки рейтингов.

Начиная с 2003 г. мировая университетская система вступила в новую фазу своего развития, когда вузы начали получать публичную оценку в глобальных рейтингах университетов. Для многих стран, в том числе и Японии, попадание в их топ-лист стало чуть ли национальной целью. Из новых проблем, возникших в течение последних лет, наиболее важной является «интернационализация» японских университетов, и наиболее очевидным проявлением этой тенденции стал растущий интерес японских вузов к мировым университетским рейтингам. В Японии интернационализация стала приоритетом и для университетов, и для правительства, потому что она рассматривается как признак глобальной конкурентоспособности. С 2000 г. японское правительство представило ряд законодательных и политических инициатив, направленных на повышение автономии и управленческого потенциала вузов, на повышение их оценки и повышение их качества, а также на развитие конкурентоспособных на международном уровне исследований, проводящихся в центрах передового опыта и аспирантуре. Для того чтобы решить эту проблему, правительство Японии решило увеличить число иностранных студентов с нынешних 100 000 до 300 000 к 2020 г.

Тем не менее, в то время как вузы других стран Восточной Азии вырываются вперед по разным показателям, рейтинг японских университетов идет по нисходящей траектории.

Чтобы стать более конкурентоспособной, Японии необходимо открыть двери своих университетов и активно работать в направлении привлечения новых и талантливых исследователей и студентов из-за рубежа, также целесообразно увеличить количество курсов, доступных на английском языке. Вместе с тем следует отправлять больше японских исследователей и студентов за рубеж, чтобы стимулировать их исследовательскую деятельность и улучшить, таким образом, стандарты, требующиеся для повышения рейтинговых позиций.

Ключевые слова: японские университеты, международное сотрудничество, рейтинги

Сегодня университеты и системы высшего образования каждой страны стали частью всемирной сети. Существование этой сети поддерживается не только принципами универсального характера знаний и обучения, но и мобильностью исследователей и студентов, их миграциями из одной страны в другую. Студенты и исследователи становятся все более мобильными, а конкуренция по привлечению в свои вузы самых талантливых студентов и исследователей является все более интенсивной [Скотт 2000: 3—8]. Глобализация высшего образования направлена,

в первую очередь, на создание единого планетарного образовательного рынка, а основным инструментом является конкурентная борьба за потребителя образовательных продуктов и услуг. В силу этого ключевым игрокам для продвижения продукции необходимо преодолевать языковые барьеры, особенности менталитета, национальные культурные и педагогические традиции [Воейкова, Лукьянова 2013: 159—167; Kuroda 2016: 141—156]. В этой ситуации правительства многих стран стремятся повысить качество своих систем высшего образования и улуч-

шить репутацию университетов на мировом рынке [Eades, Nada 2005; Hazelkorn 2011]. Чем лучше репутация вуза, чем больше у него возможностей удерживать своих и привлекать талантливых иностранных преподавателей, исследователей и студентов, тем выше его способности к формированию собственного значительного вклада в развитие экономики и общества страны. И Япония в этом не стала исключением.

Рейтинги: всё по плану?

Очевидно, что университеты, занимающие в популярных рейтингах первые места, могут рассчитывать на большой приток студентов даже при высокой стоимости обучения и, следовательно, на более высокий доход [Варшавский, Комкина 2011: 94—100]. Поэтому в «Плане реформирования госуниверситетов 2013—2015 гг. и вплоть до 2020 г.» Министерство образования, культуры, спорта и технологий Японии (*МEXT*) призвало приложить все усилия к тому, чтобы, по крайней мере, 10 японских вузов вошли в мировые рейтинги Топ-100 в течение ближайших 10 лет¹.

После такой установки рейтинги стали упоминаться в качестве целевого показателя в стратегии развития Японии во всех связанных с вузами государственных планах, программах, а значение, признание и популярность рейтингов стали быстро возрастать. Все больший вес в академических кругах страны приобретают дискуссии о разработке и реализации эффективных стратегий развития конкурентоспособных вузов. Но это стало и источником определенных проблем для самих японских вузов. Далее объясним, почему это происходит.

На протяжении многих лет государственные университеты Японии существовали под непосредственным контролем *МEXT*. Их преподаватели нередко были государственными служащими, а университеты имели очень мало реальной автономии в плане принятия бюджетов и решений по найму профессорско-преподавательского состава. Но именно госуниверситеты первыми и почувствовали на себе влияние растущей международной конкуренции, именно они

достигают пока самых высоких оценок в рейтингах лучших университетов мира [Жилина 2015: 19—24]. Однако 2016 г. серьезно пошатнул и их позиции в рейтингах *THE*² и *QS*³. Заметное снижение отмечается в рейтинге *THE*, который формируется на основании 13 индикаторов, объединенных в 5 групп, отражающих ключевые показатели высшей школы: образование, исследования, цитируемость, доход от НИОКР и интернационализация. Данные для него собираются из трех источников: статистическая информация от университетов, библиометрическая база Scopus и опрос академических экспертов. Здесь Токийский университет опустился с 23-го (2015) до 43-го места (2016) и только к 2017 г. смог отвоевать четыре позиции, поднявшись на 39-е место. Университет Киото — с 59-го опустился до 88-го, а к 2017 г. еще больше сдал свои позиции и занял только 91-е место. Университет Тохоку, занимавший в 2015 г. 165-ю строку, к 2016 г. попал в группу 201—250 и там и «застрял» по сей день.

Значительное ухудшение позиций японских вузов (за исключением улучшивших показатели Токийского технологического института и Университета Васэда) отмечается и в рейтинге *QS*, который оценивает вузы по активности и качеству научно-исследовательской деятельности, мнению работодателей, карьерному потенциалу, уровню преподавания и интернационализации. Перечисленные показатели охватывают ключевые стратегические миссии университетов мирового уровня. Причина же отрицательной динамики японских вузов в первую очередь кроется в изменении методики подсчета второго по значимости критерия — индекса цитируемости научных работ.

Существует экспертное мнение, что статистика цитирования является простым и объективным методом оценки научных исследований и легко подвергается ранжированию. Индекс цитирования используется для оценки университетов, в том числе в международных рейтингах

¹ МEXT: National University Reform Plan. URL: http://www.mext.go.jp/english/topics/_icsFiles/afielddfile/2014/03/13/1345139_1.pdf (accessed: 07.09.2017).

² THE World University Rankings — рейтинг Times Higher Education. URL: <https://www.timeshighereducation.com> (accessed: 07.09.2017).

³ QS World University Rankings — рейтинг Quacquarelli Symonds. URL: <https://www.topuniversities.com> (accessed: 07.09.2017).

вузов. При этом, как отмечают некоторые эксперты [Macdonald, Kam, Aardvark et al. 2007: 702—717], статистические данные, связанные с цитированием, могут быть некорректно истолкованы при определении рейтинга как журналов, так и статей в них. Так, по мнению Филипа Кембела [Campbell 2008: 5—7], главного редактора журнала *Nature*, показатель цитируемости является неточным при оценке качества исследования, так как существуют дисциплины с характерно низким показателем уровня цитируемости на статью, в частности физика. Это, в свою очередь, ведет к ошибкам при ранжировании университетов в рейтингах, использующих показатели цитирования. Таким образом, появляется возможность влиять на данный показатель: если статистика цитирования играет значительную роль в оценке вузов, то авторы, редакторы и издатели находят способы управлять этим показателем [Lawrence 2008: 9—11].

До недавнего времени рейтинг *QS* не учитывал разницу подходов к публикации научных работ в разных научных сферах, однако с 2015 г. была внедрена процедура нормализации, уравнивающая показатели различных дисциплин, что снизило «влиятельность» таких наук, как биология и медицина, и повысило значимость технических наук. Это во многом и обусловило текущую динамику мест японских вузов в мировом рейтинге⁴. А другой «раскрученный» рейтинг *THE* — *Thomson Reuters* оказался в значительной степени ориентирован на оценку исследовательской деятельности вузов, где исследовательский вклад и объем исследований в сумме дают 60% общей оценки (из них 30% — научное цитирование⁵). В этом показателе до недавнего времени применялась нормализация по странам с учетом языка и культуры, однако «вес» данной корректировки был сокращен наполовину, что и привело к значительному снижению оценки всех японских вузов, уступающих среднему мировому показателю по числу цитирований.

⁴ См.: Shirabe M. Global University Rankings: How Are They Measured? URL: <http://www.nippon.com/en/in-depth/a05102/> (accessed: 03.05.2017).

⁵ Общее число ссылок на работы ученых вуза за 6 лет делится на общее число работ. Показатель нормализован по научным областям. В рейтинг не входят вузы, чьи сотрудники публикуют менее 200 работ в год.

Естественный подход к естественным наукам

Издательский дом *Springer Nature*, издающий ведущий научный журнал мира *Nature*, ежегодно представляет обновленный рейтинг публикационной активности научных организаций — *Nature Index Global*. Используя базу *Nature Index*⁶, он показывает вклад страны и научной организации в авторство статьи, а также выявляет степень взаимодействия между научными организациями⁷. Рейтинг основан на публикациях в 68 элитных научных журналах по естественным наукам — астрономия, физика, химия, науки о жизни, науки о Земле. По замыслу авторов он дает представление о вкладе страны или организации в развитие мировой науки. В основном это вузы США, Китая, Германии, Великобритании, Японии (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Рейтинг публикационной активности научных организаций (Nature Index Global) февраль 2016 г. — январь 2017 г. (по странам) / Nature Index Global February, 2016 — January, 2017 (countries)

Страна / Country	AC	FC	WFC
1. США / USA	25 421	17 865,85	15,794
2. Китай / China	9 712	6 861,83	6,462
3. Германия / Germany	8 941	4 377,61	3,770
4. Великобритания / Great Britain	8 307	3 890,22	3,193
5. Япония / Japan	4 656	2 957,04	2,687

AC (Articles Count) — число статей. Стране, где автор опубликовал статью, и научной организации, которую автор указал в качестве аффилиации, присваивается AC = 1. FC (Fractional Count) — вклад института или страны в статью. FC всей статьи равен 1 и делится поровну между всеми соавторами. Чем больше соавторов у статьи, тем меньше вклад каждого. WFC (Weighted Fractional Count) — взвешенный дробный показатель для статей по астрономии. Вычисляется по формуле $WFC = FC \cdot 0,2$.

Источник: составлено автором на основе данных Nature Index. / Source: compiled by the author based on the data of Nature Index.

⁶ Nature Publishing Index NPI с 2009 г. использовался для оценки только организаций АТР. Сейчас оценивает вузы, НИИ во всем мире. NPI показывает место в зависимости от количества статей в журналах Nature.

⁷ Мониторинг 8000 вузов проводит программный робот NI. Оценивается число работ за год или 2—3 предыдущих.

Таблица 2 / Table 2

Изменение WFC Японии и Китая в 2012—2016 гг. (по данным Nature Index) /
Change of WFC of Japan and China in 2012—2016 (by Nature Index)

Страна / Country	Год / Year					WFC / ΔWFC
	2012	2013	2014	2015	2016	
ЯПОНИЯ / JAPAN	3,443	3,367	3,222	3,058	2,765	WFC
Изменение WFC / WFC Change	—	-2,2%	-4,3%	-5,1%	-9,59%	ΔWFC
КИТАЙ / CHINA	4,523	5,204	6,184	6,480	6,508	WFC
Изменение WFC / WFC Change	—	+15,4%	+18,8%	+4,8%	+0,42%	ΔWFC

Источник: составлено автором на основе данных Nature Index / Source: compiled by the author based on the data of Nature Index.

По сумме мест, набранных университетами стран в предыдущие годы, определяют лучших «в виде исключения». Так, например, эксперты отмечают за последние 3 года рост достижений Польши и России, каждая из которых улучшила свои научные результаты на 35 единиц. Это рекорд среди показателей стран мира⁸. Если же говорить о Японии, то с 2012 г. доля ее научных публикаций в журналах с высоким уровнем цитирования значительно упала: после 4-й строки в *Nature Index* в 2014 г. она опустилась на 5-ю в 2015 г., и хотя и осталась на этой позиции в первой половине 2017 г., но ее показатели в базе данных исследований в области естественных наук неуклонно снижаются. Для сравнения: Китай все эти годы стабильно остается на 2-й строке рейтинга и показывает неплохой рост *WFC* публикаций (см. табл. 2). В рейтинге же по публикационной активности среди университетов в самой Японии неизменно лидирует Университет Токио (*UTokyo*) с большим отрывом (почти в 2 раза) от Университета Киото (*Kyoto University*)⁹.

Для Японии в вопросе оценки национальных университетов мировыми рейтингами стало настоящей катастрофой безусловное численное доминирование англоязычной зоны и то, что крупнейший индекс цитирования (*Thomson's Web of Science*) и индекс публикационной активности (*Nature Index*) покрывают преимущественно данный сектор мирового научного сообщества. Это превращает публикации и цитирование в англоязычных изданиях практически в синоним «интернационального признания». В настоящее вре-

мя степень этого признания является предметом пристального внимания ученых, администраторов и политиков в силу одного ключевого обстоятельства. Доля ученых из данной страны в общем потоке англоязычных публикаций и цитирований может рассматриваться как мера ее интернационального интеллектуального «веса», а в пересчете на единицу исследовательского персонала и финансирования — как оценка эффективности организации науки в ней¹⁰.

И здесь, как мы можем понять, высота языкового барьера для японских исследователей и ученых зависит от специфики дисциплины: чем «естественнее» наука, тем меньше в ней требований к языковым ресурсам и, соответственно, проще публикация. Влияние же относительных свойств национальной и интернациональной аудиторий более противоречиво. Национальное академическое сообщество и его относительное экономическое процветание делают обращение к нему более привлекательным, чем обращение к аутсайдерам: в нем каждый может найти для себя аудиторию и шансы на то, что удачные публикации и выступления обеспечат его карьерные перспективы. Размер и уровень экономического благосостояния в этом смысле влияют на интернациональную «видимость» (*visibility*) в прямо противоположных направлениях. И, похоже, рейтинг Японии упал не только в *Nature Index*...

Тренд на снижение?

В 2000 г. правительство Японии объявило о начале реализации многоступенчатой стратегии интернационализации, направленной на повыше-

⁸ См.: Орловский О. Рейтинг развития науки в странах мира. URL: <http://stop-news.com/nauka/rejting-razvitiya-nauki-v-stranah-mira> (дата обращения: 24.05.2017).

⁹ Nature Index Global. URL: <https://www.natureindex.com/supplements/nature-index-2017-japan/tables/institutions> (accessed: 18.05.2017).

¹⁰ См.: Соколов М. Восточноевропейские социальные науки на интернациональных рынках идей. URL: <http://polit.ru/article/2009/05/21/ideas/> (дата обращения: 18.05.2017).

ние рейтинга японских университетов. Подобная политика привела к разработке проектов интернационализации, ориентированных на такие исследования, как *21st Century Center of Excellence* и *Global COE*¹¹, целью которых стала концентрация бюджета и экспертных знаний в отдельных исследовательских программах. *Global COE* содействовала осуществлению десяти проектов, бюджет которых составлял 50—300 млн иен (от 350 тыс. до 2 млн евро) в год на каждое учебное заведение в течение 5 лет. С 2007 г. *The World Premier International Research Centre Initiative (WPI)* поддерживает 9 научно-исследовательских проектов с бюджетом от 1,3—1,4 млрд иен (9—9,8 млн. евро) на один проект в год с поддержкой в течение 10—15 лет. Также *Strategic Fund for Establishing International Headquarters in Universities* (Стратегический фонд для создания международных штаб-квартир при университетах), начавший работать в 2005 г., впервые использовал слово «стратегический» в контексте интернационализации. *MEXT* выделило бюджет в размере 10—40 млн иен (70—280 тыс. евро) в расчете на 5 лет на каждое учебное заведение из 20 отобранных университетов для их «стратегической интернационализации». Но за последние годы в условиях слабой экономики страны и растущих потребностей социального обеспечения японское правительство ужесточило выделение средств на науку. И хотя с 2005 г. был увеличен размер конкурсных грантов, присуждаемых ученым для исследовательских проектов, одновременно сократились ключевые фонды финансирования (гранты на управление), на которые госуниверситеты и исследовательские институты могли рассчитывать в плане программы повышения конкурентоспособности.

Кроме того, возникла нехватка вспомогательного персонала, так что квалифицированные специалисты вынуждены выполнять много рутинной работы, в результате чего у них остается меньше времени на творческие процессы. При сравнении уровня ведущих японских и американских ученых нельзя было отдать безусловное предпочтение американцам — и в Японии есть ученые столь же высокого класса. Однако проблема японской науки заключается в том, что

их довольно мало, тем более для страны с такой большой численностью населения [Денисов 2009: 88—102]. И здесь тоже наметилась неутешительная тенденция: по состоянию на 31 марта 2016 г. общее число исследователей в Японии составило 847 100 чел., что на 2,3% меньше, чем годом ранее, — число исследователей в стране сократилось впервые за 3 года. И это тоже не может не настораживать.

Шаг вперед

Усилия японского правительства в направлении открытости высшего образования не новы, но в последние годы они стали более активными. Безусловно, государства, вовлеченные в разнообразные программы международного образования, преследуют свои внешнеполитические и экономические интересы [Ота, Horiuchi 2017: 108—129]. Международные обмены уже превратились в способ демонстрации «лица» государства, которое предлагает другим странам образовательные программы, и в метод расширения политического и экономического влияния [Мазурова 2000]. В Японии расходы на науку сокращаются, но объем средств, имеющихся в распоряжении высших учебных заведений для реализации задач глобализации, увеличивается: с 1,9 млрд иен в 2006 г. до 9,34 млрд иен в 2016 г. В 2009—2013 гг. *MEXT* учредило проект *Global-30* для 30 ведущих университетов, предлагая им финансирование для создания учебных курсов на английском языке, которые на фоне усиления конкуренции со стороны других стран будут привлекать иностранных студентов¹².

Иными словами, цель программы заключается в том, чтобы создать условия, благоприятные для обучения иностранных студентов в Японии, а также в целом укрепить международную конкурентоспособность страны, применяя стратегию согласованного подхода: опора на долгосрочное международное сотрудничество, реализующееся

¹¹ Global COE Programm. URL: <http://www.jsps.go.jp/english/e-globalcoe/> (accessed: 18.05.2017).

¹² Так как число учебных курсов в вузах на англ. яз. выросло с 100 (2009) до 300 (2013), то и число студентов за рубежом выросло с 23 083 до 28 000 чел. Но и это весьма скромное увеличение числа иностранных студентов за 5 лет обошлось японским налогоплательщикам в 14,7 млрд иен. Однако к 2013 г. доля иностранных студентов (3,4%) оставалась ниже среднего показателя по ОЭСР (9%).

посредством повышения мобильности как студентов, так и преподавателей, программ обмена и партнерских соглашений [Rose, McKinley 2017: 1—19]. Фундаментальным положением этой стратегии является не конкуренция, а налаживание сотрудничества. При этом акцент программы делается не только на стимулирование процессов притока академических кадров в Японию, но и усиление мобильности японских студентов, внедрение стратегии расширенных возможностей, которая призвана поощрять получение образования за рубежом. Рычагами здесь служат мероприятия, направленные на поддержку мобильности студентов, а также ученых и преподавателей.

В 2014 г. *МEXT* запустило еще одну программу, призванную решить вопрос по признанию японских высших заведений и продвижению как можно большего числа японских университетов в рейтинг 100 лучших вузов мира. Проект *Top Global University*, который часто называют программным проектом *Super Global University*, финансирует 37 университетов, чтобы они смогли изменить свои организационные структуры для углубления связей с международными институтами. 13 вузов «А-типа» (многие из которых входят в первую десятку вузов Японии) с 2015 по 2023 г. будут получать до 500 млн иен в год, чтобы прорваться в Топ-100 рейтинга *THE*. Вузы «А-типа» будут стремиться создавать совместные проекты с зарубежными учреждениями «высшей пробы», а еще 24 университета «В-типа» получат до 300 млн иен, чтобы использовать свои уникальные сильные стороны для внесения вклада в экономику страны. По мнению специалистов, правительство оценивает эффективность таких программ, как *Global-30*, только по языку цифр, когда уже давно необходимо создать новые параметры оценивания, чтобы понять, какие университеты реально готовят конкурентоспособные кадры для мирового сообщества.

Стремление соответствовать растущему темпу развития науки порождает новые формы организации исследовательской деятельности — создание международных центров передовых исследований. На этом фоне, возможно, наиболее успешной программой по содействию интернационализации является проект *World Premier Initiative (WPI)*, объединивший 9 институтов. Он

был запущен *МEXT* еще в 2007 г. в стремлении создать в Японии «глобально значимые» исследовательские центры, имеющие очень высокий научно-исследовательский стандарт и выдающуюся исследовательскую среду, достаточно привлекательную для того, чтобы именитые исследователи со всего мира захотели в них работать. В этих центрах, где официальный язык — английский, в среднем 40% исследователей — это специалисты, приглашенные из-за рубежа. Более того, центрам дается высокая степень автономии, что позволяет им практически революционизировать традиционные способы исследования и администрирования в Японии. Так, с 2007 по 2013 г. институты *WPI* публиковали 4,63% самых цитируемых в мире работ, а это третий (после Университета Рокфеллера и Массачусетского технологического института) по величине вклад по категории «цитирование: исследовательское влияние».

Конечно же, японское правительство выбрало верный путь, но многие аналитики и исследователи говорят, что этих усилий недостаточно. По их мнению, требуется еще больше реформ, чтобы исследовательские институты и университеты могли самостоятельно принимать решения относительно своей собственной структуры¹³.

Интернационализация: широко распахнув двери

В Японии понимают, что университеты в условиях глобализации связывает не только конкуренция, но и сотрудничество [Patterson 2005] и для возрождения академической конкурентоспособности необходимо провести ряд инициатив в научно-образовательной интернационализации. Инициатором здесь также выступает *МEXT*, продвигающее сектор высшего образования для привлечения большего числа иностранных сотрудников и студентов и проводящее реформы, направленные на создание более конкурентоспособной исследовательской среды. Ведь интернационализация в образовании приводит к завязыванию партнерских отношений

¹³ Fuyuno I. Japan: Can it Stop the Decline? URL: <https://www.natureindex.com/news-blog/can-japan-halt-the-decline> (accessed: 18.05.2017).

между университетами на международном рынке, при этом сами международные партнерства являются своеобразным способом интернационализации [Knight 2003].

Интернационализация вузов — тема многих правительственных инициатив, в которых подчеркивается важность этого вопроса с точки зрения национальной политики в области образования [Hudzik 2015]. Первоначально эти инициативы были нацелены на увеличение приема ученых и студентов из других стран, однако в объявленном в 2013 г. национальном стратегическом плане была поставлена и новая цель — развитие глобальных человеческих ресурсов. Она находит отражение и в текущих проектах интернационализации высшего образования в Японии. Уникальность ситуации в том, что японское правительство и вузы, похоже, не ожидали, что интернационализация приведет к росту их собственных доходов [Kuroda, Yuki, Kang 2014: 55—79]. Сегодня в качестве стимулов для вузов выступают не только извлечение прибыли от оказания образовательных услуг и личностное развитие граждан страны, но и вклад в экономическое развитие, совершенствование рынка труда, приобретение внешнеполитических преимуществ, популяризация национальной культуры, институциональное совершенствование, а также повышение качества самого образования, что служит лифтом для японских университетов в мировых рейтингах [Yonezawa 2012: 125—143].

Согласно вступившему в силу в апреле 2016 г. Пятому научно-техническому базовому плану японского правительства, по которому страна должна стать «более интернациональной», 800 университетам страны «настоятельно предлагалось» рассмотреть более глобальные перспективы сотрудничества и привлечь большее число молодых и иностранных ученых. Впрочем, оказалось, что, несмотря на все усилия по привлечению иностранных сотрудников и студентов, Японии все же трудно идти в ногу со временем в условиях глобальной конкуренции. Вот почему в одном из докладов ОЭСР¹⁴

¹⁴ OECD — Organization for Economic Co-operation and Development.

прозвучал призыв к Японии лучше интегрироваться в «глобальные инновационные сети»¹⁵ и было отмечено, что доля ученых, иммигрировавших в Японию, является одной из самых низких из 35 стран — членов организации. И как результат — очень низкий уровень соавторства академических статей и международных совместно разработанных патентов¹⁶. Привлечение на работу талантливых исследователей из-за рубежа остается ключевой задачей для Японии и по сей день.

«НЕУТЕЧКА МОЗГОВ»

В Японии задача повышения качества научных кадров через внутреннюю мобильность, а также через тесное взаимодействие науки и бизнеса стала актуальной лишь в последние два десятилетия. Общие цифры мобильности, в сравнении со странами G7, существенно более низкие. Это следствие действия системы «пожизненного найма» и соответствующего менталитета на предприятиях Японии. Эта система распространяется и на высококвалифицированных работников, в том числе исследователей.

Ситуация начала очень медленно меняться с 1990-х гг., когда в Японии стал практиковаться прием на работу на временной основе. Постепенное повышение мобильности трудовых ресурсов теперь подталкивается и существенно расширившейся практикой регулярной квалификационной отчетности и продления (или непродления) контрактов даже для занятых в организации в течение длительного периода. Вместе с тем остаются особенно привлекательными штатные должности, дающие гарантию практически бессрочного найма (особенно для доцентов и профессоров университетов). Не случайно и то, что Закон о временных контрактах, введенный в 1997 г., сначала не привел к существенным изменениям: через год во всех университетах всей страны лишь 99 (!) преподавателей были наняты на этих условиях. В последние годы количество временных контрактов стало быстро расти

¹⁵ В 2014 только 0,4% японских исследований и разработок финансировались за пределами страны.

¹⁶ См.: Munroe I. Japan's plan to cultivate more entrepreneurial scientists. URL: <https://www.natureindex.com/news-blog/japans-plan-to-cultivate-more-entrepreneurial-scientists> (accessed: 18.05.2017).

[Дежина 2016: 96—110]. В 2008 г. число преподавателей, работающих по контрактам, уже составляло 32,4 тыс. человек (20,1%), т.е. можно утверждать, что только через десятилетие сформировался особый сегмент рынка труда¹⁷. По выводам, сделанным после проведенного Национальным институтом науки и технологической политики (*NISTEP*) исследования, использование контрактов для найма исследователей со степенью доктора наук позитивно влияет на количество опубликованных ими работ. Однако у определенной части исследователей, особенно молодых, данные условия вызывают чувство тревоги и неуверенности в завтрашнем дне.

Впрочем, и сегодня многие молодые японские ученые не проявляют особого рвения к работе в исследовательских центрах и лабораториях за рубежом, из-за чего упускают возможность учиться у зарубежных ученых, флагманов западного научного мира. Они неохотно оставляют свои «насиженные места», так как после возвращения из-за границы конкуренция «за место под солнцем» в самой Японии оказывается весьма и весьма жесткой. По мнению некоторых специалистов, это своеобразный пост-эффект от 11 марта 2011 г.¹⁸ — молодые люди обеспокоены тем, что из-за серьезного спада в экономике страны, после возвращения из-за границы им будет очень трудно найти работу дома¹⁹. Все это так или иначе отразилось на научном потенциале страны в целом. Ведь участие в совместных проектах с зарубежными коллегами могло бы внести в научный ландшафт Японии свежие идеи, дать новый импульс для исследовательской работы в научных центрах уже по возвращении домой.

Безусловно, правительство «в курсе» всех этих проблем и помогает, используя свои административные рычаги, реализовать различные

программы по укреплению связей с зарубежными коллегами. *МEXT* находится в процессе пересмотра самых крупных конкурентных грантов Японии на научные исследования и оказывает большую поддержку совместным международным исследованиям. Кроме того, в этом году было выделено 5,6 млрд иен для «придания ускорения» обмену знаниями, дав возможность примерно 520 молодым японским ученым работать в течение двух лет за границей, а 1100 зарубежным исследователям — приехать в Японию²⁰. Однако существует опасение, что эти меры окажутся недостаточными из-за жесткого бюджета правительства, выделенного на науку, и поэтому многие из уже предпринятых попыток не приведут к желаемому — к росту университетского и научного рейтинга Японии.

***

Таким образом, исходя из вышеизложенного, можно понять, что лидирующие позиции в мировом «Табеле о рангах» занимают англоязычные вузы, в первую очередь университеты США, заставляя Японию играть «роль второго плана», что в том числе указывает на определенную необъективность применяемых методик ранжирования. Сложилась система лидирования англоязычных стран и вузов, осуществляющих преподавание на английском языке. Данная тенденция поддерживается давно сформировавшейся системой научного цитирования, при которой на Западе имеется пул журналов, публикации в которых учитываются при ранжировании. Кроме того, существует негативная практика, когда авторы этих журналов ссылаются друг на друга. Между тем статьи в некоторых национальных журналах могут не уступать по научному уровню англоязычным работам, но при этом они остаются за рамками систем цитирования. Налицо вестернизация, суть которой заключается в экспансии западной культуры на весь остальной мир, и она под влиянием глобализационных процессов стала одной из усиливающихся тенденций последнего времени [Воейкова, Лукьянова 2013: 164], что не могло не отразиться на невысоких рейтингах японских университетов.

²⁰ Fuyuno I. Japan: Can it Stop the Decline? URL: <https://www.natureindex.com/news-blog/can-japan-halt-the-decline> (accessed: 18.05.2017).

¹⁷ MEXT: Survey on University Reforms about Contents and Methods of Education Survey. 2008. URL: <http://www.e-stat.go.jp/SG1/estat/NewList.do?tid=000001011528> (accessed: 24.05.2017).

¹⁸ 11.03.2011 землетрясение на северо-востоке Японии привело к страшной аварии на АЭС Фукусима-1.

¹⁹ См.: Seinen Kaigai Kyoiryokutai, O I boshasu I ga Dai haba Gen Shinsai nado no Eikyo Ika (Japan Overseas Cooperation Volunteers, Big Fall in Number of Applicants, Impact of Triple Disasters?). Kobe Shimbun. 29.10.2011. URL: <http://www.kobe-np.co.jp/news/shakai/0004581310.shtml> (accessed: 24.05.2017).

Японский ученый, как и любой другой исследователь в неанглоязычном академическом сообществе, постоянно стоит перед выбором — публиковаться на родном языке или английском. Любой автор стремится к тому, чтобы писать на наиболее интересную тему с наименьшими издержками в процессе написания (к которым, безусловно, относится изложение своих мыслей на чужом языке) и обращаться к самой большой, компетентной и многообещающей (в смысле

карьерных перспектив) аудитории. Кроме того, нельзя не учитывать и то, что университеты иногда имеют определенную специализацию, и те или иные разделы науки в них представлены в разной степени. Все это делает применение стандартных библиометрических методов и систем при составлении рейтингов весьма сомнительным, усложняя и без того тернистый путь японских вузов на научный Олимп.

Библиографический список

- Варшавский А.Е., Комкина Т.А.* Оценка влияния индекса цитирования на рейтинги университетов // Экономика. Налоги. Право. Финансовый университет при Правительстве РФ. 2011. № 3. С. 94—100.
- Воейкова О.Б., Лукьянова А.А.* Глобализация образовательного пространства и ее влияние на национальные системы высшего образования // Вестник УРФУ. 2013. № 3. С. 159—167.
- Дежина И.Г.* Межсекторальная мобильность исследователей в России и мире // Вестник РГНФ. 2016. № 1. С. 96—110.
- Денисов Ю.Д.* Япония в инновационной гонке // Япония—2009. Ежегодник. ИВ РАН. 2009. С. 88—102.
- Жилина Л.В.* Японские университеты: лицом к глобализации // Азия и Африка сегодня. 2015. № 3 (692). С. 19—24.
- Мазурова Н.А.* Федеральные образовательные программы как инструмент внешней политики США: 1936—1999 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000.
- Скотт П.* Глобализация и университет // Альма-матер: Вестник высшей школы. 2000. № 4. С. 3—8.
- Campbell Ph.* Escape from the impact factor // Ethics in Science and Environmental Politics. 2008. No 8. P. 5—7.
- Eades R.G., Hada Y.* The 'Big Bang' in Japanese Higher Education: the 2004 Reforms and the Dynamics of Change. Sydney, Australia: Trans Pacific Press, 2005.
- Hazelkorn E.* Rankings and the reshaping of higher education: The battle for world-class excellence. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011.
- Hudzik J.* Comprehensive Internationalization: Institutional Pathways to Success. New York: Routledge, 2015.
- Night J.* Internationalization of Higher Education Practices and Priorities. Paris: International Association of Universities (IAU), 2003.
- Kuroda K.* Regionalization of higher education in Asia // The Palgrave Handbook of Asia Pacific Higher Education / ed. by C. Collins, M. Lee, J. Hawkins, D. Neubauer. New York: Palgrave Macmillan, 2016. P. 141—156.
- Kuroda K., Yuki T., Kang K.* The institutional prospects of cross-border higher education for East Asian regional integration: An analysis of the JICA survey of leading universities in East Asia // Emerging international dimensions in East Asian higher education / ed. by A. Yonezawa, Y. Kitamura, A. Meerman, K. Kuroda. Dordrecht, Netherland: Springer, 2014. P. 55—79.
- Lawrence P.A.* Lost in publication: how measurement harms science // Ethics in Science and Environmental Politics. 2008. No 8. P. 9—11.
- Macdonald S., Kam J., Aardvark et al.* Quality journals and gamesmanship in management studies // Journal of Information Science. 2007. No 33. P. 702—717.
- Ota H., Horiuchi K.* How accessible are English-taught programs? Exploring international admissions procedures // English-Medium Instruction in Japanese Higher Education / ed. by A. Bradford, H. Brown. Bristol: Multilingual Matters, 2017. P. 108—129.
- Patterson G.* Collaboration/competition crossroads: national/supranational tertiary education policies on a collision course // Tertiary Education and Management. 2005. Vol. 11. Iss. 4. P. 355—368.
- Rose H., McKinley J.* Japan's English-medium instruction initiatives and the globalization of higher education // Higher Education. 2017. Vol. 75. Iss. 1. P. 1—19.
- Yonezawa A.* Challenge for top Japanese Universities when establishing a new global identity: Seeking a new paradigm after "world-class" // Institutionalization of World Class University in Global Competition / ed. by J.C. Shin, B.M. Kehm. Springer, 2012. P. 125—143. DOI 10.1007/978-94-007-4975-7_8.

Дата поступления статьи: 17.11.2017

Для цитирования: Жилина Л.В. Японское университетское сообщество в международном окружении: маневры или курс на снижение? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 1. С. 119—129. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-119-129.

Сведения об авторе: Жилина Лариса Владимировна — кандидат исторических наук, доцент, факультет иностранных языков, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (e-mail: larissa-zhilina@yandex.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-119-129

Japanese Universities' Community in International Environment: Maneuvers or Heading Down?

L.V. Zhilina

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

Abstract. The article discusses the issues that striving for getting on the first lines of ratings, Japanese universities have faced to face with in recent years.

Since 2003, when universities began to receive their public evaluation on the pages of global university ratings, the world university system has entered a new phase of its development. For many countries, including Japan, getting into the top-list of global ratings has become almost a national goal. Of the new issues that have emerged over the course of the past years, the most important at present is the “internationalization” of Japanese universities and the most obvious manifestations of this tendency are the increasing interest in world university rankings. At the same time in Japan internationalization has become both a universities and a government priority because it is seen as a sign of global competitiveness. Since 2000, the government has introduced a series of legislative and policy initiatives aimed at increasing institutional autonomy and management capabilities, enhancing evaluation and emphasizing quality, and developing internationally-competitive research via centres of excellence and graduate schools. To solve this problem the Japanese government decided to increase the number of international students from the current 100,000 to 300,000 by 2020.

However now the ranking of Japanese universities is on a downward trajectory, as universities elsewhere in East Asia catch up.

In order to become more competitive with universities in other countries, Japan needs to open up its universities and work positively to welcome more—and more talented—researchers and students from overseas, it also needs to increase the number of courses available in English. At the same time it needs to send more Japanese researchers and students overseas to stimulate their research and improve necessary for top-ranking standards.

Key words: Japanese universities, international collaborations, ranking problems

References

- Campbell, Ph. (2008). Escape from the impact factor. *Ethics in Science and Environmental Politics*, 8, 5—7.
- Denisov, Y.D. (2009). Japan in Innovation Race. *Japan 2009, Yearbook*, RAS, 88—102. (In Russian).
- Dezhina, I.G. (2016). Intersectotal Mobility of Researchers in Russia and the World. *Vestnik RGNF*, 1, 96—110. (In Russian).
- Eades, R.G. & Hada, Y. (2005). *The 'Big Bang' in Japanese Higher Education: the 2004 Reforms and the Dynamics of Change*. Sydney: Trans Pacific Press.
- Hazelkorn, E. (2011). *Rankings and the reshaping of higher education: The battle for world-class excellence*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
- Hudzik, J. (2015). *Comprehensive Internationalization: Institutional Pathways to Success*. New York: Routledge.
- Knight, J. (2003). *Internationalization of Higher Education Practices and Priorities*. Paris: International Association of Universities (IAU).
- Kuroda, K. (2016). Regionalization of higher education in Asia. In: *The Palgrave Handbook of Asia Pacific Higher Education*. Ed. by C. Collins, M. Lee, J. Hawkins, D. Neubauer. New York: Palgrave Macmillan, p. 141—156.
- Kuroda, K., Yuki, T. & Kang, K. (2014). The institutional prospects of cross-border higher education for East Asian regional integration: An analysis of the JICA survey of leading universities in East Asia. In: *Emerging international dimensions in East Asian higher education*. Ed. by A. Yonezawa, Y. Kitamura, A. Meerman & K. Kuroda. Dordrecht, Netherland: Springer, p. 55—79.

- Lawrence, P.A. (2008). Lost in publication: how measurement harms science. *Ethics in Science and Environmental Politics*, 8, 9—11.
- Macdonald, S., Kam, J., Aardvark et al. (2007). Quality journals and gamesmanship in management studies. *Journal of Information Science*, 33, 702—717.
- Mazurova, N.A. (2000). *Federal educational programs as an instrument of US foreign policy: 1936—1999* [dissertation]. St. Petersburg. (In Russian).
- Ota, H. & Horiuchi, K. (2017). How accessible are English-taught programs? Exploring international admissions procedures. In: *English-Medium Instruction in Japanese Higher Education*. Ed. by A. Bradford & H. Brown. Bristol: Multilingual Matters, p. 108—129.
- Patterson, G. (2005). Collaboration/competition crossroads: national/supranational tertiary education policies on a collision course. *Tertiary Education and Management*, 11 (4), 355—368.
- Scott, P. (2000). Globalization and University. *Alma Mater: Herald of Higher School*, 4, 3—8. (In Russian).
- Rose, H. & McKinley, J. (2017). Japan's English-Medium Instruction Initiatives and the Globalization of Higher Education. *Higher Education*, 75 (1), 1—19.
- Varshavsky, A. & Komkina, T. (2011). Assessing the Impact on the Citation Index Rankings of Universities. *Economy. Taxes. Low. Financial University under the Government of the Russian Federation*, 3, 94—100. (In Russian).
- Voeykova, O.B. & Lukianova, A.A. (2013). Globalization of Educational Sphere and its Influence of the National Systems of Higher Education. *Vestnik URFU*, 3, 159—167. (In Russian).
- Yonezawa, A. (2012). Challenge for top Japanese Universities when Establishing a New Global Identity: Seeking a New Paradigm after “World-Class”. In: *Institutionalization of World Class University in Global Competition*. Ed. by J.C. Shin & B.M. Kehm. Springer, p. 125—143. DOI: 10.1007/978-94-007-4975-7_8.
- Zhilina, L.V. (2015). Universities in Japan: Face to face to globalization. *Asia and Africa Today*, 3 (692), 19—24. (In Russian).

Received: 17.11.2017

For citations: Zhilina, L.V. (2019). Japanese Universities' Community in International Environment: Maneuvers or Heading Down? *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (1), 119—129. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-119-129.

About the author: Zhilina Larisa Vladimirovna — PhD in History, Associate Professor, Foreign Languages Department, Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia (e-mail: larissa-zhilina@yandex.ru).

© Жилина Л.В., 2019

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-130-138

Стратегии зарубежных университетов на образовательном рынке АСЕАН

Р.Р. Асмятуллин

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

АСЕАН, характеризующийся неуклонным ростом экономики, растущим средним классом и большой численностью населения школьного возраста, является одним из наиболее перспективных рынков для экспорта образовательных услуг. Уровень выездной учебной мобильности из региона постоянно увеличивается. При этом складывается заметная тенденция к диверсификации географии мобильности с появлением новых стран и ослаблением позиций таких традиционных направлений, как США, Франция и Германия.

АСЕАН не только является перспективным рынком в качестве крупнейшего донора иностранных студентов, но и становится заметным игроком на мировом образовательном рынке в качестве направления обучения. Особое внимание уделено анализу рынков Сингапура и Малайзии как крупнейших образовательных центров в регионе. Стратегии данных стран основаны на создании особых экономических зон в сфере образования, привлекая тем самым ведущие зарубежные вузы. Такой подход положительно сказывается на качестве образования, повышая привлекательность страны в качестве места обучения.

Целью данной статьи является исследование особенностей стратегий зарубежных вузов на рынках стран АСЕАН для выявления потенциала экспорта образовательных услуг российскими вузами. Стратегии иностранных университетов основываются на использовании целого ряда механизмов, таких как открытие кампусов на территории стран блока, создание совместных вузов и работа через систему франчайзинга. В статье определены основные проблемы, препятствующие расширению экспорта российского образования в страны АСЕАН, среди которых недостаточная информационная и маркетинговая поддержка, слабое развитие образовательных программ на английском языке и механизмов финансовой поддержки иностранных студентов. Дана оценка привлекательности региона для России с точки зрения экспорта образовательных услуг.

Ключевые слова: мировой рынок образовательных услуг, экспорт образовательных услуг, международные стратегии университетов, образование в АСЕАН

Сектор высшего образования является одним из динамично развивающихся отраслей мировой экономики. Экспорт услуг высшего образования вносит существенный вклад в стабильное экономическое развитие любой страны, позволяет стимулировать ее интеграцию в мировое образовательное пространство, а также имеет прямой экономический эффект. Поэтому современное трансграничное образование все в большей степени оказывается под воздействием экономических соображений [Knight 2004: 24]. Благодаря росту экономик Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) данный регион стал важным участником мирового образовательного рынка.

Адаптация высшего образования в глобализованном мире привела к появлению отчетливой тенденции к регионализации и гармонизации образования во многих регионах: в Европе, Латинской Америке, Западной Африке, Арабском мире, а также Юго-Восточной Азии [Yavaprabhas 2014: 23].

Интеграция высшего образования в АСЕАН

Углубление внутрирегиональных связей в рамках АСЕАН затрагивает все сферы отношений, включая сектор образования. Унификация и интеграция систем образования в той или иной степени является естественным явлением в процессе эволюции интеграционных объединений.

Еще на 4-м саммите АСЕАН 1992 г. в Сингапуре было решено о внедрении программ обмена студентами на уровнях среднего и высшего образования; об укреплении сети ведущих университетов и институтов высшего образования в регионе¹. Одним из первых шагов в интеграции высшего образования в АСЕАН стало создание в 1995 г. Сети университетов АСЕАН

¹ Singapore Declaration of 1992. Singapore, 28 January 1992. URL: http://asean.org/?static_post=singapore-declaration-of-1992-singapore-28-january-1992 (accessed: 05.07.2017).

(ASEAN University Network), которая теперь является одним из ключевых агентов по реализации социально-культурной политики АСЕАН. Целью Сети университетов является поощрение и развитие сотрудничества в сфере высшего образования для углубления региональной интеграции в достижении глобальных стандартов. Достижение данной цели реализуется через пять основных направлений: мобильность молодежи; академическое сотрудничество; разработка стандартов, механизмов и политики сотрудничества в сфере высшего образования; разработка курсов и программ; платформа региональной и глобальной политики.

Членами Сети университетов АСЕАН являются 30 вузов стран блока: по 5 вузов Малайзии и Таиланда; Индонезии — 4; Вьетнама, Мьянмы, Сингапура и Филиппин — по 3; Камбоджи — 2; Брунея и Лаоса — по одному вузу. Секретариат организации расположен в Бангкоке и тесно взаимодействует с секретариатом АСЕАН по вопросам координации высшего образования. В рамках формата АСЕАН+3 AUN сотрудничает и с другими азиатскими странами, в частности с вузами Китая, Южной Кореи и Японии.

В рамках Сети университетов АСЕАН была разработана система трансфера кредитов АСЕАН (ASEAN Credit Transfer System) с целью создания общего механизма признания квалификации. Данная система используется для всех программ, открытых под программой студенческого обмена между вузами, которые являются членами организации.

В 2009 г. страны АСЕАН заявили о намерении создать единое пространство высшего образования на территории объединения и утвердили план по движению к интеграции образовательной сферы. Данный план основывается на четырех направлениях: студенческой мобильности, признании кредитов, обеспечении качества образования и создании исследовательских кластеров. По заявлению Организации министров образования Юго-Восточной Азии (Southeast Asian Ministers of Education Organization) образовательные системы стран региона должны быть гармонизированы. По аналогии с европейской программой Erasmus появилась необходимость создания собственной программы, которая стимулировала бы студенческую мобильность в рамках региона.

По сравнению с Европой странам АСЕАН предстоит еще многое сделать для всесторонней интеграции образования, однако необходимо учитывать, что страны АСЕАН не стремятся имитировать европейскую модель, предпочитая децентрализованный подход к сотрудничеству в сфере трансграничного образования [Lek 2014: 17].

В отличие от Европейского союза, направляемого сильной политической волей, политическая интеграция в АСЕАН находится еще на стадии зарождения. Отмечается также недостаток ресурсов для гармонизации образования, которая строится скорее на импровизации стран-участников, чем на следовании четкому плану [Yavaprabhas 2014: 101].

Образование обозначено в качестве приоритетной сферы, необходимой для социально-экономического развития региона, в ряде документов. Например, в стратегии ASEAN Vision 2020² в качестве одного из шагов, ведущих к созданию конкурентоспособной экономики блока, обозначено повышение развития человеческого капитала во всех секторах экономики посредством качественного образования, повышение квалификации и профессионального обучения.

Страны региона имеют большие различия по ряду характеристик. В большинстве стран АСЕАН длительность формального образования, которое включает в себя начальное и два уровня среднего образования, — 12 лет за исключением Малайзии, Мьянмы и Брунея, где длительность составляет 11 лет.

Продолжительность бесплатного и обязательного образования существенно различается: в Брунее, Индонезии, Камбодже и Таиланде — 9 лет, в Малайзии, Сингапуре и Филиппинах — 6 лет, в Лаосе, Мьянме и Вьетнаме — 5 лет. Начальным образованием охвачено все население стран АСЕАН, показатели охвата средним образованием во многих странах достаточно высокие, за исключением Камбоджи, Лаоса и Мьянмы.

На уровне высшего образования страны региона имеют значительные различия. Средний показатель охвата высшим образованием по АСЕАН составляет 31%. Наибольший пока-

² ASEAN Vision 2020. URL: http://asean.org/?static_post=asean-vision-2020 (accessed: 20.06.2017).

Таблица 1 / Table 1

**Показатели сектора образования в странах АСЕАН /
Education Sector Indicators in ASEAN Countries**

Страна / Country	Индекс человеческого развития / Human Development Index	Конкурентоспособность высшего образования / Competitiveness of higher education	Охват высшим образованием / Higher education enrollment	Государственные расходы на образование* / Government spending on education
	Место в мире / Rank in the world	Место в мире / Rank in the world	%	% ВВП / % GDP
Бруней / Brunei	30	65	31	3,7
Вьетнам / Vietnam	115	83	29	5,6
Индонезия / Indonesia	113	63	31	3,3
Камбоджа / Cambodia	143	124	13	1,9
Лаос / Laos	138	106	17	3,3
Малайзия / Malaysia	59	41	26	5,2
Мьянма** / Myanmar	145	н/д	14	н/д
Сингапур / Singapore	5	1	70	2,9
Таиланд / Thailand	87	62	49	4,1
Филиппины / Philippines	116	58	36	н/д

*Unesco Institute for Statistics, указаны последние доступные данные за период 2013—2014 гг.

**В отчете 2016/17 данные по Мьянме отсутствуют, по данным отчета 2015/16 Мьянма находилась на 134-м месте в мире по конкурентоспособности высшего образования.

Источник / Source: Human Development Report 2016. URL: <http://hdr.undp.org/en/2016-report/download> (accessed: 19.06.2017); The Global Competitiveness Report 2016—2017. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report-2016-2017-1> (accessed: 19.06.2017); Unesco Institute for Statistics. URL: <http://data.uis.unesco.org/> (accessed: 19.06.2017).

затель охвата — у Сингапура (70%), наименьший — у стран с менее развитой экономикой и слабой системой образования как Камбоджа (13%), Мьянма (14%) и Лаос (17%).

Страны АСЕАН заметно различаются по эффективности высшего образования и профессиональной подготовки. Сингапур занимает первое место не только в регионе, но и в мире по показателю конкурентоспособности высшего образования, оценивающему способность системы образования обеспечивать экономический рост страны. Остальные страны региона оказались в середине и во второй половине рейтинга глобальной конкурентоспособности по данному показателю. Такие страны, как Лаос, Мьянма и Камбоджа, нуждаются в системных реформах для повышения эффективности сектора образования.

По уровню развития человеческого капитала страны региона довольно сильно дифференцированы. Две страны региона (Сингапур и Бруней-Даруссалам) имеют очень высокий индекс человеческого развития, Таиланд и Малайзия находятся в группе стран с высоким индексом человеческого развития, остальные страны

региона относятся к странам со средним индексом человеческого развития.

Интеграционные процессы в сфере образования — долгий и сложный процесс, в котором для стран АСЕАН необходимо придерживаться баланса между созданием стратегического партнерства и защитой суверенитета и национальных особенностей [Feuer, Hornidge 2015: 337].

Имеющиеся различия среди стран АСЕАН, с одной стороны, осложняют процесс образовательной интеграции, а с другой — обуславливают ее необходимость и повышают роль международной учебной мобильности.

АСЕАН на мировом рынке образовательных услуг

Регион Юго-Восточной Азии представляет интерес как с точки зрения спроса, так и предложения образовательных услуг.

С точки зрения демографического потенциала и тенденций экономического развития, АСЕАН можно рассматривать перспективный рынок для рекрутинга иностранных студентов. Количество студентов, выезжающих из стран региона на обучение за рубеж, за период с 2000

по 2015 г. удвоилось и составляет 247 тыс. человек. Половина выездной мобильности приходится на две страны — Малайзию (65 тыс. студентов обучались за рубежом в 2015 г.) и Вьетнам (63 тыс.), крупнейших в мире стран — доноров иностранных студентов.

В качестве основных направлений выездной студенческой мобильности из АСЕАН можно назвать такие страны, как Австралия, Великобритания и США, являющиеся лидерами мирового рынка образовательных услуг. Остальные направления обусловлены прежде всего культурными и историческими факторами.

Среди стран со значительной долей мусульманского населения (Бруней, Индонезия, Малайзия) повышается доля студентов, направляющихся на получение высшего образования в арабские страны, в основном в Египет и Саудовскую Аравию. Поток желающих обучаться в США или Германии в данных странах имеет тенденцию к снижению. Студенты из стран с населением, исповедующим преимущественно буддизм, предпочитают уезжать на обучение в Таиланд, Вьетнам и Японию.

Многие направления для обучения определяются историческими связями между бывшими колониями и метрополиями, как следствие имеющими сходство систем образования и общность языка [Филиппов 2015]. Колониальное прошлое стран АСЕАН сказалось на направлениях обучения. Доля студентов, выезжающих на обучение во Францию, остается достаточно высокой среди стран из бывшего Французского Индокитая (Лаос, Вьетнам, Камбоджа), однако отмечается тенденция к снижению популярности Франции: в 2000 году 15% иностранных студентов из Вьетнама обучались во Франции, в 2015 году — 8,4%; из Камбоджи — 41% и 12%, из Лаоса — 22% и 2% соответственно. Доля студентов из Филиппин (бывшей колонии США), которые обучаются в американских вузах, также снизилась с 56% до 22% за исследуемый период.

На внутрорегиональную мобильность приходится около 8% потока иностранных студентов из АСЕАН.

В целом следует отметить, что в течение последнего десятилетия сложилась тенденция к диверсификации географии студенческой мо-

бильности из стран АСЕАН, что соответствует основным трендам развития мирового рынка образовательных услуг. Появились новые направления: Новая Зеландия, Япония, Республика Корея, Индия, Канада, Италия, Турция, Египет, страны Персидского залива.

С точки зрения предложения образовательных услуг регион Юго-Восточной Азии становится заметным игроком на образовательном рынке, привлекая все больше иностранных студентов. За период с начала 2000-х количество иностранных студентов в АСЕАН увеличилось в восемь раз и в 2015 г. составило более 170 тыс. человек. Ведущими странами по обучению иностранных студентов являются Малайзия (63 тыс. иностранных студентов) и Сингапур (52 тыс.). В остальных странах объединения также отмечается рост выездной студенческой мобильности. Среди основных поставщиков иностранных студентов можно назвать азиатские страны: Китай, Южная Корея, Бангладеш, Индия и др.

В странах объединения активно развивается международное партнерство вузов, разрабатываются программы двойных дипломов, программы на английском языке.

Финансовая поддержка иностранных студентов и государственная миграционная политика выступают одними из ключевых факторов в укреплении конкурентных позиций страны на мировом рынке образовательных услуг [Айдрус 2012: 128]. Возможность работать — важный критерий для студентов из страны с невысоким уровнем доходов. Так, в Малайзии иностранным студентам разрешено работать до 20 часов в неделю в течение каникул, в Сингапуре — до 16 часов в неделю в период учебы.

Предпринимаются также административные меры: в январе 2016 г. правительство Индонезии облегчило процедуру получения студенческой визы, подача на которую стала возможна в онлайн-режиме.

Основные лидеры региона — Сингапур и Малайзия — пошли по пути создания особых экономических зон в сфере высшего образования. Такая модель основывается на привлечении иностранных вузов к созданию кампусов на территории страны.

Иностранные вузы в АСЕАН

Одним из наиболее часто упоминаемых факторов развития студенческой мобильности является повышение международной конкурентоспособности в эпоху экономики знаний [Knight 2008].

С целью стать мировым образовательным центром правительство Сингапура в 2002 г. разработало программу «Глобальная школа» (Global Schoolhouse), которая предусматривает привлечение ведущих университетов мира к открытию кампусов в Сингапуре, а также улучшение качества образования и диверсификацию образовательных программ национальных университетов. Привлечение иностранных студентов в Сингапур имеет положительный эффект как для сектора образования в частности, так и конкурентоспособности страны в целом [Ng 2011].

В стране действует множество иностранных университетов, получивших налоговые льготы и гранты от правительства Сингапура, — Масачусетский технологический институт и др. Однако ряд вузов закрыли свои кампусы в Сингапуре из-за недостаточного набора студентов и финансовых потерь: Университет Нового Южного Уэльса, Бизнес-школа Чикагского университета, Университет Невады Лас-Вегас и др. Некоторые зарубежные университеты отказались от создания кампуса в Сингапуре из-за беспокойства об ограничении академической свободы ученых в стране [Alfaro, Ketels 2016].

Некоторые зарубежные университеты выбрали стратегию создания совместного вуза в партнерстве с сингапурским вузом. Yale-NUS College — колледж свободных искусств, созданный в 2011 г. в партнерстве между Йельским университетом и Национальным университетом Сингапура. В 2016 г. в кампусе обучалось более 700 студентов из 50 различных стран и работало более ста преподавателей³. Стоимость обучения достаточно высокая для региона — от 26 тыс. долл. в год для сингапурцев до 64 тыс. долл. для иностранных студентов.

Современная система высшего образования Сингапура в состоянии обеспечить немногим более 100 тыс. мест для студентов бакалавриата. Недостаток мест в вузах побудил правительство Сингапура к сокращению потока иностранных студентов, сделав акцент на образовании для

своих граждан. Таким образом, первоначальная цель программы «Глобальная школа» по привлечению в страну 150 тыс. иностранных студентов к 2015 г. была отклонена. В обучении иностранных студентов Сингапур в настоящее время ориентируется не на количество, а повышение качества высшего образования, в особенности в частном секторе.

Малайзия поставила цель к 2020 г. стать шестой страной в мире по количеству иностранных студентов. Для достижения поставленной цели правительство Малайзии обозначило в качестве приоритетов⁴:

- 1) опору на частный сектор для обеспечения образовательными программами, необходимыми для экономики;
- 2) облегчение миграционных процедур для иностранных студентов;
- 3) создание маркетинговых служб для продвижения национальных учебных заведений;
- 4) инвестирование в нишевые направления, такие как исламские финансы, исламский банкинг и программы Executive Education;
- 5) привлечение зарубежных университетов к созданию филиалов.

В особой экономической зоне Iskandar Malaysia было создано образовательное пространство Educity Iskandar, в рамках которого бизнес оказывает поддержку студентам, преподавательскому составу и самим вузам.

Среди партнеров проекта EduCity представлены вузы Великобритании, Нидерландов, Сингапура, а также малазийские вузы. Стоимость обучения в кампусах иностранных вузов в Малайзии обычно в несколько раз выше, чем в национальных малазийских вузах, но значительно ниже, чем в головных университетах. В целом в Малайзии имеются представительства около 30 английских университетов, 10 австралийских, растет количество американских вузов.

В целом привлечение ведущих зарубежных вузов в Сингапур и Малайзию повысило привлекательность этих стран в качестве места обучения [Chan 2012].

Кроме того, университеты Малайзии предлагают широкий выбор зарубежных образовательных программ через систему франчайзинга и валидации программ. Таким образом около 58 тыс. малазийских студентов обучается по программам британских вузов.

³ Year in Review. Yale-NUS College. URL: <https://www.yale-nus.edu.sg/about/year-in-review/> (accessed: 17.06.2017).

⁴ ICEF Monitor. URL: <http://monitor.icef.com/> (accessed: 17.06.2017).

Проанализируем особенности тактики зарубежных вузов для привлечения студентов из стран АСЕАН. Образовательные рекрутинговые агентства в странах АСЕАН являются для зарубежных университетов важным инструментом привлечения студентов, направляющихся на обучение за счет собственных средств (при финансовой поддержке семьи). В регионе наиболее представлены агентства, основными направлениями которых являются вузы Австралии, Великобритании и США.

Университеты, для которых Юго-Восточная Азия является стратегическим направлением, имеют своих представителей в регионе. Так, в 2016 г. английский Nottingham Trent University направил в Куала-Лумпур своего представителя для более тесной работы с рекрутинговыми агентствами, участия в образовательных выставках, организуемых British Council, и других образовательных событиях в соседних странах⁵.

Одним из эффективных инструментов продвижения вузов в регионе является Интернет, в частности социальные сети. В АСЕАН без ограничения доступны глобально распространенные платформы: более 70% населения до 30 лет пользуется Facebook. Регион считается перспек-

тивным с точки зрения digital-рекрутинга иностранных студентов⁶.

Необходимо учитывать культурные особенности стран региона, общество которых является семейно-ориентированным и социально активным. Поэтому при продвижении ведущие зарубежные вузы подчеркивают социальную и внеучебную жизнь своих студентов, делая акцент на мультикультурной среде университета.

Принимая во внимание высокую роль родителей и родственников в процессе принятия решения о выборе места обучения, некоторые вузы на своих сайтах и в информационных материалах включают контент, специально адресованный родителям иностранных студентов.

Возможности экспорта образования для российских университетов

Доля России на образовательном рынке АСЕАН составляет 2—3%. За период с 2006 по 2015 г. количество студентов из региона, обучающихся в российских вузах, увеличилось незначительно с 8,3 тыс. до 8,7 тыс. человек соответственно. Такое изменение количества студентов в России не сопоставимо с ростом выездной мобильности из стран региона. Кроме того, в течение последних нескольких лет для Малайзии и Мьянмы отмечена тенденция к снижению интереса на обучение в России.

⁶ Digital in 2016 report. URL: <https://wearesocial.com/de/Special-Reports/digital-in-2016> (accessed: 30.05.2017).

Таблица 2 / Table 2

Студенты из стран АСЕАН в России, 2015 г. /
ASEAN Students Studying in Russia, 2015

Страна / Country	Количество студентов в России / Number of students in Russia	Выездная мобильность из АСЕАН / Outbound Mobility from ASEAN	
		Всего / Total	Из них в Россию / Among them to Russia
Бруней / Brunei	0	3 314	0
Вьетнам / Vietnam	4 676	62 843	1 419
Индонезия / Indonesia	265	37 430	11
Камбоджа / Cambodia	80	5 171	23
Лаос / Laos	44	3 466	1
Малайзия / Malaysia	2 465	64 930	2 314
Мьянма* / Myanmar	962	7 064	379
Сингапур / Singapore	14	23 428	5
Таиланд / Thailand	240	25 690	75
Филиппины / Philippines	26	13 580	2
<i>Всего / Total</i>	8 772	246 916	4 229

* В отчете 2016/17 данные по Мьянме отсутствуют, по данным отчета 2015/16 Мьянма находилась на 134-м месте в мире по конкурентоспособности высшего образования.

Источник / Source: Арефьев А.Л., Шереги А.Ф. Экспорт российских образовательных услуг: статистический сборник. Вып. 6. Министерство образования и науки Российской Федерации. М.: Социоцентр, 2016; Unesco Institute for Statistics. URL: <http://data.uis.unesco.org/> (accessed: 18.06.2017).

Более половины студентов из АСЕАН в России представляют Вьетнам (4,6 тыс.), другими крупными странами являются Малайзия (2,5 тыс.) и Мьянма (962).

Следует подчеркнуть, что для Мьянмы Россия является первым направлением для обучения за рубежом.

С точки зрения демографического и экономического потенциала для экспорта российских образовательных услуг перспективны такие страны АСЕАН, как Индонезия, Малайзия, Филиппины, Вьетнам, Таиланд и Мьянма.

К основным проблемам для России на образовательных рынках стран региона относятся:

1) невысокий уровень осведомленности о России как о направлении для получения образования;

2) слабый маркетинг: российские вузы практически не представлены на национальных образовательных выставках в странах АСЕАН, не сотрудничают с местными рекрутинговыми агентствами.

Российским университетам необходимо разрабатывать таргетированную рекламную кампанию, в частности в социальных сетях. Регион Юго-Восточной Азии характеризуется возрастающей активностью в Интернете и социальных сетях. Facebook, YouTube, Instagram предоставляют широкие возможности для привлечения иностранных студентов и повышения узнаваемости российского образования;

3) информационная поддержка. В то время как основные конкуренты России на мировом образовательном рынке оказывают полноценную информационную поддержку иностранным студентам, немногие российские университеты обладают даже английской версией сайта с качественным контентом, актуальным для каждой целевой страны;

4) отсутствие образовательных программ на английском языке. С процессом интеграции АСЕАН возрастает роль английского языка как *lingua franca* в регионе, что делает граждан стран

объединения не только экономическим сообществом, но и обществом вторичного (английского) языка [Stroupe, Kimura 2015: 18]. Поэтому наличие программ на английском языке может быть привлекательно для студентов из данного региона;

5) финансовая поддержка. Финансовый вопрос является одним из решающих при выборе иностранным студентом страны обучения. Для стран с более низкой платежеспособностью (в частности Вьетнам) российские вузы могут предложить специальные стипендии, разработать программы финансовой помощи.

Необходимо учитывать различные приоритеты стран в сфере высшего образования. Для стран с небольшой численностью населения и высокими доходами (Сингапур и Бруней) приоритетно развитие международного партнерства с зарубежными вузами. Потенциал экспорта образовательных услуг в страны с низким уровнем доходов (Камбоджа, Лаос, Мьянма) остается ограниченным, но в долгосрочной перспективе спрос на высшее образование в данных странах будет повышаться. Страны со средним уровнем доходов (Индонезия, Таиланд, Филиппины, Малайзия) являются наиболее перспективными для рекрутинга студентов в ближайшем будущем.

Таким образом, регион Юго-Восточной Азии представляет интерес для российских вузов с точки зрения расширения экспорта образовательных услуг. Поскольку страны блока заметно экономически и социально дифференцированы, для рынка каждой страны необходимо формирование особой стратегии экспорта образования. При этом в регионе возможно использование целого ряда инструментов: открытие кампусов, развитие программ через систему франчайзинга, создание совместных вузов и образовательных программ. При усилении маркетинговой деятельности, адаптированной для каждого целевого рынка АСЕАН, имеется высокий потенциал для привлечения иностранных студентов из региона в российские вузы.

Библиографический список

- Айдрус И. А.* Конкурентоспособность стран на мировом рынке высшего образования // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2012. № 3—4. С. 128—132.
- Филиппов В.М.* Интернационализация высшего образования: основные тенденции, проблемы и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 3. С. 203—211.

- Alfaro L., Ketels C.* Singapore's Higher Education Cluster. Harvard Business School, 2016.
- Chan S.J.* Shifting patterns of student mobility in Asia // *Higher Education Policy*. 2012. Vol. 25. No 2. P. 207—224. DOI: <https://doi.org/10.1057/hep.2012.3>.
- Feuer H.N., Hornidge A.K.* Higher education cooperation in ASEAN: building towards integration or manufacturing consent? // *Comparative Education*. 2015. Vol. 51. No 3. P. 327—352. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/03050068.2015.1031474>.
- Knight J.* Internationalization remodeled: Definition, approaches, and rationales // *Journal of studies in international education*. 2004. Vol. 8. No 1. P. 5—31. DOI: [10.1177/1028315303260832](https://doi.org/10.1177/1028315303260832).
- Knight J.* Higher education in turmoil // *The Changing World of Internationalisation*. Rotterdam, The Netherlands: Sense Publishers, 2008.
- Lek D.* Cross border higher education in ASEAN: Structures, policies, development and integration // *ASEAN—Canada Research Partnership Working Paper Series*. 2014. Vol. 4. P. 1—26.
- Marginson S.* Higher education in East Asia and Singapore: Rise of the Confucian model // *Higher education*. 2011. Vol. 61. No 5. P. 587—611. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10734-010-9384-9>.
- Ng P.T.* Singapore's response to the global war for talent: Politics and education // *International Journal of Educational Development*. 2011. Vol. 31. No 3. P. 262—268. DOI: [10.1016/j.ijedudev.2010.05.009](https://doi.org/10.1016/j.ijedudev.2010.05.009).
- Stroupe R., Kimura K.* Opportunities and Challenges Across ASEAN: Looking Ahead to the ASEAN Economic Community // *ASEAN Integration and Role of English Language Teaching*. Phnom Penh: IDP Education (Cambodia) Ltd, 2015. P. 1—12. DOI: [10.5746/LEiA/ASEAN_Integ_ELt](https://doi.org/10.5746/LEiA/ASEAN_Integ_ELt).
- Yavaprabhas S.* SEAMEO RIHED and higher education harmonisation // *JSPS AA Science Platform Program Seminar*. January 2009. P. 23—25.
- Yavaprabhas S.* The Harmonization of Higher Education in Southeast Asia // *Emerging International Dimensions in East Asian Higher Education*. Springer Netherlands, 2014. P. 81—102. DOI: [10.1007/978-94-017-8822-9](https://doi.org/10.1007/978-94-017-8822-9)

Дата поступления статьи: 24.08.2017

Для цитирования: *Асмятуллин Р.Р.* Стратегии зарубежных университетов на образовательном рынке АСЕАН // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2019. Т. 19. № 1. С. 130—138. DOI: [10.22363/2313-0660-2019-19-1-130-138](https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-1-130-138).

Сведения об авторе: *Асмятуллин Равиль Рамилевич* — аспирант кафедры международных экономических отношений, ассистент Института мировой экономики и бизнеса Российского университета дружбы народов (e-mail: asmyatullin-rr@rudn.ru).

DOI: [10.22363/2313-0660-2019-19-1-130-138](https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-1-130-138)

Strategies of Foreign Universities on the ASEAN Educational Market

R.R. Asmyatullin

RUDN University
Moscow, Russian Federation

Abstract. ASEAN is characterized by a steady growth of the economy, a growing middle class and a large population of school age, it is one of the most promising growing markets for the export of educational services. The scale of student mobility from this region has been constantly increasing. At the same time, there is a noticeable trend towards the diversification of its geography with the emergence of new destinations and the weakening positions of traditional countries like the USA, France and Germany.

The ASEAN is becoming promising not only as the largest donor of foreign students, but also as a notable player in the global educational market as a study destination. Special attention is given to the analysis of the markets of Singapore and Malaysia, as the largest regional educational hubs. The strategies of these countries are based on the creation of special economic zones in the field of education, thereby attracting leading foreign universities. This approach has a positive effect on the quality of education, increasing the attractiveness of the country as a study destination.

The purpose of this article is to analyze the specifics of the strategies of foreign universities in the ASEAN countries in order to identify the potential for export of educational services by Russian universities. The strategies of foreign universities are based on a number of mechanisms, such as setting up international branch campuses in ASEAN countries, opening joint universities and operating through the franchise system. The article identifies the main problems which constrain the expansion of Russian

education exports to ASEAN countries, including insufficient information and marketing support, poor development of educational programs in English and mechanisms of financial support for foreign students. The attractiveness of the ASEAN region for Russia in terms of the export of educational services is assessed.

Key words: global market of educational services, global education market, export of educational services, international strategies of universities; education in ASEAN

References

- Aidrous, I.A. (2012). Competitiveness of Countries in the World Market of Higher Education. *Nauchnoe obozrenie. Seriya 1. Ekonomika i pravo*, 3—4, 128—132. (In Russian).
- Alfaro, L. & Ketels, C. (2016). *Singapore's Higher Education Cluster*. Harvard Business School, 1—36.
- Chan, S.J. (2012). Shifting patterns of student mobility in Asia. *Higher Education Policy*, 25 (2), 207—224. DOI: <https://doi.org/10.1057/hep.2012.3>.
- Feuer, H.N. & Hornidge, A.K. (2015). Higher education cooperation in ASEAN: building towards integration or manufacturing consent? *Comparative Education*, 51 (3), 327—352. DOI: <http://dx.doi.org/10.1080/03050068.2015.1031474>.
- Filippov, V.M. (2015). Internationalization of higher education: major trends, challenges and prospects. *Vestnik RUDN. International Relations*, 3, 203—211. (In Russian).
- Knight, J. (2004). Internationalization remodeled: Definition, approaches, and rationales. *Journal of Studies in International Education*, 8 (1), 5—31. DOI: 10.1177/1028315303260832.
- Knight, J. (2008). Higher education in turmoil. *The Changing World of Internationalisation*. Rotterdam, The Netherlands: Sense Publishers.
- Lek, D. (2014). Cross border higher education in ASEAN: Structures, policies, development and integration. *ASEAN—Canada Research Partnership Working Paper Series*, 4, 1—26.
- Marginson, S. (2011). Higher education in East Asia and Singapore: Rise of the Confucian model. *Higher education*, 61 (5), 587—611. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10734-010-9384-9>.
- Ng, P.T. (2011). Singapore's response to the global war for talent: Politics and education. *International Journal of Educational Development*, 31 (3), 262—268. DOI: 10.1016/j.ijedudev.2010.05.009.
- Stroupe, R. & Kimura, K. (2015). Opportunities and Challenges Across ASEAN: Looking Ahead to the ASEAN Economic Community. In: *ASEAN Integration and Role of English Language Teaching*, p. 1—12. DOI: 10.5746/LEiA/ASEAN_Integ_ELt.
- Yavaprabhas, S. (2009). SEAMEO RIHED and higher education harmonization. *JSPS AA Science Platform Program Seminar*, January 23—25.
- Yavaprabhas, S. (2014). The Harmonization of Higher Education in Southeast Asia. In: *Emerging International Dimensions in East Asian Higher Education*. Springer Netherlands, p. 81—102. DOI: 10.1007/978-94-017-8822-9.

Received: 24.08.2017

For citations: Asmyatullin, R.R. (2019). Strategies of Foreign Universities on the ASEAN Educational Market. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (1), 130—138. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-130-138.

About the author: Asmyatullin Ravil Ramilevich — PhD student, Department of International Economic Relations, assistant at the Institute of World Economy and Business, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: asmyatullin-rr@rudn.ru).

© Асмятуллин Р.Р., 2019

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-139-147

Пинг-понговая дипломатия: влияние на установление китайско-американских отношений

С.Е. Мартыненко, А.А. Трусова, М.С. Черняев

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Актуальность темы исследования определяется ролью и местом спортивной дипломатии в международных отношениях и внешней политике. Спорт — явление глобального масштаба. В современном мире он является инструментом политического воздействия с мощнейшим потенциалом и возможностями. История знает немало примеров того, как разные страны использовали этот инструмент для реализации поставленных целей. Подтверждением этому является «дипломатия пинг-понга», которая явилась прорывом в американо-китайских отношениях. Благодаря усилиям премьера Госсовета КНР Чжоу Эньлая и госсекретаря США Генри Киссинджера в отношениях Пекина и Вашингтона удалось установить доверие в 1971 г., а в 1979 г. и дипломатические отношения. Это, в свою очередь, способствовало изменению геополитической ситуации в отношениях США — КНР — СССР: упрочило положение США и Китая и ослабило позиции СССР.

Предметом исследования статьи является спортивная дипломатия, ее особый случай — «дипломатия пинг-понга», сыгравшая решающую роль в нормализации отношений между КНР и США и их последующем развитии.

В данном исследовании авторы применили принципы историзма и объективности, которые предполагают рассмотрение явлений в динамике их изменения, закономерном историческом развитии. Был использован историко-генетический метод исследования, суть которого состоит в последовательном раскрытии свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения.

По итогам исследования авторы делают вывод, что пинг-понговая дипломатия оказала значительное влияние на установление дипломатических отношений между двумя державами — КНР и США, а также в дальнейшем способна оказывать положительное воздействие на развитие двусторонних отношений, преодоление проблем и конфликтов между сторонами.

Ключевые слова: КНР, США, пинг-понговая дипломатия, «мягкая сила», спортивная дипломатия, Р. Никсон, Мао Цзэдун, внешняя политика

Спортивная дипломатия — ненасильственная технология влияния

«Мягкая сила» как форма внешнеполитической стратегии, предполагающей способность добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности, приобретает все большее значение в международных отношениях. Основа этой стратегии — ненасильственные технологии влияния, к которым можно отнести спортивную дипломатию как составную часть публичной дипломатии, являющейся, пожалуй, наиболее эффективным инструментом «мягкой силы».

При этом необходимо иметь в виду, что практика публичной дипломатии и появление

понятия публичной дипломатии по времени не совпадают. На это в своей статье обратил внимание А.В. Лукин, заметив, что первое упоминание публичной дипломатии в англоязычном источнике относится к январю 1856 г. [Лукин 2013]. Он также отмечает два важных аспекта публичной дипломатии: во-первых, важность произвести позитивное впечатление на зарубежную публику; и, во-вторых, быть примером для собственного народа. Публичная дипломатия в состоянии стать действенным средством достижения внешнеполитических целей в том случае, если она соответствует моральным принципам народов. Усиление роли публичной дипломатии вообще и спортивной дипломатии в частности

в обеспечении достижения внутри- и внешнеполитических целей, урегулировании сложных международных разногласий является одной из актуальных тенденций современных международных отношений.

Понятие спортивной дипломатии можно определить как официальную и неофициальную государственную деятельность, а также деятельность правительств и внешнеполитических органов по реализации внешнеполитических задач посредством организации спортивных мероприятий и участия в них национальных сборных. Существует и другое определение спортивной дипломатии, согласно которому это особый вид дипломатической деятельности, при которой спорт выступает в качестве самостоятельного или же вспомогательного инструмента решения внешнеполитических задач [Боголюбова, Николаева 2018].

Следует отметить, что спортивная дипломатия становится особенно актуальной ввиду возрастающей популяризации спортивных мероприятий самого высокого международного уровня, что подтверждается, например, увеличением числа команд, принимающих участие в чемпионате мира по футболу: если в самом первом чемпионате в Уругвае в 1930 г. приняли участие 13 команд, то на чемпионате мира в России в 2018 г. соревновались 32 команды¹. То же самое можно сказать и об Олимпийских играх: в зимних Олимпийских играх в Шамони (Франция) в 1924 г. участвовали 16 команд, в Пхёнчхане (Республика Корея) в 2018 г. приняли участие 92 команды; на летних Олимпийских играх в Афинах (Греция) в 1896 г. соревновались 12 стран, в Рио-де-Жанейро (Бразилия) в 2016 г. — 207². Кроме того, увеличилось число видов спорта на Олимпийских играх: на зимних число возросло с 9 до 15, на летних — с 9 до 33.

Несмотря на лозунг «спорт вне политики», мы не можем не признать, что спорт на протяжении многих лет использовался в политических целях [Быкова 2015]. Он являлся и является

мощнейшим инструментом политического воздействия, а также внешнеполитической борьбы, обладающим уникальным потенциалом и большими возможностями [Наумов 2017]. Спорт существенно влияет на внешнюю политику государств, формирует их международный имидж, так как победа спортсменов в крупных соревнованиях мирового масштаба способствует подъему авторитета государства на мировой политической арене, выполняет глубокую символическую функцию, демонстрируя возможности и преимущества мирной модели сотрудничества [Мартыненко 2017].

Причины сближения КНР и США

Многие государства мира активно и весьма успешно применяют инструменты спортивной дипломатии. Одним из таких государств является КНР. Именно с этой страной связано очень известное явление в спортивной дипломатии — пинг-понговая дипломатия [Shearer 2014]. Дипломатия пинг-понга использовалась правительством КНР в начале 1970-х гг. для улучшения отношений с рядом стран — Японией, Австралией, Сингапуром, Канадой, Малайзией [Wang 2003]. Но, безусловно, самым известным случаем является применение данного инструмента китайской стороной в отношении США.

К этому времени между КНР и США еще не были установлены дипломатические отношения ввиду ряда причин: во-первых, из-за прямого столкновения китайских и американских солдат в ходе корейской войны 1950—1953 гг., во-вторых, ситуацию осложнял факт наличия связей между американским правительством и правительством Тайваня, в-третьих, США выступали против нарушения прав человека в Китае [Wasserstrom 2001], что рассматривалось Пекином как вмешательство во внутренние дела. Однако были также и определенные причины, которые побуждали страны установить дипломатические отношения и начать сотрудничество. Для США этими причинами стали:

- ♦ война во Вьетнаме 1964—1975 гг., американское вторжение в которую осудили граждане и многие союзники страны и которая завела США в так называемый внешнеполитический тупик;
- ♦ экономический кризис 1971 г., который сильно ударил по экономике США.

¹ Чемпионат мира по футболу: историческая статистика. URL: <https://www.sport-express.ru/football/L/world/history/> (дата обращения: 21.11.2018).

² История Олимпийских игр. URL: <http://olympdeka.ru/olymp/game.html> (дата обращения: 21.11.2018).

В 1969 г. президентом США стал Р. Никсон. До своего избрания он неоднократно заявлял о необходимости изменения политики в отношении КНР. Еще в 1967 г. он подчеркивал: «Мы не можем оставить Китай за пределами семьи наций... в изоляции» [Ху 2008]. В политике Никсона КНР занимала одно из приоритетных мест. Поддержание дипломатических отношений с правительством Гоминьдана за счет отказа от нормальных взаимоотношений с КНР наносило серьезный урон международному авторитету Вашингтона. Кроме того, Никсон рассчитывал путем сближения с КНР усилить позицию США в холодной войне. Не стоит забывать и о личных амбициях президента: он хотел войти в историю как человек, начавший диалог с Китаем [Kobierecki 2016].

В этой связи США были заинтересованы в сближении с Китаем, тем более для этого складывалась благоприятная ситуация ввиду ухудшения отношений между КНР и СССР. В 1969 г. Генри Киссинджеру было поручено курировать работу на китайском направлении [Косов 2014].

Китай, в свою очередь, также столкнулся с рядом проблем. Среди них были последствия Культурной революции 1966—1976 гг., в результате которой страна погрузилась в нестабильность и хаос, а ее экономике был нанесен огромный ущерб, а также ухудшение отношений с СССР [Zhang, Xu, Tang 2015], о чем уже было сказано ранее (пик напряженности в отношениях между странами пришелся на 1969 г., когда произошло вооруженное столкновение на острове Даманский). В этой связи и КНР, и США были заинтересованы в нормализации двусторонних отношений.

Приглашение американских атлетов посетить КНР — первый шаг к нормализации отношений

В 1969 г., уже после конфликта на советско-китайской границе, между представителями Китая и Соединенных Штатов состоялся секретный обмен мнениями по данной проблеме. Заместитель госсекретаря США Э. Ричардсон в сентябре того же года заявил, что в случае начала советско-китайского вооруженного конфликта США безучастными не останутся [Окороков 2013].

Китайская сторона вскоре также проявила инициативу. В марте-апреле 1971 г. в японском городе Нагоя состоялся чемпионат мира по настольному теннису. Правительство КНР приняло решение об участии китайских спортсменов в данном мероприятии [Gong, Wang 2014]. Необходимо подчеркнуть, что этот чемпионат предоставил возможность не имевшим тогда еще дипломатических отношений КНР и Японии установить контакт.

3 апреля министерство иностранных дел Китая и Государственная спортивная комиссия обратились к Центральному комитету Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) с предложением пригласить американскую сборную по настольному теннису. Председатель ЦК КПК Мао Цзэдун одобрил данную идею и решил пригласить американскую команду посетить Китай накануне закрытия чемпионата [Хя 2006]. На следующий день Государственный департамент США получил сообщение от китайского посольства о «приглашении китайской стороной команды Соединенных Штатов Америки по настольному теннису посетить КНР» и сразу же сообщил об этом в Белый дом. Никсон узнал об этой новости поздно вечером, однако незамедлительно сообщил через посланника о том, что американская сторона принимает приглашение Китая³. Впоследствии Никсон сказал: «Я никак не ожидал, что инициатива Китая будет реализована в такой форме — в форме приглашения нашей команды по настольному теннису посетить Пекин» [Вао 2011].

10 апреля в Пекин прибыли 9 американских спортсменов, 4 члена ассоциации настольного тенниса, супруги двух спортсменов, а также небольшая группа американских журналистов. Данный визит стал первым официальным визитом американских представителей в КНР с момента ее образования 1 октября 1949 г. [Долгова 2017]. Американские спортсмены провели несколько матчей с китайскими атлетами. В ходе визита они также посетили такие достопримечательности, как Летний Дворец, Великая Китайская стена, посмотрели на жизнь КНР изнутри, познакомились с богатым историко-культурным наследием страны.

³ 关于“乒乓外交”的故事 [История пинг-понговой дипломатии]. URL: <https://zhidao.baidu.com/question/145159960.html> (дата обращения: 06.05.2018).

Премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай провел встречу со спортсменами в Доме Все-китайского собрания народных представителей⁴. В ходе этой встречи премьер подчеркнул: «Вы открыли новую главу отношений между Китайской Народной Республикой и Соединенными Штатами Америки. Я считаю, что это новое начало нашей дружбы, несомненно, будет поддержано большинством граждан наших стран»⁵.

По окончании своего визита в Пекин американский фотограф Франк Фесибек выразил такое мнение о Китае: «Мы увидели сплоченное и аккуратное общество. В общем, они переживают бедность в некоторой степени, зато там абсолютно нет печали и голода. Люди выглядят здоровыми, у них круглые лица, розовые щеки и белые зубы. Они выглядят очень счастливыми»⁶. Это было первое позитивное высказывание о социалистической КНР со стороны капиталистического государства.

Американские спортсмены находились в Китае в течение 7 дней, то есть до 17 апреля 1971 г. В день прибытия американских спортсменов в Пекин газета *The New York Times* опубликовала статью, в которой журналисты предположили, что после посещения американскими спортсменами КНР в эту страну могут быть допущены и другие категории граждан США⁷. И уже 14 апреля Соединенные Штаты отменили запрет на посещение Китая американскими гражданами [Eckstein 1993], а также сняли ограничения на торговлю с Пекином [Жохова, Набиева 2015]. Это свидетельствует о том, что Вашингтон, в свою очередь, также пошел навстречу Пекину. Кроме того, 14 апреля американский президент

⁴ См.: *The World: The Ping Heard Round the World*. *Time*. URL: <http://content.time.com/time/magazine/article/0,9171,1074144,00.html> (accessed: 21.11.2018).

⁵ 乒乓球外交 [Пинг-понговая дипломатия]. URL: <https://wenku.baidu.com/view/367c699c80eb6294dd886cb8.html> (дата обращения: 06.05.2018).

⁶ См.: Клитин А. Дипломатия пинг-понга и нормализация американо-китайских отношений в 1970-х годах. URL: <https://ushistory.ru/populjarnaja-literatura/517-diplomatija-ping-ponga-i-normalizatsija-amerikano-kitajskih-otnoshenij-v-1970-h-godah> (дата обращения: 06.05.2018).

⁷ Ping-pong diplomacy. *The New York Times*. URL: <https://www.nytimes.com/1971/04/10/archives/pingpong-diplomacy.html> (accessed: 21.11.2018).

Р. Никсон объявил, что США намерены предоставить визы ряду китайских граждан, которые желают посетить страну, ослабить валютные ограничения, начать перевозку китайских грузов, организовать импорт определенных товаров из Китая, а также разрешить поставки американских товаров на китайский рынок [Воронцов 1986].

Г. Киссинджер, говоря о визите американских спортсменов в КНР, отмечал, что он «стал международной сенсацией, привлек внимание всего мира, конечно, этому способствовало грамотное руководство мероприятием Чжоу Эньлая»⁸.

Установление дипломатических отношений между КНР и США

В 1972 г. китайские спортсмены нанесли ответный визит в США [Chu 1997], где провели с американскими атлетами серию товарищеских матчей под девизом «Дружба превыше всего» [Боголюбова 2018]. Р. Никсон принял китайскую делегацию, возглавляемую Чжуан Цзэдуном, в Розовом саду Белого дома. В своей приветственной речи Никсон подчеркнул, что в матче между китайской и американской командами будет сторона победившая и сторона проигравшая, однако главной победой, по его словам, «станет дружба между народами Соединенных Штатов и Китайской Народной Республики» [Eckstein 1993]. Также китайская делегация смогла ближе познакомиться с Америкой, с ее культурой и повседневной жизнью.

Однако еще до ответного визита спортсменов из КНР был сделан важный шаг в направлении нормализации отношений между КНР и США. 2 июня 1971 г. в Вашингтон пришло сообщение из Пекина, переданное через президента Пакистана Яхья Хана, о готовности китайских представителей принять у себя президента США с официальным визитом. Как отмечал Р. Никсон в своей книге «На арене. Воспоминания о победах, поражениях и возрождении»: Г. Киссинджер, сторонник американо-китайского сближения, расценил это послание как одно из самых важных среди тех, которые Вашингтон получал после Второй мировой войны⁹. В июне

⁸ Kissinger H. *White House years*. 1979. P. 839.

⁹ Никсон Р. *На арене. Воспоминания о победах, поражениях и возрождении*. М., 1992. С. 19.

состоялась тайная поездка Киссинджера в Пекин, где он провел переговоры с китайскими лидерами — Мао Цзэдуном, Чжоу Эньлаем и др. [Киссинджер 1997] Во время переговоров Киссинджер подчеркнул: «США более не являются врагом Китая, не будут более изолировать Китай, поддержат предложение о восстановлении членства КНР в ООН, но выступят против изгнания из ООН представителей Чан Кайши»¹⁰.

Вашингтон сдержал свое обещание, и уже 25 октября 1971 г. в соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 2758¹¹ КНР заняла место Китайской Республики в организации [Gong, Wang 2014], в том числе место в Совете Безопасности.

В середине июля 1971 г. президент США Р. Никсон выступил с телевизионным обращением к согражданам, заявив о визите Киссинджера в Пекин, а также о своем предстоящем визите в КНР [Griffin 2014]. И, наконец, 21 февраля 1972 г. Никсон посетил КНР с визитом, который стал историческим [Дегтярев 2008]. А 1 января 1979 г. были установлены дипломатические отношения между КНР и США¹². Стороны подтвердили приверженность противостоять усилиям любых государств по установлению гегемонии [Qi, Li 2014].

Таким образом, пинг-понговая дипломатия, осуществленная Китаем и США в 1970-х годах, стала, безусловно, прорывом в американо-китайских отношениях, было положено начало эпохе нормализации китайско-американских отношений. Благодаря этому завершилось состояние разобщенности между КНР и США, которое продолжалось уже более 20 лет. В 1973 г. была проведена телефонная линия для связи председателя КНР и президента США. С этого момента стороны достаточно часто проводили переговоры на уровне официальных лиц. Также началось

активное сотрудничество между КНР и США в экономической, политической, военной, культурной и других сферах.

***

Дипломатия пинг-понга позволила нормализовать отношения между КНР и США. 26 сентября 2018 г. глава МИД Китая Ван И на встрече с бывшим госсекретарем США Генри Киссинджером отметил, что за 40 лет дипломатических отношений Китая и США стороны вынесли самый важный опыт, что сотрудничество принесет выгоду всем, а противостояние — только ущерб.

Примечателен тот факт, что обе страны не забывают о том, что послужило началом разрядки в двусторонних отношениях: весной 2001 г. в честь 30-летия пинг-понговой дипломатии был организован прием в китайской резиденции Дяоюйтай, на котором бывший госсекретарь США Генри Киссинджер сыграл в настольный теннис с бывшим китайским вице-премьером Ли Ланьцином¹³. После этого Киссинджер поблагодарил китайскую сторону за то, что она «изобрела пинг-понговую дипломатию, которая помогла развитию китайско-американских отношений» [Shen 2001].

Спортивная дипломатия — это, действительно, очень эффективный внешнеполитический инструмент. Дипломатия пинг-понга является прямым тому доказательством. Она оказала решающее влияние на установление дипломатических отношений между КНР и США и развитие долгосрочных и стабильных отношений между двумя странами. Кроме того, благодаря ей завершилась изоляция КНР, которая стала государством — членом ООН и постоянным членом Совета Безопасности. Произошло ослабление связей между США и правительством Тайваня, что положительно сказалось на двусторонних отношениях КНР и США. Пинг-понговая дипломатия продемонстрировала, что спорт может быть эффективным инструментом мирного разрешения международных споров и разрядки напряженности в отношениях в то время, когда политика заходит в тупик [Itoh 2011].

¹⁰ «Китайская карта» Киссинджера. URL: http://tfolk.ru/articles/kitayskaya_karta_kissindzhera (дата обращения: 07.05.2018).

¹¹ Резолюция ГА ООН 2758 (XXVI) «Восстановление законных прав Китайской Народной Республики в Организации Объединенных Наций». URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/330/82/IMG/NR033082.pdf?OpenElement> (дата обращения: 07.05.2018).

¹² Joint Communiqué of the United States of America and the People's Republic of China (Joint Communiqué on the Establishment of Diplomatic Relations — January 1, 1979). URL: <http://www.taiwandocuments.org/communique02.htm> (accessed: 29.05.2017).

¹³ См.: Генри Киссинджер играет в пинг-понг. URL: <http://tabletennis.hobby.ru/news/news/0116.shtml> (дата обращения: 07.05.2018).

Спортивная дипломатия также может выступать действенным средством и для Российской Федерации в процессе реализации ею внешнеполитических задач. Потенциал развития данного вида дипломатии в России достаточно высокий: РФ занимается строительством крупных спортивных объектов, стремится к популяризации спорта среди российских граждан¹⁴, а также принимает активное участие в спортивных мероприятиях мирового масштаба: российские спортсмены участвуют в крупных мировых соревнованиях; в России проводились такие крупнейшие спортивные мероприятия, как зимние Олимпийские игры в Сочи 2014 г., Чемпионат мира по футболу 2018 г., которые, в свою очередь, улучшили международный имидж страны, а прибытие на данные мероприятия глав других

государств позволило провести ряд переговоров. Так, например, во время проведения зимних Олимпийских игр в Пекине в 2008 г. президент России В. Путин прибыл в Китай на церемонию открытия мероприятия, он также провел переговоры с председателем КНР Ху Цзиньтао, в ходе которых обсуждалось двустороннее сотрудничество в сфере торговли, электроэнергетики и пограничного взаимодействия¹⁵. В 2014 г. председатель КНР Си Цзиньпин посетил открытие зимних Олимпийских игр в Сочи, во время своего визита в Россию он также встретился с В. Путиным. Таким образом, Российской Федерации необходимо и в дальнейшем активно использовать спортивную дипломатию во внешнеполитической деятельности, что позволит добиться определенных успехов на международной арене.

¹⁴ Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/koncepciya/koncepciya25.html> (дата обращения: 02.12.2018).

¹⁵ См.: Владимир Путин посетит открытие Олимпиады в Пекине. URL: <https://rg.ru/2008/08/08/putin.html> (дата обращения: 05.12.2018).

Библиографический список

- Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В. Геополитика спорта и основы спортивной дипломатии. М.: Издательство Юрайт, 2018.
- Быкова В.В. Спортивная дипломатия как часть «мягкой силы»: имплементация в рамках внешней политики Российской Федерации // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 2 (4). URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/02/46693> (дата обращения: 06.05.2018).
- Воронцов В.Б. Миссионеры и их наследники. Повороты политики США в отношении Китая. М.: Политиздат, 1986.
- Дегтярев А.В. Роль Совета национальной безопасности в дипломатической подготовке визита Р. Никсона в КНР в феврале 1972 г. // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 311. С. 72—79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-soveta-natsionalnoy-bezopasnosti-v-diplomaticheskoy-podgotovke-vizita-p-m-niksona-v-knr-v-fevrale-1972-g> (дата обращения: 07.05.2018).
- Долгова Д.А. Спорт как инструмент укрепления авторитета КНР на международной арене // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2017. № 9. С. 98—106. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sport-kak-instrument-ukrepleniya-avtoriteta-knr-na-mezhdunarodnoy-arene> (дата обращения: 06.05.2018).
- Жохова Д.В., Набиева С.К. Политика и спорт на мировой арене // Новая наука: современное состояние и пути развития. 2015. № 6-3. С. 204—211.
- Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997.
- Косов А.П. Политика США в отношении КНР в период президентства Р. Никсона // Метаморфозы истории. 2014. № 5. С. 343—369.
- Лукин А.В. Публичная дипломатия: государственная пропаганда или гражданская инициатива? // Дипломатический ежегодник. М.: Весь мир, 2013. С. 56—86.
- Мартыненко С.Е. К вопросу о роли спорта в развитии и обеспечении международного мира и безопасности // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 11. С. 37—41.
- Наумов А.О. Спортивная дипломатия как инструмент «мягкой силы» // Мировая политика. 2017. № 4. С. 32—43. URL: http://e-notabene.ru/wi/article_24852.html (дата обращения: 06.05.2018). DOI: 10.25136/2409-8671.2017.4.24852.
- Окорочков А.В. В боях за Поднебесную. Русский след в Китае. М.: Вече, 2013.
- Bao E. “Ping-Pong Diplomacy”: The Historic Opening of Sino-American Relations during the Nixon Administration. 2011. URL: <https://docplayer.net/25456253-Ping-pong-diplomacy-the-historic-opening-of-sino-american-relations-during-the-nixon-administration.html> (accessed: 06.05.2018).

- Chu Yuanpeng*. Youyi de qiaoliang — xie zai Zhongmei “pingpangqiu waijiao” 25 zhounian zhiji [Friendship Bridge: Notes from the 25th Anniversary of Sino—US Ping-Pong Diplomacy] // *Pingpang shijie* [Table tennis world]. Beijing, 1997. (На кит. языке).
- Eckstein R.* Ping Pong Diplomacy: A View from behind the Scenes // *The Journal of American-East Asian Relations*. 1993. Vol. 2. № 3. P. 327—342.
- Gong Li, Wang Hongxu*. Xinshiqi Zhongguo waijiao zhanlue [China's new age diplomatic strategies]. 2014. (На китайском языке).
- Griffin N.* Ping-Pong Diplomacy: The Secret History Behind the Game That Changed the World. New York: Skyhorse, 2014.
- Itoh M.* The Origin of Ping-Pong Diplomacy: The Forgotten Architect of Sino—U.S. Rapprochement. New York: Palgrave Macmillan, 2011.
- Kobierecki M.M.* Ping-Pong Diplomacy and its Legacy in the American Foreign Policy // *Polish Political Science Yearbook*. 2016. Vol. 45. P. 304—316.
- Qi Pengfei, Li Baozhen*. Xin Zhongguo waijiao jianzhi [A brief history of China's modern diplomacy]. Beijing, 2014. (На китайском языке).
- Shearer D.* To Play Ball, Not Make War: Sports, Diplomacy and Soft Power // *Harvard International Review*. 2014. Vol. 36. № 1. P. 53—57.
- Shen Xin*. Thirtieth Anniversary of Ping-Pong Diplomacy Marked // *Voice of Friendship*. Beijing, 2001. P. 2—5.
- Wang Guanhua*. “Friendship First”: China's Sports Diplomacy during the Cold War // *The Journal of American-East Asian Relations*. 2003. Vol. 12. № 3/4. P. 133—153.
- Wasserstrom J.N.* Beyond Ping-Pong Diplomacy: China and Human Rights // *World Policy Journal*. 2001. Vol. 17. № 4. P. 61—66.
- Xia Yafeng*. Negotiating with the Enemy. U.S. — China Talks during the Cold War, 1949—1972. Bloomington: Indiana University Press, 2006.
- Xu Gouqi*. Olympic Dreams. China and Sports 1895—2008. Cambridge: Harvard University Press, 2008.
- Zhang Hua, Xu Junwei, Tang Jianjun*. Zhongmei pingpang waijiao de fasheng jizhi ji shijian qishi [Emergence and practical implementation of Sino—US Ping Pong Diplomacy] // *Renwen shehui kexue xue bao* [Journal of the Humanities and Social Science]. 2015. Vol. 35. № 4. P. 93—96. (На китайском языке).

Дата поступления статьи: 29.10.2018

Для цитирования: *Мартыненко С.Е., Трусова А.А., Черняев М.С.* Пинг-понговая дипломатия: влияние на установление китайско-американских отношений // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2019. Т. 19. № 1. С. 139—147. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-139-147.

Сведения об авторах: *Мартыненко Станислав Евгеньевич* — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: martynenko-se@rudn.ru).

Трусова Александра Андреевна — студент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: 1032152385@rudn.ru).

Черняев Михаил Сергеевич — студент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: 1032152269@rudn.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-139-147

Ping-Pong Diplomacy: Impact on the Establishment of Sino—US Relations

S.E. Martynenko, A.A. Trusova, M.S. Cherniaev

RUDN University
Moscow, Russian Federation

Abstract. The relevance of the study is determined by the role and place of sports diplomacy in international relations and foreign policy today. Sport is truly a global phenomenon. In the modern world, it is a tool of political influence with the greatest potential and opportunities. History abounds in examples of how different countries used this tool to realize their goals. The “ping-pong diplomacy” confirms this fact, since it was a breakthrough in US-China relations. Thanks to the efforts of the PRC State

Council Chairman Zhou Enlai and US State Secretary Henry Kissinger, Beijing and Washington were able to build trust in 1971 and to establish diplomatic relations in 1979. This in turn contributed to changes in the geopolitical situation in relations between the United States, China and the USSR by strengthening the position of the United States and China and weakening the Soviet position.

The subject of the study is sports diplomacy, its special case — “ping-pong diplomacy” which played a decisive role in the normalization of relations between the PRC and the United States and their subsequent development.

Authors of the study applied the principles of historicism and objectivity, which imply consideration of phenomena in the dynamics of change. The historical-genetic method of research was used to identify the properties, functions and changes of the studied reality in the process of its historical movement.

Based on the results of the study, the authors conclude that ping-pong diplomacy had a significant impact on the establishment of diplomatic relations between the PRC and the USA. It is also capable of having a positive impact on the development of bilateral relations and overcoming challenges and conflicts between the states.

Key words: PRC, USA, ping-pong diplomacy, “soft power”, sports diplomacy, R. Nixon, Mao Zedong, foreign policy

References

- Bao, E. (2011). “Ping-Pong Diplomacy”: *The Historic Opening of Sino-American Relations during the Nixon Administration*. URL: <https://docplayer.net/25456253-Ping-pong-diplomacy-the-historic-opening-of-sino-american-relations-during-the-nixon-administration.html> (accessed: 06.05.2018).
- Bogoliubova, N.M. & Nikolaeva, J.V. (2018). *Geopolitics of Sport and Sports Diplomacy Basis*. Moscow: Urait Publishing House. (In Russian).
- Bykova, V.V. (2015). Sport diplomacy as a part of “soft power”: implementation in the framework of external policy of Russian Federation. *Modern Scientific Researches and Innovations*. 2 (4). URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/02/46693> (accessed: 06.05.2018). (In Russian).
- Chu, Yuanpeng. (1997). Youyi de qiaoliang — xie zai Zhongmei “pingpangqiu waijiao” 25 zhounian zhiji [Friendship Bridge: Notes from the 25th Anniversary of Sino—US Ping-Pong Diplomacy]. *Pingpang shijie [Table tennis world]*. Beijing. (In Chinese).
- Degtyarev, A.V. (2008). The role of the national security council in the diplomatic preparation of R.M. Nixon's visit in PRC in February 1972. *Tomsk State University Journal*, 311, 72—79. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-soveta-natsionalnoy-bezopasnosti-v-diplomaticheskoy-podgotovke-vizita-p-m-niksona-v-knr-v-fevrale-1972-g> (accessed: 07.05.2018). (In Russian).
- Dolgova, D.A. (2017). Sport as an instrument of strengthening China authority in international arena. *Topical Issues of Contemporary International Relations*. Saratov. 9, 98—106. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sport-kak-instrument-ukrepleniya-avtoriteta-knr-na-mezhdunarodnoy-arene> (accessed: 06.05.2018). (In Russian).
- Eckstein, R. (1993). Ping Pong Diplomacy: A View from behind the Scenes. *The Journal of American-East Asian Relations*, 2 (3), 327—342.
- Gong, Li & Wang, Hongxu. (2014). *Xinshiqi Zhongguo waijiao zhanlue [China's new age diplomatic strategies]*. (In Chinese).
- Griffin, N. (2014). *Ping-Pong Diplomacy: The Secret History Behind the Game That Changed the World*. New York: Skyhorse.
- Itoh, M. (2011). *The Origin of Ping-Pong Diplomacy: The Forgotten Architect of Sino-U.S. Rapprochement*. New York: Palgrave Macmillan.
- Kissinger, H. (1997). *Diplomacy*. Moscow: Lodomir. (In Russian).
- Kobierecki, M.M. (2016). Ping-Pong Diplomacy and its Legacy in the American Foreign Policy. *Polish Political Science Yearbook*, 45, 304—316.
- Kosov, A.P. (2014). U.S. Policy towards China during R. Nixon presidency. *Metamorphoses of History*, 5, 343—369. (In Russian).
- Lukin, A.V. (2013). Public Diplomacy: State Propaganda or civil initiative. In: *Diplomatic Yearbook*. Moscow: Ves Mir, p. 56—86. (In Russian).
- Martynenko, S.E. (2017). Concerning the role of sport in the development and maintenance of international peace and security. *Society: Politics, Economics, Law*, 11, 37—41. (In Russian).
- Naumov, A.O. (2017). Sports diplomacy as “soft power” instrument. *World politics*, 4, 32—43. URL: http://e-notabene.ru/wi/article_24852.html (accessed: 06.05.2018). DOI: 10.25136/2409-8671.2017.4.24852. (In Russian).
- Okorokov, A.V. (2013). *In Fighting for the Celestial Empire. Russian Trace in China*. Moscow: Veche. (In Russian).
- Qi, Pengfei & Li, Baozhen. (2014). *Xin Zhongguo waijiao jianzhi [A Brief History of China's Modern Diplomacy]*. Beijing. (In Chinese).

- Shearer, D. (2014). To Play Ball, Not Make War: Sports, Diplomacy and Soft Power. *Harvard International Review*, 36 (1), 53—57.
- Shen, Xin. (2001). Thirtieth Anniversary of Ping-Pong Diplomacy Marked. In: *Voice of Friendship*. Beijing, p. 2—5.
- Vorontsov, V.B. (1986). *Missionaries and their Heirs. Turns of US Policy towards China*. Moscow: Politizdat. (In Russian).
- Wang, Guanhua. (2003). “Friendship First”: China’s Sports Diplomacy during the Cold War. *The Journal of American-East Asian Relations*, 12 (3/4), 133—153.
- Wasserstrom, J.N. (2001). Beyond Ping-Pong Diplomacy: China and Human Rights. *World Policy Journal*, 17 (4), 61—66.
- Xia, Yafeng. (2006). *Negotiating with the Enemy. U.S. — China Talks during the Cold War, 1949—1972*. Bloomington: Indiana University Press.
- Xu, Guoqi. (2008). *Olympic Dreams. China and Sports 1895—2008*. Cambridge: Harvard University Press.
- Zhang, Hua, Xu, Junwei & Tang, Jianjun. (2015). Zhongmei pingpang waijiao de fasheng jizhi ji shijian qishi [Emergence and practical implementation of Sino—US Ping Pong Diplomacy]. *Renwen shehui kexue xue bao [Journal of the Humanities and Social Science]*, 35 (4), 93—96. (In Chinese).
- Zhokhova, D.V. & Nabieva, S.K. (2015). Politics and sport on the world stage. *New science: current state and ways of development*, 6—3, 204—211. (In Russian).

Received: 29.10.2018

For citations: Martynenko S.E., Trusova A.A. & Cherniaev M.S. (2019). Ping-Pong Diplomacy: Impact on the Establishment of Sino—US Relations. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (1), 139—147. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-139-147.

About the authors: *Martynenko Stanislav Evgenievich* — PhD in History, Senior Lecturer of Department of Theory and History of International Relations, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia (e-mail: martynenko-se@rudn.ru).

Trusova Aleksandra Andreevna — student of Department of Theory and History of International Relations, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia (e-mail: 1032152385@rudn.ru).

Cherniaev Mikhail Sergeevich — student of Department of Theory and History of International Relations, Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia (e-mail: 1032152269@rudn.ru).

© Мартыненко С.Е., Трусова А.А., Черняев М.С., 2019

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-148-150

Рецензия на монографии:

Brands H. American Grand Strategy in the Age of Trump.
Brookings Institution Press, 2018. 244 p.;

Kang C.D. American Grand Strategy and East Asian Security
in the XXI Century. Cambridge University Press, 2017. 224 p.

М.А. Никулин

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Монография «Американская „большая стратегия“ в век Трампа» написана заслуженным профессором Школы современных международных исследований Университета Джонса Хопкинса, старшим научным сотрудником Центра стратегических и бюджетных оценок Хелом Брэндсом. Центральный тезис данной работы заключается в том, что США, придерживаясь одной «большой стратегии» после окончания Второй мировой войны, сумели добиться победы в рамках биполярного противостояния и затем, подвергнув ее небольшим корректировкам, создать благоприятные для себя и своих интересов международные условия.

Исследование Х. Брэндса выстроено в логической последовательности, и, прежде чем перейти к периоду президентства Трампа, автор рассматривает развитие «большой стратегии» США в постбиполярный период, делая особый акцент на периоде правления Б. Обамы. Автор полагает, что именно при администрации Б. Обамы в «большую стратегию» США был внесен ряд корректировок, среди которых выделены перебалансировка внешней политики США с ближневосточного и европейского регионов на АТР, углубление взаимоотношений с традиционными союзниками и поиск новых партнеров, а также переоценка активного и полномасштабного использования военной силы во внешнеполитической деятельности США. В итоге дея-

тельность Б. Обамы на посту президента США отражала преемственность стратегического курса США с традицией поддержания американского первенства в мире посредством глобального лидерства. Автор приходит к выводу, что, хотя этот курс отличается неоднозначными успехами и неудачами, он привел в итоге к более реакционной и изоляционистской политике следующего американского президента.

Х. Брэндс считает, что изоляционистская и протекционистская политика Д. Трампа оказывает пагубное влияние как на положение США в мире, так и на международные отношения [Brands 2018: 153]. Одной из причин, определивших поддержку подобного курса в среде американского общества, по мнению автора, стало отсутствие серьезных угроз превосходству США в мире, что привело к ситуации, когда американское общество сосредоточилось на негативных последствиях глобализации, ведущих к поддержке политики протекционизма и изоляционизма.

В заключение автор заявляет, что стратегический курс Д. Трампа, якобы направленный на увеличение благосостояния и положения США на международной арене, на практике лишь способствует уменьшению влияния США и усилению напряженности в международной системе, которая выстраивалась в течение последних 20 лет.

Монография профессора Университета Южной Калифорнии Дэвида Канга «Американская „большая стратегия“ и безопасность Восточной Азии в XXI в.» посвящена проблеме трансформации структуры региональной безопасности в Восточной Азии вследствие экономического развития КНР и других стран региона, а также изменения отношения США к данному региону. Основная идея автора заключается в том, что США проводят политику, направленную на поддержание равновесия в среде восточно-азиатских государств, в то время как сами эти страны хотят всесторонне обеспечивать свою безопасность.

Подобная позиция связана с тем фактом, что по мере экономического и военного роста КНР регион Восточной Азии стал более мирным, процветающим и глубоко взаимосвязанным. Страны региона стремятся к обеспечению всеобъемлющей безопасности (*comprehensive security*). Вместо того, чтобы полагаться исключительно на военные средства, региональные государства принимают широкий спектр дипломатических, институциональных и экономических стратегий в отношении друг с другом [Kang 2017: 4]. Д. Канг утверждает, что восточноазиатские государства не наращивают военную мощь, чтобы противостоять росту КНР, так как не рассматривают ее как экзистенциальную угрозу, и поэтому им не хватает решимости сделать это. Эти региональные государства не заинтересованы в присоединении к полноценной коалиции, возглавляемой США, или в выборе сторон в потенциальном конфликте между США и Китаем.

Автор также ставит под сомнение общепринятое мнение о том, что резкий подъем Китая угрожает региональной безопасности и может привести к ситуации, известной как дилемма безопасности (*security dilemma*). Вместо этого он утверждает, что к возвышению Китая нужно относиться более реалистично, то есть как к возможности, а не угрозе.

Обе монографии представляют значительный интерес для ученых, занимающихся проблематикой «большой стратегии» США, а также для тех, кто пристально следит за развитием сложных и чувствительных для обеих сторон американо-китайских отношений. В приведенных работах авторы рассматривают внешнеполитическую стратегию США, давая ей достаточно трезвую оценку как в ретроспективе предыдущих и нынешней администраций, так и с проектированием достигнутых итогов на краткосрочную перспективу. На фоне устоявшихся клише по исследуемой проблематике авторы демонстрируют достаточно оригинальные взгляды, в частности, говоря о том, что возвышение Китая надо рассматривать не как угрозу, а как возможность. Подобный подход в корне не соотносится с идеологией наступательного реализма, в принципе оценивающего международную систему в терминах враждебности. Один из ведущих представителей этого крыла реализма, Джон Миршаймер, утверждает, что подъем Китая не может быть мирным. В этом свете взгляды Хела Брэндсона и Дэвида Канга отражают вполне прагматичный подход, что вселяет пусть и слабую, но надежду на стабилизацию подходов как внутри академического сообщества США, так и политического истеблишмента.

Библиографический список / References

- Brands, H. (2018). *American Grand Strategy in the Age of Trump*. Brookings Institution Press.
Kang, C.D. (2017). *American Grand Strategy and East Asian Security in the 21st Century*. Cambridge University Press.

Дата поступления статьи: 29.10.2018

Для цитирования: Никулин М.А. Рецензия на монографии: Brands H. *American Grand Strategy in the Age of Trump*. Brookings Institution Press, 2018. 244 p.; Kang C.D. *American Grand Strategy and East Asian Security in the XXI Century*. Cambridge University Press, 2017. 224 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 1. С. 148—150. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-148-150.

Сведения об авторе: Никулин Максим Андреевич — ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: nikulin-ma@rudn.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-148-150

Book Review:

Brands H. (2018). American Grand Strategy in the Age of Trump. Brookings Institution Press, 244 p.;

Kang C.D. (2017). American Grand Strategy and East Asian Security in the XXI Century. Cambridge University Press, 224 p.

M.A. Nikulin

RUDN University, Moscow, Russian Federation

Received: 29.10.2018

For citations: Nikulin, M.A. (2019). Book Review: Brands H. (2018). American Grand Strategy in the Age of Trump. Brookings Institution Press, 244 p.; Kang C.D. (2017). American Grand Strategy and East Asian Security in the XXI Century. Cambridge University Press, 224 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (1), 148—150. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-148-150.

About the author: *Nikulin Maksim Andreevich* — Assistant of the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Russian Federation (e-mail: nikulin-ma@rudn.ru).

© Никулин М.А., 2019

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-151-153

Рецензия на монографию:
The Belt & Road Initiative in the Global Arena.
Chinese and European Perspectives / Ed. by Yu Cheng,
Lilei Song, Lihe Huang. Palgrave Macmillan, 2018. 266 p.

А.В. Цвык

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Монография «The Belt & Road Initiative in the Global Arena. Chinese and European Perspectives» носит коллективный характер и состоит из трудов китайских и европейских исследователей. Работа посвящена рассмотрению основных аспектов реализации инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), а также анализу особенностей европейского направления внешней политики Китая и приоритетных сфер китайско-европейского сотрудничества на современном этапе. Актуальность монографии обусловлена тем фактом, что роль Китая в современных международных отношениях и системе глобального экономического управления неуклонно возрастает. По мнению академика В.В. Михеева, свое лидерство Китай может осуществить только во взаимодействии, пусть и конкурентном, с существующими глобальными лидерами и другими ориентирующимися на них странами при отказе от противодействия им. И чтобы иметь успех, Китай должен будет предлагать новые идеи, приемлемые для остального мира [Михеев, Луконин, Игнатъев 2017]. Одним из таких проектов является инициатива «Один пояс, один путь», реализация которого, по замыслу руководства страны, является главным практическим инструментом в построении «сообщества единой судьбы человечества» и «системы международных отношений нового типа».

Инициатива состоит из двух крупных экономических проектов: Экономического пояса Шелкового пути (далее — ЭПШП) и Морского Шелкового пути XXI века. В сентябре 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин в своей лекции в Назарбаев Университете (Астана, Казахстан) предложил инициативу Экономического пояса

Шелкового пути как возрождения древнего Шелкового пути, связывающего Китай со странами Евразии, Среднего и Ближнего Востока. В октябре 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин в своем обращении к парламенту Индонезии выдвинул концепцию Морского шелкового пути XXI века (МШП) как возрождения древнего Морского Шелкового пути [Киреева 2018].

Оба проекта предполагают организацию в Евразии транспортно-логистической сети, включающей в себя железнодорожные и автомобильные магистрали, воздушные и морские пути, развитие коммуникационных линий. Вдоль транспортных маршрутов создается и модернизируется соответствующая инфраструктура. Предполагается, что все это сформирует интегрированный экономический коридор, который свяжет Китай со странами Европы, Африки и в перспективе Латинской Америки. Инициатива «Один пояс, один путь» охватывает многие сферы международного сотрудничества: торгово-экономическое взаимодействие, взаимную политическую поддержку, а также гуманитарные связи. Внимание к гуманитарному аспекту нашло отражение в формулировке «путь цивилизации» во время выступления Председателя КНР Си Цзиньпина на Форуме Высокого уровня «Один пояс, один путь» в Пекине в мае 2017 г. — он должен быть основан на взаимном понимании и уважении между разными цивилизациями, между которыми не должно быть барьеров и конфликтов [Ломанов 2017].

Важная роль гуманитарного сотрудничества подчеркивается в первом разделе монографии «Comprehension and Communication on the „Belt and Road“ Initiative», подготовленной интернаци-

ональным коллективом авторов из Китая и стран Восточной Европы. Авторы глав справедливо отмечают, что китайско-европейское гуманитарное взаимодействие является важной составляющей инициативы «Один пояс, один путь» [The Belt & Road Initiative... 2018]. Особый интерес вызывает глава «Public Opinions on the Belt and Road Initiative: A Cross-Cultural Study», подготовленная китайским исследователем Юй Чэном. Автор проводит сравнительный анализ межкультурных различий в формировании имиджа инициативы «Один пояс, один путь», а также выявляет роль общественного мнения в европейских странах и европейских СМИ в отношении инициативы [The Belt & Road Initiative... 2018].

Значительный интерес в первом разделе монографии представляет глава «A Model for the Belt and Road Initiative: China's Cultural Diplomacy Toward Central and Eastern European Countries», авторами которой также являются исследователи из Китая Лилэй Сун и Чжао Цици. Данная проблематика чрезвычайно актуальна, так как авторы рассматривают инструментарий культурной дипломатии Китая на европейском направлении на примере деятельности Институтов Конфуция, китайских СМИ в Центральной и Восточной Европе, что, по их мнению, должно привести к улучшению восприятия населением этих стран инициативы «Один пояс, один путь», а также закрепить экономические результаты, достигнутые в рамках формата «16+1» (Форум «ЦВЕ — Китай» — *Прим. авт.*) [The Belt & Road Initiative... 2018].

Во втором разделе «Regional Cooperation in the „Belt and Road“ Initiative» авторы из Венгрии и Польши анализируют региональные аспекты инициативы «Один пояс, один путь» на примере Восточной Европы в целом и китайско-польских отношений в частности [The Belt & Road Initiative... 2018]. В главе «One Belt, One Road: Connecting China with Central and Eastern Europe?» венгерский ученый Агнес Суномар раскрывает взаимные интересы сторон во взаимодействии в рамках ОПОП, которые заключаются, по его мнению, в развитии инвестиционного и инфраструктурного сотрудничества. В качестве основного примера автором приводится проект строительства высокоскоростной железнодорожной Белград—Будапешт, вызвавший, однако, недовольство со стороны руководства

Евросоюза [The Belt & Road Initiative... 2018]. Петр Байор в главе «Determinants and Directions of Polish-Chinese Cooperation in the Context of the One Belt, One Road Initiative» подробно рассматривает приоритетные направления взаимоотношений между Китаем и Польшей, а также выявляет роль Польши во внешней политике Китая в Восточной Европе, делая вывод о приоритетном характере китайско-польских отношений [The Belt & Road Initiative... 2018].

В третьем разделе «Economic Cooperation in the „Belt and Road“ Initiative», на наш взгляд, наиболее интересной является глава «China—Europe Investment Cooperation: A Digital Silk Road». Автор главы, Мирейя Пауло, рассматривает цифровую индустрию, в частности рынок пятого поколения мобильной связи (5G), который, по его мнению, открывает ряд новых возможностей для реализации «Цифрового Шелкового пути» и сотрудничества между Китаем и ЕС в рамках Европейского фонда стратегических инвестиций [The Belt & Road Initiative... 2018].

В четвертой части монографии «Geopolitical Challenge in the „Belt and Road“ Initiative» рассматривается роль Центрально-Азиатского региона в реализации Экономического пояса Шелкового пути, через который проходит большинство его транспортных маршрутов. По мнению авторов Филиппо Коста Буранелли и Питера Мартона, в процессе реализации ЭПШП Китай сталкивается с рядом угроз безопасности проекта: с нестабильной социально-экономической и политической ситуацией в некоторых странах Центральной Азии, с фактором близости Афганистана к маршрутам ЭПШП, что также ставит под угрозу безопасность транспортировки товаров и энергоносителей и др. [The Belt & Road Initiative... 2018].

Наконец, в главе «China in Central Asia and the Balkans: Challenges from a Geopolitical Perspective» автор Цзюньбо Цзянь указывает на опасность столкновения геополитических интересов Китая в рамках реализации Экономического пояса Шелкового пути с интересами других «игроков» в Центральной Азии (к ним автор относит Россию и ЕС), а также вероятность усиления противоречий между Евросоюзом и Китаем в контексте укрепления влияния последнего на Балканах [The Belt & Road Initiative... 2018].

В целом в коллективной монографии удалось собрать воедино ряд наиболее актуальных для научного сообщества вопросов китайско-европейского взаимодействия в рамках реализации инициативы «Один пояс, один путь», не получавших ранее столь пристального освещения. Безусловно, работа выполнена на достойном уровне и заслуживает ознакомления.

Библиографический список

- Киреева А.А. «Инициатива пояса и пути»: содержание, цели и значение // Сравнительная политика. 2018. № 2. С. 61—74. DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-61-74.
- Ломанов А.В. Новые концепции китайской внешней политики // Азия и Африка сегодня. 2017. № 12. С. 8—18.
- Михеев В.В., Луконин С.А., Игнатьев С.В. К вопросу о перспективах Китая как глобального лидера // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. № 10 (5). С. 152—161. DOI: <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-5-152-161>.
- The Belt & Road Initiative in the Global Arena. Chinese and European Perspectives* / ed. by Yu Cheng, Lilei Song, Lihe Huang. Palgrave Macmillan, 2018. 266 p.

Дата поступления статьи: 29.10.2018

Для цитирования: Цвык А.В. Рецензия на монографию: *The Belt & Road Initiative in the Global Arena. Chinese and European Perspectives* / Ed. by Yu Cheng, Lilei Song, Lihe Huang. Palgrave Macmillan, 2018. 266 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 1. С. 151—153. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-151-153.

Сведения об авторе: Цвык Анатолий Владимирович — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: tsvyk-av@rudn.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-151-153

Book Review:

**Yu Cheng, Lilei Song & Lihe Huang (Eds.). (2018).
The Belt & Road Initiative in the Global Arena.
Chinese and European Perspectives.
Palgrave Macmillan, 2018, 266 p.**

A.V. Tsvyk

RUDN University, Moscow, Russian Federation

References

- Kireeva, A.A. (2018). Belt and Road Initiative: Overview, Objectives and Implications. *Comparative Politics Russia*, 2, 61—74. DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-3-61-74. (In Russian).
- Lomanov, A.V. (2017). New Concepts of China's Foreign Policy. *Asia and Africa Today*, 12, 8—18. (In Russian).
- Mikheev, V.V., Lukonin, S.A. & Ignatev, S.V. (2017). China and Global Leadership. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 10 (5), 152—161. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-5-152-161. (In Russian).
- Yu Cheng, Lilei Song & Lihe Huang (Eds.). (2018). *The Belt & Road Initiative in the Global Arena. Chinese and European Perspectives*. Palgrave Macmillan, 2018.

Received: 29.10.2018

For citations: Tsvyk, A.V. (2019). Book Review: Yu Cheng, Lilei Song & Lihe Huang (Eds.). (2018). *The Belt & Road Initiative in the Global Arena. Chinese and European Perspectives*. Palgrave Macmillan, 2018, 266 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (1), 151—153. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-151-153.

About the author: Tsvyk Anatoly Vladimirovich — PhD in History, Senior Lecturer of Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russia (e-mail: tsvyk-av@rudn.ru).

© ЦВЫК А.В., 2019

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-154-156

Рецензия на монографию:
Danner L.K. China's Grand Strategy. Contradictory Foreign Policy?
USA: Florida International University,
Palgrave Macmillan, 2018. 219 p.

А.Ч. Мокрецкий

Институт Дальнего Востока РАН, Москва, Российская Федерация

Монография Лукаса К. Дэннера посвящена очень важному вопросу — «большой стратегии» КНР и ее международной политике в условиях, когда Китай демонстрирует все большую уверенность в своих действиях и начинает «агрессивнее» добиваться поставленных целей. Чем больше КНР развивается, тем больше ее большая стратегия становится предметом изучения как в академических кругах, так и экспертами, определяющими внешнеполитический курс государства.

Особый акцент в работе сделан на стратегии «мирного развития». Она стала основным внешнеполитическим курсом современного руководства КНР, с помощью которого страна должна вернуться в круг великих держав, к которому Китай принадлежал тысячелетиями до «Века унижений» (100-летний период в истории Китая с начала «Опиумных войн» в 1840 г. и до образования КНР в 1949 г.).

Основные положения большой стратегии, основанной на «мирном развитии», были опубликованы Пресс-канцелярией Госсовета КНР в двух «Белых книгах» 2005 и 2011 гг. Первое издание называлось «Мирный подъем». Сама идея «мирного развития» не была абсолютно новой, а такие стратеги, как Чжэн Бицзянь, пошли по стопам Дэн Сяопина [Danner 2018: 4], выдвинувшего доктрину из 28 иероглифов [Портяков 2012: 14—15]. Наиболее значимые части доктрины Дэн Сяопина: «...скрывать собственные способности, ждать свое время» и «не высываться». Главными международными целями этой большой стратегии КНР стали защита территориальной целостности, объединение Китая

и решение территориальных споров. Среди второстепенных задач значились продолжение политики борьбы с гегемонизмом, создание благоприятной международной среды для экономического роста и недопущение восприятия Китая как угрозы международной безопасности.

Достоинством книги является стремление автора по возможности объективно и системно представить читателю объяснение большой стратегии Китая вне привычной западной предвзятости. При этом Лукас К. Дэннер широко использует сравнительный метод исследования одного случая (*comparative single-case-study method*).

В главе «*The Tributary System and the 'Century of Humiliation'*» рассматривается китайское понимание чести/гордости применительно к внешней и внутренней легитимности власти и исторической памяти с точки зрения существовавшей даннической системы и так называемого «Века унижений» (1840—1945). При этом честь/гордость тесно взаимосвязана с такими понятиями, как авторитет, статус, признание и репутация [Danner 2018: 12, 199].

В главе «*China's Peaceful Development Grand Strategy*» представлены теоретические рамки и определение большой стратегии и собственно китайская разработка концепции «мирного развития». При этом автор объясняет, как «мирное развитие» появилось, эволюционировало, из чего состоит. Отдельные ключевые характеристики большой стратегии Китая подвергаются анализу через представленные тематические исследования девяти ключевых событий международной политики, произошедшие после 2009 г.

Главы 4—6 формируют эмпирическую базу книги. В каждой главе анализируются три события, связанных с тремя составляющими большой стратегии (дипломатия, экономика и военная стратегия). Глава 4 («*Diplomatic Case Studies*») посвящена дипломатии и затрагивает реакцию КНР на российскую «агрессию» против Украины (здесь Л.К. Дэннер солидарен с общепринятой на Западе трактовкой событий, происходящих на Украине с 2013 г. и по сей день), участие Китая в работе Арктического Совета (с 2009 г.) и важную дипломатическую идею «Один пояс, один путь» (с 2013 г.). В главе 5 («*Economic Case Studies*») раскрывается экономическая политика с акцентом на ограничение экспорта редкоземельных металлов (2010—2015 гг.), Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (с 2013 г.) и китайскую стратегию создания зон свободной торговли (с 2009 г.). Глава 6 («*Military Case Studies*») о военной стратегии посвящается следующим трем событиям: созданию зоны опознавания ПВО в Восточно-Китайском море (2013), участию КНР в миротворческих операциях ООН (с 2009 г.) и успехам Китая в космической программе (с 2009 г.). Каждое событие, которое исследовалось в главах 4—6, оценивается на предмет совпадения (alignment) и расхождения (divergence) с большой стратегией «мирного развития».

Глава 7 («*Conclusion*») представляет модель, полученную по результатам исследования: внешнеполитическая деятельность КНР, ассоциируемая с внутренней формой легитимности, обычно воспринимается международным сообществом как «самоуверенное/агрессивное» поведение, в то время как действия, направленные на внешнюю форму легитимности, оцениваются как миролюбивые и не противоречащие стратегии «мирного развития». Наконец, при комбинации двух форм легитимности доминирует мирный характер, действия последовательны и не противоречат «мирному развитию» [Danner 2018: 197—198]. В заключении представлена дискуссия о результатах исследования.

Конечно, в одной книге невозможно в полной мере охватить все аспекты большой стратегии Китая. При чтении материала, посвященному данной проблеме, может возникнуть вопрос о весьма противоречивом характере стратегии, ее непоследовательности или возможной конъюнктурности в ходе реализации конкретных шагов в рамках *geopolitik*. В книге Лукаса К. Дэннера показано, на наш взгляд, «свежее» восприятие Запада современной внешней политики и дипломатии Китая, что представляет интерес как для исследователя, так и широкого круга читателей.

Библиографический список

- Портяков В.Я. Внешнеполитические заветы Дэн Сяопина и их современная интерпретация // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 5. С. 14—27.
- Danner L.K. *China's Grand Strategy. Contradictory Foreign Policy? USA*: Florida International University, Palgrave Macmillan, 2018. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-65777-6>.

Дата поступления статьи: 29.10.2018

Для цитирования: Мокрецкий А. Ч. Рецензия на монографию: Danner L.K. *China's Grand Strategy. Contradictory Foreign Policy? USA*: Florida International University, Palgrave Macmillan, 2018. 219 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 1. С. 154—156. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-154-156.

Сведения об авторе: Мокрецкий Александр Чеславович — старший научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН (e-mail: 88am@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-154-156

Book Review:

Danner, L.K. (2018). *China's Grand Strategy. Contradictory Foreign Policy?* USA: Florida International University, Palgrave Macmillan, 219 p.

A.Ch. Mokretskii

Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

References

- Danner, L.K. (2018). *China's Grand Strategy. Contradictory Foreign Policy?* USA: Florida International University, Palgrave Macmillan. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-319-65777-6>.
- Portyakov, V.Ya. (2012). Deng Xiaoping's Foreign Policy Precepts and Their Current Interpretation. *The Far Eastern Affairs*, 5, 14—27. (In Russian).

Received: 29.10.2018

For citations: Mokretskii, A.Ch. (2019). Book Review: Danner, L.K. (2018). *China's Grand Strategy. Contradictory Foreign Policy?* USA: Florida International University, Palgrave Macmillan, 219 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (1), 154—156. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-154-156.

About the author: *Mokretskii Aleksandr Cheslavovich* — Senior Research Fellow, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: 88am@mail.ru).

© Мокрецкий А.Ч., 2019

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-157-159

Рецензия на монографию:
**Akimoto D. The Abe Doctrine. Japan's Proactive Pacifism
and Security Strategy. Singapore: Palgrave Macmillan, 2018. 246 p.**

Д.В. Стрельцов

МГИМО-Университет, Москва, Российская Федерация

В монографии сделана попытка всестороннего анализа доктрины «проактивного пацифизма», выдвинутой премьер-министром Японии С. Абэ после его прихода к власти в 2012 г. Основное внимание концентрируется на практической политике кабинетов Абэ по реализации этой доктрины, а именно — на проводимой в 2010-е гг. правительством Японии политике в сферах дипломатии и безопасности.

Аналитический подход автора базируется на «эkleктичном» теоретическом инструментарии, включающем в себя различные исследовательские методики. Доктрина Абэ, провозглашающая активный вклад Японии в дело мира, рассматривается в работе в двух ипостасях — в плоскости «негативного пацифизма» (под которым автор понимает классический пацифизм как неприятие войны во всех ее проявлениях) и в плоскости «проактивного пацифизма», т.е. проведении энергичных дипломатических и военных мер по установлению мира и предотвращению вооруженных конфликтов [Akimoto 2018: 25].

Автор приходит к выводу о том, что хотя политические взгляды премьер-министра на международную политику и безопасность, равно как и на вопросы исторического прошлого, могут быть охарактеризованы как «консервативные» и «националистические», его политика активного вклада в мирную политику хорошо согласуется с теорией классического либерализма и «негативного пацифизма» [Akimoto 2018: 20].

Работа может быть рассмотрена как попытка осмысления нового феномена, возникшего с момента прихода к власти в 2012 г. администрации Абэ, который заключается в появлении у страны качественно новой стратегии

в области безопасности. Формирование этой стратегии объясняется резкими изменениями в парадигме безопасности, и прежде всего на региональном уровне. Автор исходит из того, что Япония вынуждена иметь дело с новыми вызовами в области безопасности, исходящими от ее стран-соседей — России, Китая и Северной Кореи [Akimoto 2018: 7].

Автор считает, что стратегический курс кабинетов Абэ может быть охарактеризован как практическое воплощение «доктрины Абэ» [Akimoto 2018: 91]. В этой связи важное место в монографии занимает скрупулезный анализ структурно-организационных и идейных основ политики администрации Абэ в сфере военной безопасности. Д. Акимото выделяет пять уровней этой политики и рассматривает шаги кабинетов Абэ по ее правовому и организационному обеспечению, включая принятие кабинетом министров новой интерпретации права на коллективную самооборону и обновленного Базового плана национальной обороны, а также создание в 2015 г. Совета национальной безопасности [Akimoto 2018: 180—186].

В ряду внешнеполитических мероприятий в монографии рассмотрены не только военные, но и дипломатические шаги: курс на укрепление союзнических отношений с США и активизацию военно-политической роли Японии в рамках альянса, как на двустороннем, так и региональном уровне; меры по повышению международно-политической стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе; миротворческие операции Японии, включая ее миссию на Юге Судана и т.д. Особое внимание при этом уделяется политике Японии в отношении миротворчества, включая

миротворческие операции под эгидой ООН и ее участие в возглавляемых США «антитеррористических коалициях».

Принятые кабинетом Абэ законодательные акты, касающиеся участия Токио в международных миротворческих миссиях, позволяют Токио повысить его роль в поддержании международного мира и безопасности. К их числу следует отнести в первую очередь пересмотренный Закон о миротворческих операциях, а также Закон о защите международного мира. Применение этих законов, по мнению автора, позволяет Японии вносить более значительный вклад в систему международной безопасности под эгидой ООН, что, в свою очередь, дает Токио дополнительные возможности в решении задачи получения постоянного места в СБ ООН.

Проводимую кабинетами Абэ политику «проактивного пацифизма», как полагает Д. Акимото, можно интерпретировать в основном в контексте решаемых кабинетом внутривнутриполитических целей. В частности, лозунг «проактивного пацифизма» является частью пропагандистской риторики главы кабинета министров [Akimoto 2018: 198]. Его адресатом являются преимущественно консервативные слои японского электората, на которые С. Абэ делает ставку как на базу своей электоральной поддержки.

Автор задается вопросом, насколько «искренним» является японский лидер в этой риторике и не скрывает ли она его истинные намерения (по-японски *хоннэ*), которые в реальности заключаются в том, чтобы добиться пересмотра конституции и иные элементы национального законодательства с целью создания в стране полноценного военного потенциала [Akimoto 2018: 198]. И ответ автора более чем однозначен: «проактивный пацифизм» есть форма идейного обоснования курса на создание «нормального государства», не отягощенного никакими пацифистскими нормами и ограничениями и способного проводить качественно новую политику в сфере национальной обороны. В этом смысле «доктрина Абэ» противопоставлена в работе «доктрине Ёсида»: если первая направлена на «нормализацию» военной мощи Японии, то во второй делается упор на минимально необходимый уровень военного потенциала [Akimoto 2018: 176].

По мнению Д. Акимото, стратегический курс кабинетов Абэ по укреплению отношений с США в области безопасности на основе доктрины «проактивного пацифизма» оказывается для Японии безальтернативным в том смысле, что он хеджирует для Японии риски, связанные с «оставлением» Японии в одиночестве. Одновременно он позволяет союзникам действовать с большей эффективностью против КНДР на основе принципа разделения обязанностей, при котором противоракетный потенциал армии США оказывается дополненным растущим военным потенциалом Японии [Akimoto 2018: 200].

По сути, в контексте рисков, связанных с реализацией «доктрины Абэ», перед Японией имеется две опасности — опасность «вовлечения» и опасность «оставления». Опасность «вовлечения» (*involvement*) связана с тем, что Япония рискует против своей воли оказаться втянутой в какой-либо вооруженный конфликт, участником или зачинщиком которого окажутся США. Опасность «оставления» (*abandonment*) основана на сценарии, при котором США не придут Японии на помощь в случае вооруженного конфликта, например, при попытках силового разрешения спора о принадлежности о-ва Сэнкаку.

Можно ли считать «доктрину Абэ» устойчивым феноменом японской политики? Автор отвечает на этот вопрос положительно. Синдзо Абэ получил устойчивую репутацию в качестве консервативного политика с «ястребиными» взглядами в отношении путей обеспечения национальной безопасности. Курс Абэ в этой сфере реализуется последовательно и неуклонно, в рамках присущего японскому политическому стилю инкременталистского подхода — через создание Совета национальной безопасности, принятие Стратегии национальной безопасности, принятие рамочного законодательства о мире и безопасности, предусматривающего активное военное строительство и выход Сил самообороны на международную арену [Akimoto 2018: 197].

Однако Д. Акимото считает, что если пересмотр конституции, который рассматривается в качестве логичного завершающего этапа «доктрины Абэ», осуществить не удастся, японский премьер-министр неизбежно столкнется с политическим тупиком.

Библиографический список / References

Akimoto, D. (2018). *The Abe Doctrine. Japan's Proactive Pacifism and Security Strategy*. Singapore: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-981-10-7659-6.

Дата поступления статьи: 27.10.2018

Для цитирования: Стрельцов Д.В. Рецензия на монографию: Akimoto D. *The Abe Doctrine. Japan's Proactive Pacifism and Security Strategy*. Singapore: Palgrave Macmillan, 2018. 246 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 1. С. 157—159. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-157-159.

Сведения об авторе: Стрельцов Дмитрий Викторович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой востоковедения МГИМО-Университета, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН (e-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-157-159

Book Review:

Akimoto, D. (2018). *The Abe Doctrine. Japan's Proactive Pacifism and Security Strategy*. Singapore: Palgrave Macmillan, 246 p.

D.V. Streltsov

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Received: 27.10.2018

For citations: Streltsov, D.V. (2019). Book Review: Akimoto, D. (2018). *The Abe Doctrine. Japan's Proactive Pacifism and Security Strategy*. Singapore: Palgrave Macmillan, 246 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (1), 157—159. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-157-159.

About the author: Streltsov Dmitry Viktorovich — Doctor of History, professor, Head of the Department of Afro-Asian Studies of MGIMO University, Leading Research Fellow of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru).

© Стрельцов Д.В., 2019

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-160-161

Рецензия на монографию:
Zhang Shuhua. Eluosi zhi lu 30 nian: guojia gaige yu zhidu xuanze
[The Logic of Big Powers' Institutional Transition: 30 Years
from Soviet Union to New Russia]. Beijing: Zhongguo shehui kexue
chubanshe [Chinese Social Sciences Press], 2018. 370 p.

Е.Н. Грачиков

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Книга «Тридцать лет российского пути: государственная реформа и системный выбор», которая в английском официальном подстрочном названии звучит как «Логика институциональных изменений больших держав: 30 лет от Советского Союза к России», принадлежит известному китайскому русисту, профессору, директору Института информационных исследований Китайской академии общественных наук (КАОН) и главному редактору журнала «Общественные науки за рубежом» Чжан Шухуа (张树华)¹. Исследовательские интересы Чжана включают международные проблемы и сравнительную политологию. Он внес большой вклад в исследования Советского Союза, России, проблем демократизации и приватизации, опубликовал более 400 статей и 20 монографий.

Представляя книгу, издательство пишет, что Россия — одна из стран, которые больше всего

интересуют китайских читателей, но довольно мало книг, особенно в Китае, в которых подробно описывается и анализируется ситуация в России за последние 30 лет. Издание этой книги поможет людям глубже понять Россию под руководством Путина. 30 лет взлетов и падений российского общества хороший пример для размышлений и понимания китайского пути.

Книга состоит из трех разделов: в первом — «Ложный путь либерализации», состоящем из пяти глав, — Чжан Шухуа рассматривает проблему утраты веры и измены своим убеждениям, потери КПСС руководящей роли в обществе и причины разрушения политической системы СССР [Zhang 2018: 4—82]. Во втором — «Тупик приватизации» — анализируется комплекс сложнейших экономических проблем Советского Союза, роль Горбачева, его политики реформ и гласности. В третьем — «Ловушка демократизации» — автор прослеживает эволюцию проведения либеральных реформ, их неудач, причин отставки Б.Н. Ельцина и прихода к власти В.В. Путина [Zhang 2018: 173—350].

Чжан Шухуа делает вывод, что распад Советского Союза в 1991 году и поражение КПСС были главными событиями в мировой истории за последние сто лет. Политические потрясения в бывших республиках СССР, в Восточной Европе и образование новых государств сильно изменили политическую карту мира. С окончанием холодной войны западный лагерь пытается доминировать над глобализацией экономической политики и даже идей [Zhang 2018: 360—367]. «Либерализация», «приватизация» и «демократи-

¹ Чжан Шухуа занимает высокое общественное положение, он член Народного Политического Консультативного Совета Китая, входит в правления Китайской ассоциации переводчиков, Китайского общества политологов, является исполнительным директором Китайской ассоциации изучения России, Восточной Европы и Центральной Азии, заместителем директора Центра изучения мирового социализма КАОН, вице-президентом Китайской ассоциации исследований поднимающихся экономик, вице-президентом Ассоциации выпускников российских вузов Европейской и Американской ассоциации выпускников, почетным профессором социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, где в начале 1990-х защитил кандидатскую диссертацию по политическим наукам.

зация» уже давно стали единственным выбором для многих стран мира (автор аккуратно намекает на Китай).

За последние 30 лет мир кардинально изменился. Перед лицом «западных стандартных рецептов» либерализации идей, приватизации экономики и демократизации политики, Чжан ставит вопрос, стоит ли принимать подобные лекарства и шоковую терапию? Или это помогает «злым духам и укрепляет тело»? В эпоху сетей и информации, перед лицом мощных

потрясений, таких как либерализация, утилитаризм и популизм, автор фактически спрашивает сам себя, как спокойно и уверенно придерживаться своих политических убеждений?

Книга написана для широкого круга китайской читающей аудитории, но во многом обращена к думающей интеллигенции, которая должна сама ответить на вопрос, куда двигаться Китаю, учитывая трагический опыт развала КПСС и СССР.

Библиографический список / References

Zhang, Shuhua. (2018). *Eluosi zhi lu 30 nian: guojia gaige yu zhidu xuanze [The Logic of Big Powers' Institutional Transition: 30 Years from Soviet Union to New Russia]*. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe [Chinese Social Sciences Press]. (In Chinese).

Дата поступления статьи: 30.10.2018

Для цитирования: Грачиков Е.Н. Рецензия на монографию: Zhang Shuhua. *Eluosi zhi lu 30 nian: guojia gaige yu zhidu xuanze [The Logic of Big Powers' Institutional Transition: 30 Years from Soviet Union to New Russia]*. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe [Chinese Social Sciences Press], 2018. 370 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 1. С. 160—161. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-160-161.

Сведения об авторе: Грачиков Евгений Николаевич — кандидат политических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: grachikov-en@rudn.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-160-161

Book Review:

Zhang Shuhua. (2018). *Eluosi zhi lu 30 nian: guojia gaige yu zhidu xuanze [The Logic of Big Powers' Institutional Transition: 30 Years from Soviet Union to New Russia]*. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe [Chinese Social Sciences Press], 370 p.

E.N. Grachikov

RUDN University, Moscow, Russian Federation

Received: 30.10.2018

For citations: Grachikov, E.N. (2019). Book Review: Zhang Shuhua. (2018). *Eluosi zhi lu 30 nian: guojia gaige yu zhidu xuanze [The Logic of Big Powers' Institutional Transition: 30 Years from Soviet Union to New Russia]*. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe [Chinese Social Sciences Press], 370 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (1), 160—161. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-160-161.

About the author: *Grachikov Evgeny Nikolaevich* — PhD in Political Science, Associate Professor at the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: grachikov-en@rudn.ru).

© Грачиков Е.Н., 2019

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-162-164

Рецензия на монографию:
**Shekhar V. Indonesia's Foreign Policy and Grand Strategy
in the 21st Century. London: Routledge, 2018. 243 p.**

Н.С. Куклин

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Вибханшу Шекхар — известный исследователь АСЕАН, Индонезии и Азии в целом, профессор Американского университета в Вашингтоне. В марте 2018 года вышла его новая книга: *Indonesia's Foreign Policy and Grand Strategy in the 21st Century (Rise of an Indo-Pacific Power)*. Она суммирует ряд предыдущих работ автора по исследованию индонезийской внешней политики и ее региональной роли [Shekhar 2011; Shekhar 2015].

В первую очередь, следует отметить, что для книги при анализе азиатских стран характерны классические для «западной» литературы реалистический, геополитический и геоэкономический подходы. Индонезия оценивается, прежде всего, как мощная сила в Азиатском регионе, как сила, которая способна противостоять главному азиатскому дракону — Китаю и остальным региональным силам [Acharya 2014; Roberts, Nabir, Sebastian 2015].

Автор подразделяет работу на шесть глав, первые четыре — затрагивают вопросы геополитического влияния Индонезии в регионе. Оставшиеся две посвящены вопросам взаимодействия с АСЕАН и внешним миром в целом [Shekhar 2018: 9].

Общая логика анализа эволюции внешней политики строится по классическому для индонезиеведческих работ принципу разделения на президентские сроки. Безусловно, такой подход позволяет наилучшим образом выявить ключевые этапы развития внешнеполитических идей, так как в индонезийской политике большую роль с момента обретения страной независимости играет личность президента и его ближайшего окружения [Shekhar 2018: 26].

В. Шекхар обращает внимание читателя на то, что в Индонезии внешняя политика является в первую очередь отображением настроений ее элиты [Shekhar 2018: 35]. Обосновывая усиление влияния Индонезии в регионе, ученый упоминает о все более возрастающих показателях ВВП и общих экономических показателях страны. В западной литературе и в работах авторов из АСЕАН, в особенности из Сингапура, подобная точка зрения на методы оценки влияния превалирует. Шекхар справедливо отмечает, что стремление к возвышению роли экономических факторов проистекает из общенаучного и даже бытового восприятия Индонезии как третьего азиатского тигра со многими сопутствующими стереотипами и надеждой на то, что данное государство в скором времени займет лидирующие позиции [Shekhar 2018: 30].

Однако автор стремится обратить внимание на необходимость учета специфики индонезийской политики, преемственности ее классических традиций и влияния новшеств, которые, с одной стороны, призваны изменить мышление политической элиты в отношении внешнеполитических вопросов, а с другой — задуматься о сохранении исконных ценностей в основе базовых доктрин и принципов индонезийской дипломатии.

Данная монография демонстрирует пример успешного анализа эволюции внешней политики Индонезии. Автором подробно рассмотрены различные периоды истории страны. Так, он акцентирует внимание на том факте, что эра двух президентов Сукарно и Сухарто закрепила исконные для Индонезии противоположные начала:

лидерство (временами агрессивное) в регионе и невмешательство, посредничество и добрые услуги на глобальном уровне. Автор также упоминает доктрину активной и независимой внешней политики (*bebas dan aktif*) и идею «лабиринта между двумя камнями» Мохаммада Хатта, первого вице-президента Индонезии. Шекхар отмечает, что после свержения Сухарто в 1998 г. перед страной, которая вошла в период реформ, встала задача по лабиринтованию уже не между «двумя камнями, а сразу несколькими десятками камней» [Shekhar 2018: 114].

Период президентства Б.Ю. Хабиби и Мегавати Сукарнопутри и др. демократических президентов периода Реформации автор объективно оценивает как бифуркационный этап для внешней политики Индонезии, которая с началом XXI в. активно вовлекается в мировые дела, стремится показывать себя страной — лидером АСЕАН и сохранить позиции значительной региональной державы, которые ранее завоевала при двух авторитарных президентах [Shekhar 2018: 28]. При этом В. Шекхар на конкретных примерах доказывает, что преобладание классических концепций времен холодной войны было очевидным [Shekhar 2018: 120].

Усиление регионального влияния Индонезии в новом веке автор связывает с приходом в 2004 г. президента Сусило Бамбанг Юдойоно, который занимал пост два срока в течение 10 лет до 2014 г. Шекхар, как и ряд других ученых, развивает идею о значении АСЕАН для периода Юдойоно. Действительно, роль Индонезии в АСЕАН наиболее полно проявилась именно в десятилетие правления Юдойоно. Например, в период с 2011 г. индонезийский министр иностранных дел Марти Наталегави активно продвигал институциональные реформы в АСЕАН, а его Доктрина «динамического равновесия» привела к усилению руководящей роли Индонезии в деле инициирования институциональных реформ, учреждений АСЕАН, первостепенной региональной организации для доминирования Индонезии в регионе, а также к активности в решении основных актуальных современных проблем, с которыми сталкиваются государства — члены АСЕАН [Shekhar 2018: 135].

Упоминается Шекхаром и концепция Юдойоно: «Тысяча друзей и ни одного врага», которая в первую очередь провозглашала активное участие Индонезии в деле выстраивания отношений с Западом и, что немаловажно, с мусульманским миром, в рамках которого Индонезия также начала позиционироваться как потенциальный лидер мировой Уммы с самым крупным мусульманским населением в мире. Шекхар в целом оценивает период президентства Юдойоно как время формирования фундамента той Индонезии, которая сейчас может быть оценена как региональный лидер с потенциалом мировой державы.

Завершает подробный анализ внешней политики оценка деятельности нынешнего президента Джоко Видодо и его администрации. Период Джокови оценивается автором как ключевой для оформления современного регионального лидерства Индонезии в силу пересмотра старых принципов невмешательства и посреднической роли [Shekhar 2018: 145]. Автор отмечает, что после победы в 2014 году новый президент обнародовал доктрину «Индонезия — Морская ось мира» (ИМОМ). По его мнению, стремление Индонезии стать морской державой свидетельствует о новом уровне индонезийского самосознания, что разительно отличается от предыдущих попыток только лишь восстановить и улучшить международный имидж [Shekhar 2018: 194]. Ее смысл состоит в превращении Индонезии в мировую морскую державу. Концепция «морской оси» затрагивает интересы во многих секторах мировой политики и экономики. Анализирует Шекхар и действия Индонезии по защите интересов в Южно-Китайском море. Автор также отмечает отход Индонезии от асеаноцентричности [Shekhar 2018: 172].

Рецензируемая работа представляет собой серьезную и интересную книгу на довольно редкую тему. Она представляется одной из наиболее систематизированных трудов по эволюции внешней политики Индонезии. Следует отметить, что благодаря подробному анализу автора возможно сформировать представление об истории регионального влияния Индонезии и ее современном положении, роли, статусе, а также о ее значении в мировой политике.

Библиографический список / References

- Acharya, A. (2014). *Indonesia Matters: Asia's Emerging Democratic Power*. Singapore: World Scientific Publishing Co. Pte. Ltd.
- Roberts, C.B., Habir, A.D. & Sebastian, L.C. (Eds.). (2015). *Indonesia. Indonesia's Ascent: Power, Leadership, and the Regional Order*. Houndmills: Palgrave Macmillan.
- Shekhar, V. (2011). *The Politics of Islam. Nation-Building and Development ethnic violence and Terrorism in Indonesia*. New Delhi: Anamika Publishers & Distributors (P) Ltd.
- Shekhar, V. (2015). *Indonesia's Rise: Seeking Regional and Global Roles*. New Delhi: Pentagon Press.
- Shekhar, V. (2018). *Indonesia's Foreign Policy and Grand Strategy in the 21st Century*. London: Routledge, 243 p.

Дата поступления статьи: 30.10.2018

Для цитирования: Куклин Н.С. Рецензия на монографию: Shekhar V. *Indonesia's Foreign Policy and Grand Strategy in the 21st Century*. London: Routledge, 2018. 243 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 1. С. 162—164. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-162-164.

Сведения об авторе: Куклин Никита Сергеевич — магистрант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: kouklinesawicki@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-162-164

Book Review:

Shekhar, V. (2018). *Indonesia's Foreign Policy and Grand Strategy in the 21st Century*. London: Routledge, 243 p.

N.S. Kuklin

RUDN University, Moscow, Russia Federation

Received: 30.10.2018

For citations: Kuklin, N.S. (2019). Book Review: Shekhar, V. (2018). *Indonesia's Foreign Policy and Grand Strategy in the 21st Century*. London: Routledge, 243 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (1), 162—164. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-162-164.

About the author: *Kuklin Nikita Sergeevich* — MA student of the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: kouklinesawicki@gmail.com).

© Куклин Н.С., 2019

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-165-167

Рецензия на монографию:
**Mittelman J.H. Implausible Dream. The World-Class University
and Repurposing Higher Education. Princeton:
Princeton University Press, 2018. 262 p.**

В.М. Филиппов

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

За последние 20—30 лет многие социальные инновации превратились в рутину с точки зрения их общественного восприятия. Однако есть области, революционные изменения в которых по-прежнему являются чувствительными для любого общества. Высшее образование остается как раз той сферой, которая совмещает сугубо традиционный подход с массой новаторских разработок и требует крайне осторожного использования всего того массива предлагаемых инициатив, которые позволяют университетам выживать и продвигаться в эпоху глобализации образования и, как следствие, тотальной конкуренции за студентов, финансирование, научное имя и международные рейтинги.

Любая фундированная публикация касательно образования неизменно вызывает живой интерес у аудитории, причем как профессиональной, так и у более широкого круга читателей. Книга Джеймса Миттельмана, ученого с мировым именем и заслуженного профессора Американского университета (США), с броским названием «Несостоятельная мечта» как раз пример такой публикации, которая любопытна с точки зрения сравнительного анализа образовательных практик разных стран и, что немало важно, располагает читателей из-за взвешенного подхода автора ко многим насущным и спорным вопросам университетской политики. Стержневая тема исследования — анализ тотального стремления вузов достичь статуса университетов мирового уровня и реальных возможностей в воплощении столь амбициозной и для большинства неправдоподобной мечты. Ценность издания не только в рационально-критическом подходе,

но и в попытке предложить альтернативные опции, которые помогут сформировать иную парадигму развития для подавляющего большинства вузов вместо слепого копирования стратегии небольшой группы наиболее мощных и развитых вузов по достижению бренда «университета мирового класса».

Автор прагматично описывает нынешние тенденции в образовании, всецело относя университеты к категории полноценных акторов на мировой арене, которые получили ключевой толчок к развитию после 1945 г. по аналогии с межправительственными и неправительственными институтами. В этом качестве университеты генерируют «рыночную власть», являясь двигателем «мягкой силы» [Mittelman 2018]. В стремлении приблизиться к уровню мирового класса вузы как некогда оплоты социального развития постепенно отходят от выполнения своей исконной миссии по «развитию демократической гражданственности, поощрения критического мышления и защиты академической свободы». В борьбе за национальные и международные рейтинги вузы применяют «новую форму утилитаризма», которая продвигает в образовательной среде жесткие законы рыночной экономики и конкуренции в ущерб академическим ценностям. Так, приоритетными становятся «полезные знания и навыки решения проблем» в ущерб широкой фундаментальной подготовке. В этой связи автор цитирует письмо А. Эйнштейна, адресованное *New York Times* в 1952 г., в котором он предостерегает сторонников образовательной модели, основанной на узкой специализации, говоря о том, что студент в таких условиях «скорее превратится в хорошо дрессированную

собаку, нежели чем в гармоничную полноценную личность» [Mittelman 2018]. По мнению автора, подобная образовательная модель, основанная на законах рынка, получила сегодня повсеместное распространение и стала нормой. Соответственно, в качестве общей проблематики автор формулирует следующие вопросы: Насколько вузы, как акторы, в состоянии мудро и ответственно проецировать свою власть? Что заставляет институты вставать на путь жесткой борьбы за право причислить себя к классу «элиты» с брендом «университет мирового уровня»? Насколько это разумно и в принципе возможно для подавляющего большинства вузов? [Mittelman 2018].

С точки зрения методологии книга более чем доступна рядовому читателю, так как основывается преимущественно на эмпирическом анализе и сравнительном кейс-стади. Профессор Дж. Миттельман, используя свой поистине богатейший опыт, сравнивает три непохожих друг на друга национальных подхода: неолиберальный подход США, продвигающий образовательную модель, ориентированную преимущественно на рынок в условиях усиливающейся глобализации; пример Финляндии в качестве иллюстрации активной социальной политики государства в области образования; пример Уганды как постколониального государства с исторически государственным регулированием образовательной модели, но вступившего на путь активного формирования частной университетской системы [Mittelman 2018].

Бесспорным преимуществом выступает подробнейшее изложение исторических условий формирования каждой модели, а также тщательный разбор преимуществ и недостатков с учетом современных реалий. Автор отмечает удивительный парадокс — вузы становятся все более похожими друг на друга на фоне одновременно увеличивающихся различий. Тенденции в виде конвергенции и усиления отличий между вузами взаимообусловлены и образуют полиморфизм [Mittelman 2018]. В каждом конкретном кейсе Дж. Миттельман обращает внимание читателей не только на исторические предпосылки, но и на современный контекст развития вуза. Автор указывает на общность изученных кейсов: университеты создавались в странах, переживших гражданские войны и международные военные конфликты; изначально вузы формировались

под влиянием религиозного фактора; по мере приобретения светского характера институты адаптировались под европейскую модель; каждая образовательная система так или иначе вращалась вокруг национальной идентичности [Mittelman 2018].

Профессор Дж. Миттельман полагает, что все 30 тыс. вузов мира не могут одновременно стать университетами мирового класса. Прямая конкуренция с хабом богатых научно-исследовательских университетов «развитого Севера», в распоряжении которых имеются значительные ресурсы, подчас контрпродуктивна [Mittelman 2018]. Это своего рода образовательная утопия. В условиях глобализации всегда будет присутствовать неравное распределение ресурсов и возможностей, что изначально предопределяет более сложную иерархию университетов, чем данные рейтингов или аккредитационных агентств. Автор ни в коем случае не призывает вузы отказываться от своих долгосрочных стратегий, ведь глобальная мечта по продвижению к уровню университета мирового класса может вдохновлять на реализацию краткосрочных точечных проектов.

Но если мечта слишком амбициозна и явно несбыточна, то создаются ложные ожидания. Более прагматичный и дальновидный подход — развивать свои конкурентные преимущества с опорой на альтернативные жизнеспособные стратегии. Автор выдвигает пять, по его выражению, скромных предложений в виде структурных реформ, которые, будучи использованными в комплексе, способны произвести системный эффект. В частности, он призывает: 1) сформировать правильный образовательный дискурс в целях грамотного определения миссии вуза; 2) соединить глобальный и локальный уровни; 3) продвигать культуру креативности и творчества; 4) создавать стимулы работы интеллектуальной элиты; 5) соблюдать политику жесткой экономики [Mittelman 2018].

Легкость и незамысловатость предложенных инициатив не означает простой и быстрый характер их имплементации. В каждом конкретном случае требуются основательные и тщательно проработанные механизмы реализации. Ведь, как справедливо заметил профессор Дж. Миттельман, конкурентная борьба университетов будет только обостряться...

Библиографический список / References

Mittelman, J.H. (2018). *Implausible Dream. The World-Class University and Repurposing Higher Education*. Princeton: Princeton University Press.

Дата поступления рецензии: 31.10.2018

Для цитирования: Филиппов В.М. Рецензия на монографию: Mittelman J.H. *Implausible Dream. The World-Class University and Repurposing Higher Education*. Princeton: Princeton University Press, 2018, 262 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 1. С. 165—167. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-165-167.

Сведения об авторах: Филиппов Владимир Михайлович — доктор физико-математических наук, академик Российской академии образования, ректор Российского университета дружбы народов, Председатель Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования РФ (e-mail: rector@rudn.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-165-167

Book Review:

Mittelman, J.H. (2018). *Implausible Dream. The World-Class University and Repurposing Higher Education*. Princeton: Princeton University Press, 262 p.

V.M. Filippov

RUDN University, Moscow, Russian Federation

Received: 31.10.2018

For citations: Filippov, V.M. (2019). Book Review: Mittelman, J.H. (2018). *Implausible Dream. The World-Class University and Repurposing Higher Education*. Princeton: Princeton University Press, 262 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (1), 165—167. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-1-165-167.

About the author: Filippov Vladimir Mikhailovich — Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Academician of the Russian Academy of Education, Rector of the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Chairman of the Higher Attestation Commission at the Ministry of Science and Higher Education of Russian Federation (e-mail: rector@rudn.ru).

© Филиппов В.М., 2019

ЗАРУБЕЖНОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ
(ПРОФИЛЬ «КИТАЙ»)
НА КАФЕДРЕ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
ФАКУЛЬТЕТА ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК РУДН

Специальность «Зарубежное регионоведение» в соответствии с образовательными стандартами нового поколения предполагает подготовку специалистов по конкретному региону, отдельной стране или группе стран. В настоящее время кафедра теории и истории международных отношений (ТИМО) РУДН осуществляет подготовку бакалавров и магистров-регионоведов по профилю «Китай». Студенты, обучающиеся по направлению «Зарубежное регионоведение», изучают в обязательном порядке два языка, один из которых китайский. Среди обязательных дисциплин данного направления подготовки — география и история, экономика и финансы, политика и право, культура и религия, внешняя политика и международные отношения изучаемого региона.

Преподаватели-китаисты РУДН — одни из сильнейших в РФ, все с хорошим знанием китайского языка, выпускники программ двойных дипломов РУДН с Пекинским университетом иностранных языков (к.и.н. А.А. Забелла), Шаньдунским университетом (к.и.н. Е.В. Журавлева), Дипломатической академией МИД России (к.и.н. А.В. Цвык), а также выпускники ведущих отечественных вузов, в т.ч. ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова (д.п.н. А.В. Виноградов, к.и.н. А.С. Бельченко), МГИМО МИД России (к.п.н. Е.Н. Грачиков). На кафедре сформировалась сильнейшая в РФ школа по изучению китайских теорий международных отношений.

Обучение ведется в подлинно международной среде, ведь РУДН — это вуз № 1 в РФ, СНГ и странах БРИКС по показателю интернационализации (студенты из 152 стран мира). Почти все бакалавры-китаисты проходят языковые стажировки и включенное обучение в вузах КНР. Для магистров действуют программы двойных дипломов с Пекинским и Даляньским университетами иностранных языков, Шаньдунским университетом. По специальности «Зарубежное регионоведение» РУДН принимает участие в работе Университета ШОС.

Выпускники-регионоведы, обладая фундаментальными знаниями китайского и одного из европейских языков, а также широким охватом знаний по региону специализации, становятся настоящими экспертами по КНР. Китаисты — выпускники РУДН сегодня успешно работают в системе МИД России, в Россотрудничестве, в МИА «Россия сегодня», в ТАСС.

Мы гордимся нашими выпускниками-китаистами!

Наши координаты:

*Кафедра теории и истории
международных отношений РУДН*
Адрес: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-
Маклая, 10/2
Тел. +7 499 936-85-26
E-mail: humanities.ir@rudn.ru

Приемная комиссия РУДН:
Адрес: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-
Маклая, д. 6
Многоканальный тел. +7 495 787-38-27
E-mail: priem@rudn.ru